

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

Institute of history, archaeology and ethnography
of the peoples of the Far East FEBRAS

Дальневосточный федеральный университет

Far Eastern Federal University

ТИХООКЕАНСКОЕ ВРЕМЯ РОССИИ И МИРА

Культура, история, политика

XIII всероссийская научная конференция молодых ученых (с международным участием)

Владивосток, 18–22 апреля 2012 г.

Программа и тезисы

THE PACIFIC TIME OF RUSSIA AND THE WORLD Culture, History, Politics

The XIII All-Russian Conference of Young Scholars (with Foreign Participants)

Vladivostok, April 18–22, 2012

Program and Theses

Владивосток

Издательский дом Дальневосточного федерального университета
2012

УДК 082
ББК 94
Т46

*Организаторы конференции – Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (ИИАЭ ДВО РАН),
Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ)*

Работа выполнена при поддержке гранта ДВО РАН 12-ПН-Г-11-003
и гос. задания Министерства образования и науки РФ 6.2256.2011

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Ответственный редактор канд. ист. наук Ю.В. Латушко

Т46 **Тихоокеанское время России и мира : культура, история, политика** : XIII всерос.
науч. конф. молодых ученых (с международным участием), Владивосток, 18–22 апреля
2012 г. : программа и тезисы / Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет ; [отв. ред.
Ю.В. Латушко]. – Владивосток : Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. – 146 с.
ISBN 978-5-7444-2749-8

Сборник содержит программу и тезисы XIII всероссийской научной конференции молодых
историков с международным участием (студентов, аспирантов, научных сотрудников и преподавателей),
посвященные широкому спектру проблем современных исторических, археологических и этнологических
исследований. В центре внимания изменения культуры, исторического времени и политических трендов
обширного дальневосточного региона и сопредельных стран.

Для специалистов, студентов и аспирантов, а также более широкого круга читателей,
интересующихся вопросами истории Дальнего Востока России и стран – соседей по Азиатско-
Тихоокеанскому региону.

УДК 082
ББК 94

*Host organizations: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples
of the Far East FEB RAS (IHAE FEB RAS), Far Eastern Federal University (FEFU)*

Т46 **The Pacific Time of Russia and World : Culture, History, Politics** : The XIII All-Russian
conference of young scholars with foreign participants, April 18–22, 2012 : program and theses /
Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the far east febras, Far Eastern
federal university ; [ed. By Yu.V. Latushko]. – Vladivostok : Publisher house of Far eastern
federal university, 2012. – 146 p.
ISBN 978-5-7444-2749-8

The collection contains program and theses of XIII all-Russian conference of young scholars (students,
postgraduate students, scientists, tutors) with foreign participants. The theses deal with different problems of
modern historical, archaeological and ethnological studies. Cultural change, historical time and political trends of
the vast Far East and neighboring countries are in spotlight.

For experts, students and post-graduate students, and also more a wide range of readers, who interested in
questions of history of the Far East of Russia and the countries – neighbors in Asian-Pacific region.

UDK 082
BBK 94

ISBN 978-5-7444-2749-8

© ДВФУ, 2012
© ИИАЭ ДВО РАН, 2012

Программный комитет

- Ларин В.Л.* – председатель программного комитета, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
- Ажимов Ф.Е.* – сопредседатель программного комитета, доктор философских наук, директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного Федерального университета
- Крадин Н.Н.* – член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный Федеральный университет
- Лихарев Д.В.* – доктор исторических наук, профессор. Дальневосточный Федеральный университет
- Беляев Д.Д.* – кандидат исторических наук, доцент. Российский государственный гуманитарный университет

Организационный комитет

- Латушко Ю.В.* – председатель оргкомитета, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН
- Савченко А.Е.* – заместитель председателя оргкомитета, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН
- Иванов С.А.* – ученый секретарь оргкомитета, младший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН
- Пискарева Я.Е.* – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН
- Ставров И.В.* – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН
- Кондратенко Г.В.* – младший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН
- Веремейчик А.С.* – старший лаборант ИИАЭ ДВО РАН
- Щукина М.К.* – ассистент кафедры Всеобщей истории, археологии и антропологии ДВФУ

Контактная информация:

+7 (423) 2268170, latushko@mail.ru – председатель оргкомитета

С электронной версией программы и тезисов можно ознакомиться на сайте:
<http://www.ihaefe.org>

Содержание

<i>Страны АТР в процессе модернизации: уроки для России</i>		
Алленов В.А.	Мифологический компонент в идеологических системах России и Китая и территориальная безопасность российского Дальнего Востока	8
Борисенко О.А.	Культурное взаимодействие России и Китая в рамках работы ШОС	10
Авдеева В.А.	Книжные выставки как средство межкультурного взаимодействия России со странами АТР	12
Веремейчик А.С.	Демографическое развитие Северо-Восточного Китая 1949 – 1978 гг.	15
Сухарев Д.В.	Взгляд на Китай в сфере регионального воспроизводства	17
Иванов С.А.	Политика властей провинции Хэйлунцзян в области сотрудничества с Россией как ресурс регионального экономического развития	19
Зуенко И.Ю.	Сравнительный анализ системы самоуправления соседской общины городских жителей в России и КНР	20
Олейников И.В.	Международное сотрудничество регионов Байкальской Сибири со странами АТР: проблемы устойчивого развития	23
Пятачкова А.С.	Социально-экономические проблемы как фактор этнической напряженности в национальных автономиях Китая (СУАР и Тибете)	26
Соснов М.Е.	Взаимоотношения Цинского Китая и России XVII-XVIII вв.	28
Реутов Д.А.	Активизация российско-корейского сотрудничества как фактор модернизации экономики Дальнего Востока	31
Века Е.А.	Влияние северокорейского фактора на внешнюю политику России	34
Дмитриева М.О.	Внешняя политика России в Восточной Азии: от деклараций к практическим результатам	37
Гамерман Е.В.	Северо-Восточная Азия: «Серая зона» мировой политики	40
Комлева Е.В.	Юкка Маунтин, Краснокаменск и Печенга	41
Федюк Р.С., Мочалов А.В., Тимохин А.М., Муталибов З.А.	Вторая волна новых индустриальных стран АТР (до и после мирового финансового кризиса)	44
Болдырев В.Е.	Торгово-экономическая политика США в отношении Японии в 1980-е гг.	47
Пустовойт Е.В.	Королевство Рюкю в планах западных стран в Восточной Азии в первой половине XIX в.	49
Кашникова В.И.	Некоторые вопросы политической модернизации Индии	52
<i>Археология и палеоэкология Дальнего Востока России и стран АТР: долгое время культуры</i>		
Федорец Ю.В.	Отолиты семейства Pleuronectidae – камбаловые из раковинной кучи Янковской культуры поселения Клерк – 5	53
Шарова О.А., Раков В.А., Попов А.Н.	Промысловые моллюски в раковинной куче поселения Русский-1	56

Гасилин В.В., Васильева Л.Е., Алексеева Э.В., Горбунов С.В.	Промысел крупных млекопитающих населением юга Дальнего Востока в раннем железном веке и средневековье	59
Акуленко В.С.	К вопросу о «доместикации» риса на Корейском полуострове	62
Пискарёва Я.Е.	Типы жилых и хозяйственных построек мохэского населения Приморья (V-VII вв.)	65
Ахметов В.В.	К вопросу о бохайских могильниках на севере Корейского полуострова	68
Беляев Д.Д., Давлетшин А.И.	Раннеземледельческие общества тихоокеанского побережья Юго-Восточной Мезоамерики: археологические и лингвистические данные	69
<i>Традиционные культурные коды народов АТР и их трансформация</i>		
Латушко Ю.В.	Рост и упадок полинезийской «протоцивилизации»	72
Острирова Е.С.	Социо-политическое развитие вожеств северной Колумбии	75
Ли Шуан	Китайская храмовая архитектура	75
Черепова А.А.	Трансформация традиционных культурных кодов на примере Китая и Японии	78
Гуань Минчжу	Категория «культура» в российской и китайской традиции	81
Краюшкина Т.В.	Питание переселенцев из Новосибирской области в Приморском крае в 1980 – 2010 гг.	84
Гвоздев Р.В.	Трансформация военной подготовки тунгусо-маньчжуров в физическую культуру и спорт (середина XIX—XX вв.)	87
Ульянченко А.Л.	Историография изучения суеверий	89
Цзя Хуэйминь	Культура и обычаи династии Мин	91
Горбенко П.Л.	Традиционное и новое в японском культурном коде	93
Мишукова О.В.	Легенда о Танабата в антологии классической поэзии Японии «Манъёсю»	94
<i>Российский Дальний Восток: безопасность и развитие</i>		
Савченко А.Е.	Дальний Восток во второй половине XX – начале XXI вв.: сценарии развития региона и факторы их реализации	97
Козлов Л.Е.	Региональная политика России на Дальнем Востоке: баланс потребностей национальной безопасности и экономического прогресса	100
Зыков А.А.	Главы регионов Дальнего Востока России в системе «суверенной демократии»	103
Журавлев П.В.	Проблемы административно-территориального разграничения между Якутской АССР и Дальневосточным краем (1920-е – 1930-е гг.)	106
Авилов Р.С.	Введение военно-окружной системы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России (1865)	108
Макитрюк Е.В.	Контакты цинской администрации с аборигенами Среднего и Нижнего Амура во второй половине XIX в.	111
Мищук С.Н.	Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: ретроспективный аспект	114

Громова А.В.	Анализ социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних на юге Приморья	116
Крюков И.В.	Деятельность добровольно-спортивных организаций и их вклад в военную подготовку гражданского населения дальнего Востока РСФСР в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.	119
Орнацкая Т.А.	Деятельность Советского государства по обеспечению безопасности Дальнего Востока с помощью иррегулярных сил (1931-1945 гг.): к постановке проблемы	122
Романов Р.Е.	Рабочая молодежь промышленности Сибири и Дальнего Востока в 1941–1945 гг.: оценка динамики количественных изменений	125
Савчук А.А.	Роль данных венерических диспансеров в изучении проституции во Владивостоке в первой половине 1920-х гг.	127
Щукина М.К.	Исследование гендерного насилия в г. Владивостоке	130
Старогородцева В.В.	Научно-теоретическое осмысление вопросов пограничной безопасности в Дальневосточном Федеральном округе: история и перспективы	132
Заколотная А.С.	Начальный этап переселения крестьян: причины, основные составляющие процесса. Историко-культурологический аспект	135
Гончарук И.А.	Книжное дело в Стратегии развития Дальнего Востока России	137
Жиронкин Д.С.	Влияние «Саммита АТЭС-2012» на объем международных контактов, социально-экономических связей и рекреационную конкурентоспособность Приморского края	141

**Программа XIII всероссийской конференции молодых ученых
(с международным участием)
«Тихоокеанское время России и мира: культура, история, политика»**

Дата	Мероприятие	Место, время
18 апреля	Заезд участников	Владивосток
19 апреля	Регистрация участников	09.00 – 09.30 Конференц-зал ДВФУ, ул. Пушкинская 10, корпус А, аудитория 302
	Открытие конференции, пленарное заседание	09.30 – 12.30 Конференц-зал ДВФУ, ул. Пушкинская 10, корпус А, аудитория 302
	Перерыв	12.30 – 13.30
	Мастер-классы и круглые столы ведущих ученых России	13.30 – 18.00 Конференц-зал, аудитории ДВФУ, ул. Пушкинская 10
20 апреля	Секционные заседания	09.30 – 13.00 ДВФУ, аудитории 0346, 116, 117, 403, ул. Пушкинская 10
	Перерыв	13.00 – 14.00
	Секционные заседания	14.00 – 18.00 ДВФУ, аудитории 0346, 116, 117, 403, ул. Пушкинская 10
	Заключительное пленарное заседание, закрытие научной части конференции	18.15 – 19.00 Конференц-зал ДВФУ, ул. Пушкинская 10
21 апреля	Экскурсия на археологические памятники Южного Приморья	10.00 – 19.00
22 апреля	Отъезд участников	Владивосток

**Регламент: пленарный доклад 20-30 минут, секционный – 10 минут
Обсуждение секционного доклада – 5 минут**

В. А. Алленов

**Мифологический компонент в идеологических системах России и Китая
и территориальная безопасность российского Дальнего Востока**

Мифы и легенды являются инструментом конструирования национальных идеологических систем, цель которых – консолидировать внутривластное пространство государства и обосновать его внешнюю и внутреннюю политику, подтвердить право того или иного государства расширять границы своего влияния и вершить «судьбы мира». Благодаря тому, что логика мифа подсознательно воспринимается человеком как единственно верная, правильная, в любую историческую эпоху миф может служить основой для построения идеологии и политики. Политика не только сопровождается мифологией, но и использует исходные мотивы, архетипы мифа, а, значит, сама по себе мифологична. Архетипы, лежащие в основе мифов, были накоплены и совершенствовались на протяжении существования человеческого общества с начальных этапов его развития, и современная мировая политика во многом руководствуется теми же принципами.

Так, легенды и мифы о «золотом веке» и «земле обетованной» использовались с целью обоснования исключительности того или иного народа, его преимуществ перед другими нациями и этносами, то есть применялись для легитимизирования права данного народа на особый статус в мировой политике и международных отношениях. Более того, архетипическая структура мифов и легенд о Шамбале и Атлантиде легла в основу общепризнанных геополитических конструкций и схем, таких как теория Х. Маккиндера, говорящая о том, что в земном пространстве можно определить ключевой регион («хартленд»), контроль над которым может открыть путь к установлению мирового господства.

Присоединение новых территорий, расширение сферы влияния всегда было жизненно важно для любого государства. Поэтому неудивительно, что одной из целей внешней политики и идеологии государств являлись и являются поиски подтверждения своих амбиций на географические приобретения и нахождение законных предлогов для этого, а не менее важной задачей внутренней политики – мотивировать население страны исследовать новые земли и переселяться на новые места. В различные исторические периоды для аргументации необходимости освоения новых земель использовалась соответствующая мифология, создававшая и поддерживающая образы волшебных стран, содержащих неслыханные богатства или населённых союзниками-единоверцами. Это приводило к формированию мифологизированных идеологических и политических систем, предполагавших неизбежность определенного взгляда на сферу международных отношений, что не исключало конфликтов при взаимодействии двух различных систем. Такой конфликт произошел, например, при установлении отношений между Россией и Китаем в XVII веке. Легенда о потенциальном союзнике, находящемся в глубине «чужих»

в культурно-историческом плане государств и народов, Никанском (китайском) царстве – христианской стране, ведущей борьбу с богдойцами (маньчжурами), использовалась российским правительством для того, чтобы побудить население к большому хозяйственному освоению Дальнего Востока России и поиску торговых путей в Китай. Она же давала надежды на установление в своем роде «стратегического партнерства» с Китаем, обусловленного наличием общих врагов и общих интересов. Даже после того, как выяснилось, что маньчжурское и китайское государства являются единым целым, отношение в России к Китаю как к потенциальному союзнику в Азии, «своему» в «чужом» сохранялось и влияло на внешнюю политику России на Дальнем Востоке.

Однако правительство Китая, в лице маньчжурской династии Цин, видело в России не партнера, а страну «северных варваров» Лаоцань, «взбунтовавшихся» и вторгшихся на земли Поднебесной. Цинское правительство рассматривало Россию как «мелкое вассальное государство», а русских послов – как «послов, прибывающих с данью». Такое положение вещей не способствовало развитию дружественных отношений между носителями двух мифологизированных идеологий, каждая из которых утверждала свой особый статус в мировой системе. Согласно внешнеполитической концепции Китайской империи, Китай являлся единственным цивилизованным государством в мире, а китайскому императору – наместнику неба на земле – был подвластен весь поднебесный мир. Все страны, окружавшие «Поднебесную» империю и вступавшие с ней в дипломатические или торговые отношения, рассматривались в качестве варварских или полуварварских, в зависимости от их удаленности от центрального Китая, следовательно, равноправное партнерство с такими странами было невозможно. «Варваров» было необходимо «усмирять», в том числе с помощью силы или угрозы силой или «цивилизовать», то есть включить в сферу китайского культурного и экономического влияния.

В России также существовали представления об избранности российского государства, отразившиеся в идеологии «Третьего Рима». Эта политическая идея имела в своей основе мессианские представления о роли и значении России, которые сложились в период возвышения Московского княжества. Мифологема «Москва – Третий Рим» предполагала преемственность наследования московскими государями христианско-православной империи от византийских императоров, в свою очередь наследовавших ее от римских. При этом «Рим» рассматривался как носитель высокой культуры и совершенного государственного и общественного порядка, а Римская империя – как идеал государства, контролировавшего все известные страны и народы. Наследование этого статуса российским государством, становление московского (а затем - российского) государства «Третьим Римом», таким образом, легитимизировало присоединение новых территорий. Военные походы объяснялись необходимостью приобщения других народов к «цивилизации» или освобождения их от ига иноверцев-захватчиков.

Целью мифов и легенд каждой из этих идеологических систем – российского «Третьего Рима» и китайской «Поднебесной» – было показать и доказать свою богоизбранность или богоподобность. Восприятие же контрмифов в качестве негативного явления, способного нанести ущерб существующей идеологии, вело к столкновению интересов взаимодействующих мифологических систем. Такое столкновение, в свою очередь, сопровождалось формированием образа врага, «агрессора», постепенным вытеснением мифологемы «своего» в «чужом» мифологемами «угрозы», «чужого». Атмосфера конфронтации, неизбежная эскалация напряженности во взаимоотношениях двух систем становились предпосылками к возникновению идеологических, политических и вооруженных конфликтов. В XX в. она привела к расколу между двумя социалистическими государствами. В китайской прессе и литературе этого периода мифологема «утерянной земли» на севере успешно соединилась с мифологемами «врага», «агрессора», «чужого», в роли которого выступал Советский Союз или Российская империя. Апофеозом конфронтации стал ряд вооруженных нападений войск КНР на советские пограничные заставы на Дальнем Востоке России и в Казахстане, направленных против «агрессора, отнявшего китайские земли». В свою очередь в Советском Союзе, а затем и в России столкновение идеологических систем привело к укреплению образа Китая как «агрессора» по отношению к России и формированию мифологемы «желтой угрозы».

О. А. Борисенко

Культурное взаимодействие России и Китая в рамках работы ШОС

Тесное сотрудничество между Россией и Китаем является решающим фактором успешной деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), но оно не представляется возможным и без вклада в этот процесс каждого отдельно взятого государства-участника. Вместе с тем, роль России и Китая в данной организации ведущая.

Начало XXI в. отмечено становлением политического диалога между азиатскими государствами. В эти годы Россия переживала время радикальных преобразований. РФ стремилась к созданию условий для устойчивого экономического роста и формированию механизмов национальной безопасности. Возникновение «Шанхайской пятерки» стало для России в данный период новым фактором формирования государственной стабильности. Интересы двух стран совпадают по многим вопросам, поддерживая важные вопросы международной политики.

Основным принципом, на котором строится политический диалог России и Китая, является признание равенства прав и взаимное уважение при ведении политических вопросов. Исторический опыт, культурное сходство и притяжение, ресурсы, влияние двух держав на международной арене являются

предпосылками, а так же инструментами для активного взаимодействия и дальнейшего сотрудничества. России и Китаю необходимо выработать совместные ответы на глобальные вызовы. Политический диалог России и Китая необходимо сохранять и развивать не только в рамках Центральной Азии, но и в целом на международной арене. Политический диалог как вид культурного диалога между Россией и Китаем выстраивается по нескольким позициям: экономической, политической и общественной.

Согласно Хартии ШОС, сотрудничество в гуманитарной области является одной из приоритетных задач организации. Руководители шести стран-членов ШОС многократно подчеркивали, что организация должна уделять больше внимания гуманитарному сотрудничеству, которое становится одной из динамично развивающихся сфер взаимодействия в рамках ШОС.

В 2002 г. состоялась первая встреча министров культуры стран, входящих в ШОС, где было выражено намерение поддерживать проведение Дней культуры, участие художественных коллективов, деятелей искусств в различных конкурсах, фестивалях и других культурных мероприятиях, проводимых в странах "шестерки". Страны развивают культурное взаимодействие на основе уважения многообразия культур, мирного сосуществования различных цивилизаций, равноправного обмена и взаимного обогащения культурным наследием. Работа в культурной сфере складывается в нескольких направлениях: перекрестные годы и дни стран, культур и языков; организация научных международных конференций, а в рамках этого организуются фестивали, выставки, концерты и т.д. В 2001 г. создан «Русско-китайский фонд развития культуры и образования», который является членом Общества Российско-китайской дружбы. Фонд выступил организатором ряда культурных мероприятий в Китае. С 29.10. по 05.11. 2003 г. в Китае проходили Дни русской культуры, в рамках которых проходили выступления в городах Пекин, Шанхай, Ухань и Нинбо в соответствии с подписанным в феврале протоколом между министерствами культуры РФ и КНР. С открытия фотовыставки «Мировое наследие в Китае» 20 августа 2003 г. в Санкт-Петербурге началась «Неделя Китая», нацеленная на развитие культурного обмена между Китаем и Россией. В 2006 и 2007 гг. успешно прошли Год России в Китае и Год Китая в России. 2009 г. был годом китайского языка в России, 2010 г. – русского языка в Китае, в рамках которых прошло более 200 мероприятий. Они способствовали росту интереса народов к изучению русского и китайского языков. По данным агентства «Синьхуа», в настоящее время в России обучаются примерно 19 тысяч студентов из Китая, а в Китае – более 10 тысяч российских. В России открыто 12 Институтов имени Конфуция и 3 класса имени Конфуция, а в китайских вузах действуют 7 Центров русского языка. Успешно идет процесс развития отношений между российскими и китайскими библиотеками. В 2000-2002 гг. в Российской государственной библиотеке экспонировались книжные выставки, в том числе «Национальный праздник КНР в РГБ». В рамках культурного

сотрудничества России и Китая создана подкомиссия по сотрудничеству в области кинематографии. В 2002 г. в Пекине и Даляне прошла Неделя российского кино, в 2004 г. – Неделя китайских фильмов в Москве. Международные научные конференции проводятся ежегодно и по различным направлениям. В 2010 г. между Федеральным агентством по науке и инновациям России и Министерством науки и техники КНР был подписан Меморандум о сотрудничестве в области реализации совместных проектов по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники. 2012 год объявлен перекрестным годом туризма.

Глобализация и глобальные проблемы способствуют диалогу культур. Проблемы открытости к диалогу и взаимопониманию в современном мире приобретают глубокий характер. ШОС многонациональная организация, для её эффективной работы ей необходимо формирование и развитие общего образовательного пространства, работа с людьми, культурные обмены, а это, в свою очередь, помогает людям лучше понять друг друга. Как показал опыт, у России и Китая, это получается лучше всего.

Развитие ШОС ориентировано на «диалог цивилизаций», а развитие культурного пространства является неотъемлемой частью этого процесса. Сейчас необходимо развивать и другие направления, такие как – туризм, спорт, научные обмены, мероприятия в области культуры и межкультурного диалога, так как диалог культур был и остается главным в развитии человечества.

В. А. Авдеева

Книжные выставки как средство межкультурного взаимодействия России со странами АТР

В начале XXI в. происходит динамичное развитие стран АТР, стремительное подключение их к международному информационному пространству. Россия заинтересована в экономической и политической интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион, в том числе формировании «модернизационных альянсов» с КНР, Индией, Республикой Корея, Японией, Сингапуром, Австралией. Во время 20-й юбилейной сессии Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума в Токио Председатель Совета Федерации В. Матвиенко подчеркнула важность того, чтобы партнеры России из АТР не рассматривали Сибирь и Дальний Восток лишь в качестве поставщиков ресурсов, а заняли активную позицию в вопросах расширения сотрудничества. Одно из средств достижения этой цели – межкультурное взаимодействие, в частности решение специалистами – представителями разных культур общих проблем через реализацию международных исследовательских программ.

Книжная выставка – мощное средство коммуникации и межкультурного взаимодействия. Сегодня звание главного центра международного книгообмена

сохраняет за собой Франкфурт. В то же время возрастает значение Азиатско-Тихоокеанского региона. Крупные международные книжные выставки проводятся в КНР, Японии, Республике Корея, США, Сингапуре, Индии.

В 2009 г. состоялась XV Сеульская международная книжная выставка-ярмарка (проводится с 1954 г.). Одним из главных событий ярмарки стал международный семинар, призванный сблизить издателей из разных стран и активизировать переводы, публикации и продажи книг, защищенных авторским правом. С 1969 г. международная книжная выставка проводится в Сингапуре. Крупный международный книжный форум проходит в Далласе (США) с 1881 г. Еще одна крупная американская книжная выставка - BookExpo America (проводится с 1947 г.). В 2011 г. Россия была представлена здесь коллективным стендом. Успехом пользовались встречи с российскими авторами, в частности Ольгой Славниковой*. В 2011 г. в Индии состоялась 35-я Калькутская международная книжная ярмарка. На сегодняшний день одним из самых активных участников международного книжного сообщества является КНР. Крупные книжные форумы международного значения ежегодно организуются в Сянгане, Гонконге, Пекине. В 2006 г. Россия стала Почетным гостем XIII Пекинской международной книжной ярмарки. Фактически это был первый масштабный диалог российских и китайских писателей, издателей, журналистов за последние два десятилетия. Непосредственные участники события отмечают, что к российскому стенду (67 издательств) был проявлен живой интерес. В апреле 2006 г. в Австралии прошла первая выставка русских книг (около тысячи экз. изданий). Инициатором выступила профессор университета Макуори Нонна Владимировна Райен (урожденная Голицына). Посетители выставки высказывали пожелания о более тесных контактах с Россией в разных направлениях: совместном издании книг, передаче частных архивов. В 2007 г. Библиотекой-фондом «Русское Зарубежье» и Комитетом по телекоммуникациям и средствам массовой информации г. Москва в Австралии вновь была подготовлена книжная выставка. Все представленные книги были переданы в дар соотечественникам. В 2010 г. состоялась 17-я Токийская международная книжная выставка-ярмарка. В мероприятии участвовала петербургская организация «Русская закладка», демонстрирующая сувенирную продукцию.

Книжные выставки являются своеобразным зеркалом мировых событий и тенденций. Интерес представляет явно прослеживающийся в деятельности книжных выставок-ярмарок политический подтекст. Так, по поводу участия во Франкфуртской книжной ярмарке КНР в качестве Почетного гостя (2009 г.) развернулась острая дискуссия. Высказывание президента ярмарки Юргена

* Прозаик, лауреат премии «Русский Букер» 2006 года. Произведения: «Первокурсница» (1988), «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» (1997), «Один в зеркале» (1999), «Бессмертный» (2001), «2017» (2006), «Любовь в седьмом вагоне» (2008), «Легкая голова» (2010).

Босса «Китаем можно восхищаться, Китая можно опасаться, но его нельзя игнорировать» ярко демонстрирует позиции КНР не только в книжном бизнесе, но и на международной политической арене.

На книжных ярмарках постоянно звучит тема сотрудничества, признается необходимым профессиональный и конструктивный диалог с целью достижения соглашений о дальнейших инициативах. Деятельность книжных ярмарок общемирового значения представляет собой яркий информационный повод. Важный элемент книжной выставки-ярмарки – ее программа, включающая семинары, конференции, презентации и т.д. В числе актуальных тем, обсуждаемых на международных книжных ярмарках, книгораспространение, взаимовыгодное партнерство на книжном рынке, современные издательские технологии, авторское право, покупка, продажа, защита электронных изданий.

С наступлением 2000-х гг. Россия начала активно развивать международные связи в сфере книжного бизнеса. В 2000 г. состоялся первый опыт проведения коллективных экспозиций на Франкфуртской книжной ярмарке. В 2003 г. Россия стала Почетным гостем этой крупнейшей универсальной ярмарки мира. В 2011 г. наша страна стала центральным экспонентом и Почетным гостем 40-й Лондонской книжной выставки-ярмарки, в 2012 г. Россия будет Почетным гостем Нью-Йоркской Book Expo America.

Два самых крупных и известных ежегодных международных книжных форума России – Московская международная книжная выставка-ярмарка (ММКЯ) и Санкт-Петербургский международный книжный салон – ориентированы преимущественно на европейские страны.

Политологи регулярно указывают на важную роль Дальнего Востока в развитии связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Через сотрудничество с АТР открываются возможности для более интенсивного развития Дальнего Востока, Восточной Сибири, Забайкалья.

В 2000-х активизировался диалог России и КНДР. В июне 2002 г. международную выставку научно-технической литературы, проходящую в Пхеньяне (проводится с 2001 г.), посетили представители России из МГУ, Сибирского отделения РАН и 3-х владивостокских вузов: ДВГТУ, ДВГУ и ВГМУ. Отметим, что данный книжный форум посетили лишь 8 зарубежных делегаций. В 2006 г. в выставке участвовало уже 13 стран – в том числе Россия (5 делегаций: ДВО РАН, ДВГУ, ДВГТУ (Владивосток), Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск), ГПНТБ СО РАН (Новосибирск)).

С 1997 г. во Владивостоке проводится книжная выставка-ярмарка «Печатный двор» – крупнейшая в Дальневосточном регионе. Состав участников и география выставки расширяются с каждым годом. Если в первый год в ней приняли участие исключительно приморские компании, то в последующих выставках участвовали представители Приморского и Хабаровского краев, Магаданской, Амурской, Сахалинской, Камчатской областей, Сибири, Республики Саха (Якутия). Принимали участие в мероприятии и представители

центральной части России – компании из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Новосибирска, Красноярска. К участию в данной выставке приглашаются как отечественные, так и зарубежные организации, специализирующиеся на выпуске и распространении литературы, владельцы частных коллекций, а также творческие музыкальные организации. В 2001 г. в выставке приняли участие 8 полиграфических компаний из КНР. Они продемонстрировали свое оборудование, заключили контракты на его поставку. В 2009 г. Институт Конфуция (ДВГУ) проводил мастер-классы по полиграфии. Выступали профессор Хэйлунцзянского университета Ли Чуньцзе и преподаватель Янь Аньян. В 2010 г. в качестве гостей на выставке присутствовали представители Японии и КНР.

На наш взгляд, пришло время для трансформации выставки «Печатный двор» из регионального в международный – с целью способствования межкультурной интеграции и развитию связей с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Сегодня крупнейшие книжные выставки-ярмарки являются своего рода брэндом. Как проведение, так и участие в них способствует повышению авторитета организаций-участников и страны в целом. Это мощное средство выстраивания межкультурного диалога. Развитие данного направления – отличная возможность укрепить и расширить связи России со странами АТР.

А. С. Веремейчик

Демографическое развитие Северо-Восточного Китая 1949 – 1978 гг.

К образованию КНР (1949 г.) для Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) были характерны следующие особенности демографического развития. Во-первых, крайне неравномерное распределение населения по территории, обусловленное лучшей освоенностью и развитостью южных районов, нежели северных. Во-вторых, количественное несоответствие мужского и женского населения, ставшее следствием специфики заселения региона, когда на протяжении более двухсот лет китайским женщинам строго запрещалось поселяться в Маньчжурии. В-третьих, сравнительно высокий уровень урбанизации, вызванный стремительным развитием транспортной инфраструктуры, созданием крупных промышленных предприятий, благоприятствующих образованию городских центров.

В 1949 – 1957 гг. число жителей Северо-Востока росло более быстрыми темпами, чем численность населения в целом по стране. Данному процессу способствовали как значительный миграционный приток населения, так и очень высокие показатели естественного прироста. В связи с наличием ряда преимуществ – богатые природные ресурсы, относительно налаженная инфраструктура и геополитическая близость к Советскому Союзу, китайским руководством было принято решение о создании в регионе мощной

индустриальной базы. При этом основное внимание уделялось малоосвоенным северным районам, куда и направлялась основная масса мигрантов. В то же время, с установлением относительной стабильности, улучшением снабжения продовольствием, ростом занятости были созданы благоприятные условия для образования новых семей и увеличения числа рождений. Кроме того, в результате масштабных мероприятий, направленных на борьбу с нищетой, голодом, ликвидацию эпидемических заболеваний, созданием системы первичной медико-санитарной помощи, в регионе резко упал уровень смертности. Всё это вызвало резкое увеличение темпов прироста населения, что выразилось в «демографическом взрыве» (1954 – 1957 гг.).

В связи с огромным давлением многочисленного населения на развитие экономики, китайские власти стали осуществлять кампанию по ограничению рождаемости (1956 – 1958 гг.), где основное внимание уделялось повышению возраста вступления в брак. Мероприятия, проводившиеся в основном в городах, на Северо-Востоке с его сравнительно высоким уровнем урбанизации, были более эффективными, чем в целом по КНР. В результате кампании в регионе удалось несколько снизить показатели рождаемости.

Резкие изменения в воспроизводстве населения произошли в связи с проведением политики «большого скачка» (1958 – 1960 гг.), в ходе которой отмечалось существенное падение сельскохозяйственного производства, что вкуче со стихийными бедствиями привело к резкому ухудшению снабжения продовольствием. Данные процессы вызвали на Северо-Востоке демографический кризис – значительное падение коэффициентов рождаемости и существенное повышение уровня смертности.

Улучшение демографической ситуации последовало вслед за вступлением страны в период урегулирования (1962 – 1965 гг.). В целях ликвидации тяжёлой обстановки, в которой Китай оказался после политики «большого скачка», был взят курс на стабилизацию экономики. На Северо-Востоке сравнительно быстро стал снижаться уровень смертности и повышаться коэффициенты рождаемости, которые к середине 1960-х годов достигли показателей докризисного периода, восстановив высокий естественный прирост.

В условиях стремительного роста населения, и далеко не преодоленных экономических трудностей, руководство КНР приняло решение о начале второй кампании по контролю над рождаемостью (1962 – 1966 гг.). В её рамках акцент был сделан на ограничении числа детей в семье и на повышении возраста вступления в брак. Несмотря на предпринятые меры, стремительные темпы прироста на Северо-Востоке сохранялись, что обусловлено компенсационным ростом населения после его абсолютного сокращения в годы демографического кризиса. С началом «культурной революции» (1966 – 1976 гг.) мероприятия по ограничению рождаемости были ослаблены, что также благоприятствовало росту населения. В течение 1962 – 1970 гг. в регионе наблюдался второй

«демографический взрыв», который с лихвой покрыл потери периода «большого скачка».

Таким образом, в период 1949 – 1978 гг. численность населения Северо-Восточного Китая увеличилась в 2,16 раза (в целом по КНР – в 1,8 раза). Быстрый рост объясняется как высокими, по сравнению с другими районами страны, показателями естественного прироста, так и миграционным притоком. В ходе процессов индустриализации большинство промышленных центров создавалось в малоосвоенных и редконаселенных приграничных районах, что вызвало более равномерное распределение населения по территории региона. В результате масштабного промышленного строительства в регионе повышался уровень урбанизации. В соотношении по полу отмечалось постепенное увеличение доли женщин в общей численности населения региона. Однако, разрыв по показателям абсолютной численности мужчин и женщин возрос. Несмотря на сокращение относительных показателей естественного движения, сохранялись огромные абсолютные величины прироста.

Д. В. Сухарев

Взгляд на Китай в сфере регионального воспроизводства

После публикации доклада Национального разведывательного совета США [Мир после кризиса 2009] «2025: мир после кризиса» мировая общественность стала дискутировать вопрос «мирового лидерства государств и международных объединений». Выдвижение Китая на первый политический план стало беспокоить США. Динамика развития государств в условиях глобализации определила одну из тенденций: чем выше международный уровень, тем быстрее увеличиваются темпы собственного (внутреннего) развития. Наиболее наглядно это проявляется в КНР. Так, например, ничем непримечательный приграничный небольшой городок Манчжурия, за несколько лет стал международным центром торговли с Россией. Это обосновано тем, что на приграничной полосе точка Забайкальск-Манчжурия – единственная для Забайкалья транспортная развязка и коммуникационная линия международных перевозок. И из деревни Манчжурия сегодня стала туристической, торговой, образовательной инфраструктурой китайского региона. «Китайский регион» [Абрамов 2010, 176] как подсистема системы международных отношений представляет собой такой уровень развития региона, который обусловлен происходящими глобализационными процессами. Под уровнем понимают организацию регионального воспроизводства: расширение ресурсных возможностей, распространение культурных ценностей, которые обеспечивают КНР регионализацию на уровне международных отношений. То есть, «китайский регион» – это сфера международных отношений КНР, которая обеспечивает уровень внутреннего экономического развития, процесс воспроизводства, рассматриваемый в социально-экономической сфере и подразделяемый на

множество подсистем: воспроизводство трудовых, денежных продовольственных ресурсов и т.п. [Там же, 121]. Суть регионального воспроизводственного процесса состоит во взаимообусловленном единстве производства, обмена и потребления ресурсов. Это позволяет рассматривать регион как воспроизводственную систему, которая восполняет внутренние ресурсы за счет решения внешних интересов. Региональное воспроизводство КНР связано с проблемами комплексного развития региона, а его социальная значимость проявляется, прежде всего, в обеспечении достойного уровня жизни населения. Таким образом, «китайский регион» характеризует взаимообусловленность внутренней и внешней политики КНР. В мире обозначились две мощные тенденции – многополярность в политике и глобализация в экономике [Мир после кризиса, 13]. По мере глобализации Китай в своих торгово-экономических связях с Америкой, Европой, Японией почти перестал ощущать воздействие политических разногласий. И это происходит на фоне увеличивающегося экономического кризиса в Европе. Так, например, летом 2009 г. в центре внимания участников саммита «Большой восьмерки» находились вопросы содействия скорейшему восстановлению мировой экономики. На этом фоне статуправление Китая обнародовало официальный бюллетень, из которого следует, что в 2011 г. на фоне спада мировой экономики в Китае наблюдалось относительно быстрое, стабильное экономическое и социальное развитие, постепенное снижение цен на товары, структурная оптимизация и улучшение жизни народа [«Жэньминь-жибао» от 22.02.2011].

Как отмечают аналитики, Китай имеет предпосылки в ближайшие двадцать лет стать самой влиятельной страной в мире, даже при условии некоторого замедления экономического развития. В условиях глобализации Китай становится страной открытой для партнерства. Поэтому беспрецедентный рост экономики в мировых масштабах продолжит оказывать давление на ряд крайне важных стратегических ресурсов, таких как энергоресурсы, пища и вода [Мир после кризиса, 15]. По мнению аналитиков к 2025 г. население Китая будет насчитывать почти 1,4 миллиарда человек [Там же, 65]. В мире нет однозначного отношения к демографической политике Китая. КНР – это единственная страна, которая на законодательном уровне регламентирует процесс деторождения. Сокращение прироста населения вызвано не только демографическими, но и экономическими причинами. Таким образом, отвечая каждый раз на новые вызовы, китайские лидеры балансируют между необходимостью поддержания экономического роста на международной арене и отношением общества к политической власти в стране, которая контролирует, направляет и реализует процесс воспроизводства. Поэтому американские аналитики отмечают, что столкнувшись с социальными и экономическими изменениями КПК может подвергнуться трансформации [Там же]. Но в китайских СМИ эта тема отсутствует.

Политика властей провинции Хэйлунцзян в области сотрудничества с Россией как ресурс регионального экономического развития

С конца 1980-х гг. в дискурсе политической элиты провинции Хэйлунцзян устойчиво закрепилось положение о том, что сотрудничество с СССР/РФ является важным элементом текущего и перспективного развития экономики провинции. На протяжении двух десятилетий (1990-2000-е гг.) оно базировалось на идеалистических тезисах о максимальном использовании внешнеэкономических ресурсов для внутреннего развития территории: создании преференциальных режимов и экспортоориентированного хозяйства, налаживании кооперации в сфере производства и трудовых ресурсов, формировании баз по переработке импортируемого сырья и т.д.

Мы остановимся на нескольких моментах, через которые можно оценить эффективность политики провинциальных властей по использованию тех благ, которые давало сотрудничество с российской стороной. В своем анализе мы проследили, насколько провинциальным властям удалось (1) реализовать потенциал преференциальных институтов, созданных центральными властями или самой провинцией на границе с РФ, (2) использовать экспорт в Россию для развития экспортоориентированной промышленности, (3) трансформировать выгоды от сырьевого импорта из РФ в развитие перерабатывающих производств, (4) улучшить экономическое положение тех территорий, которые были достаточно сильно вовлечены в приграничное сотрудничество.

Проведенный нами анализ обширного статистического материала и официальных документов позволил прийти к выводу, что результаты политики местных властей провинции Хэйлунцзян по использованию сотрудничества с РФ в целях развития местной экономики были довольно скромными в сравнении с заявляемыми планами и прогнозами. Преференциальные режимы на российско-китайской границе не оправдали возлагаемых на них ожиданий по привлечению капитала, особенно в 1990-е гг. Фактически провалом закончился двусторонний трансграничный проект по созданию торговой зоны в районе Суйфэньхэ, активно лоббируемый властями этого города и поддерживаемый провинцией. Крайне ограниченными были успехи властей в создании экспортоориентированных производств в Хэйлунцзяне, производящих продукцию для российского рынка. Доля товаров местного производства в экспорте в Россию неуклонно снижалась на всем протяжении рассматриваемого периода. Аналогичная ситуация наблюдалась и в области формирования промышленности под вывозимое из России сырье. Его большая часть неизменно вывозилась в другие районы страны, а если и перерабатывалась внутри провинции, то лишь с небольшой добавленной стоимостью и малыми предприятиями.

Местным властям удалось лишь, пользуясь предоставленными преференциями из Центра и «неформальными» практиками торгово-экономического сотрудничества, монополизировать торговлю через свои пункты пропуска, где безраздельно доминировали сначала государственные, а затем частные компании приграничных уездов и городов. Однако эти фирмы вряд ли были консолидированы и управляемы со стороны партийного или правительственного руководства на местах. Например, наш анализ показал, что приграничные компании не были в состоянии значительно изменять в свою пользу контрактные цены, на вывозимую из России продукцию.

Можно выявить несколько причин низкой эффективности провинциальной политики по использованию тех ресурсов, которые давало сотрудничество с РФ. Во-первых, вышеуказанный анализ показал, что на эффективность хэйлунцзянских проектов сильное влияние оказывал внешний фактор, связанный с постоянной трансформацией народных хозяйств обеих стран (особенно России) и правил их функционирования. В условиях постоянных изменений мог развиваться лишь мелкий бизнес, который и стал доминирующим сектором той незначительной части экономики провинции, которая была задействована в двустороннем сотрудничестве. Во-вторых, не только в провинции Хэйлунцзян, но и в других северо-восточных провинциях, доминирование государственного сектора в экономике ввиду своей неэффективности тормозило развитие внешнеориентированного хозяйства. Негативное влияние на возможности провинциального руководства в использовании ресурсов сотрудничества с РФ оказывал факт схожести структуры экономики Хэйлунцзяна с дальневосточным и сибирским регионами России. В-третьих, сопоставление дискурса провинциальной элиты о сотрудничестве с Россией и результатов политики говорит о том, что провинциальная элита явно преувеличивала значимость приграничного взаимодействия для своей экономики. Заявляемые цели были недостижимы изначально, однако все же играли важную роль в формировании образа активной внешнеэкономической деятельности перед центральным правительством, требовавшим от своих территорий использовать все имеющиеся внешние ресурсы для внутреннего развития. Реальную значимость сотрудничество с РФ имело лишь для экономики нескольких приграничных городов и уездов, через которые проходили основные товарные и людские потоки.

И. Ю. Зуенко

Сравнительный анализ системы самоуправления соседской общины городских жителей в России и КНР

В данном исследовании рассматривается круг вопросов, связанных с возникновением, правовыми и организационными основами деятельности

органов т.н. «самоуправления соседской общины городских жителей» (далее – соседская община; термин собирательный для России и Китая, соответствует российскому термину «территориальное общественное самоуправление» и китайскому понятию «низовая демократия городских жителей»). В центре внимания исследования – процесс формирования и развития системы самоуправления соседской общины (ССО) в КНР.

В России, согласно 8 статье Конституции РФ и федеральному закону (№ 131-ФЗ от 2003 г.), местное самоуправление осуществляется на уровне т.н. «муниципальных образований» (городские округа, муниципальные районы, состоящие из сельских и городских поселений). Территориальное общественное самоуправление (ТОС) осуществляется на части муниципальных образований (кварталах, жилых комплексах, дворах) «для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив в вопросах местного значения непосредственно населением или через создаваемые им органы территориального общественного самоуправления». В настоящий момент система ТОС находится в России в стадии становления. Толчок для ее развития дало принятие Жилищного кодекса (2004) и распространение практики создания различных некоммерческих организаций для более эффективной эксплуатации жилищных помещений (прежде всего, ТСЖ, которые, строго говоря, к организациям ССО не относятся). Однако на практике замысел законодателей по созданию ТОС практически не реализуется. Обыватель сплошь и рядом путает понятия «ТОС», «ТСЖ» и «ЖСК», воспринимает ТОС как очередную разновидность жилищно-эксплуатационной конторы (ЖЭК). Кроме того, в настоящий момент процедура регистрации ТОС сильно усложнена, что делает их массовое распространение практически невозможным. На практике функции ТОС выполняют неформальные собрания жильцов подъезда, дома или микрорайона для решения наиболее важных вопросов, связанных с обустройством жилья и придомовой территории (как правило, сводятся к найму управляющих компаний или созданию ТСЖ). Являясь интереснейшим социальным феноменом, данные «собрания», тем не менее, не могут быть причислены к органам самоуправления.

В Китае сложилась иная ситуация. Во-первых, местное самоуправление как таковое сконцентрировано на уровне соседских общин, поскольку на всех уровнях административно-территориального деления (провинции, округа, уезды, волости) существуют элементы системы исполнительной власти (народные правительства) и представительные органы (СНП различных ступеней). Иными словами, под местным самоуправлением в Китае подразумевается то, что мы подразумеваем под территориальным общественным самоуправлением. С точки зрения терминологии для обозначения данного феномена используется термин «самоуправление жителей» (цзюйминь цзычжи) или «система низовой демократии» (цзицэн миньчжу), который подразумевает деление на «самоуправление сельских жителей»

(цуньминь цзычжи) и «общинное самоуправление» (шэцжой цзычжи), которое также обозначается как «самоуправление городских жителей» (чэньши цзюйминь цзычжи). В целом термин «самоуправление» (цзычжи) относится к национальным автономиям нетитульных народностей (шаошу миньцзу цзычжи).

Система ССО имеет давние исторические корни. В императорском Китае соседская община была одной из основ общественного и государственного строя. Общинный уклад проистекал из необходимости кооперации при проведении полевых работ, а также для поддержания оросительной системы, охраны урожая, совместного использования угодий, отражения внешней опасности, ремонта дорог и мостов, организации деревенских празднеств. Как особая территориальная общность соседская община была известна как «сян юэ» — «деревенский союз». Власти признавали в известных пределах самоуправление общин и предоставляли им возможность самим разрешать свои внутренние конфликты.

В XX в. соседская община стала объектом пристального внимания со стороны государства. В городах ССО было представлено комитетами городских жителей (цзюйминь вэйюаньхуй), процесс создания и развития которых протекал с 1954 г. и был приостановлен в годы «культурной революции». В новой форме комитеты городских жителей (не путать с цзедао баньшичу — «квартильными комитетами», которые являются органами госвласти в городских районах волостного значения!) начали создаваться после 1978 г., а на уровне нормативного акта их функции, права и обязанности были определены в 1989 г.

В конце 1990-х гг. в крупных городах КНР начал осуществляться эксперимент по созданию новых общественных объединений — территориальных общин (ТО, «шэцжой»). В 1999 г. Министерство гражданской администрации (миньчжэнбу) определило 26 районов, в которых формировались ТО. Они создавались в пределах квартала или жилого комплекса (китайские термины — «сяоцжой», «хуаюань» и т.д.) на базе комитетов городского населения (КГЖ), путем объединения нескольких комитетов в одну общину. Соответствующий орган самоуправления получил название «комитет городских жителей общины». Шэцжой стали новым элементом системы самоуправления городских жителей. С конца 2000 г. по всему Китаю начался процесс ликвидации прежних комитетов городского населения и создания на их основе более крупных и упорядоченных ТО. Однако по итогам 2000-х гг. можно констатировать, что территориальные общины не смогли вытеснить привычные комитеты городских жителей и так и остались в рамках своеобразного социально-политического эксперимента.

Анализ положения в области самоуправления соседской общины в России и Китае позволяет сделать следующие выводы:

1. В Китае система ССО находится на более высоком уровне развития, чем в России, чему способствует наличие богатых исторических традиций,

пристальное внимание к данному вопросу государства, лояльное отношение населения к государству и органами самоуправления;

2. в Китае, в отличие от России, формирование органов ССО происходит по инициативе сверху, является обязательным, контролируется партийными бюро; в России создание ТОС, по идее, должно происходить по инициативе масс, в рамках юридических норм, практически без поддержки государства;
3. в КНР все городские жители охвачены деятельностью соседских общин (хотя и не всегда по собственному желанию), тогда как в России деятельностью ТОС (и близких по духу, хотя и иных по юридическому статусу ТСЖ) охвачена ничтожно малая часть городского населения;
4. в Китае закреплению практики на уровне закона предшествует долгий период экспериментов и поисков наиболее оптимальных путей развития, тогда как в России закон предшествует практике, что на деле вызывает большое количество затруднений, связанных с правоприменением;
5. в России в качестве основной функции ТОС обществом признается решение жилищно-эксплуатационных вопросов, тогда как в Китае это только одна (не основная) функция; для КГЖ важнее решение вопросов взаимодействия соседей между собой и с властями;
6. в России в подавляющем большинстве случаев инициатива масс, направленная на решение насущных вопросов соседской общины, носит стихийный, неформальный характер (инициативные группы жильцов, собрание жителей дома и т.д.), тогда как в Китае повсеместное наличие органов ССО делает невозможным какие-либо неподконтрольные им инициативы;
7. для городского жителя в Китае характерно взаимодействие с двумя «источниками коммунальных услуг»: КГЖ и управляющими компаниями, что позволяет контролировать их деятельность и улучшать качество оказываемых услуг; в России, как правило, существует только один такой «источник» (УК, ТСЖ или ТОС), что сказывается на качестве услуг для населения;
8. организации ССО в Китае, как и в России, не подчиняются госорганам, но на практике находятся в значительной зависимости от вышестоящих народных правительств и партийных организаций;
9. как в России, так и в Китае органы ССО находятся в стадии становления, в обеих странах существует большое количество организационных и правовых проблем.

И. В. Олейников

**Международное сотрудничество регионов Байкальской Сибири
со странами АТР: проблемы устойчивого развития**

За последнее десятилетие международное сотрудничество регионов Российской Федерации становится все более весомым компонентом отношений с зарубежными государствами и неправительственными организациями. Растет объем и существенно обогащается содержание международного сотрудничества регионов, что вызывает необходимость проведения новых обобщений. Таким образом, изучение проблем развития международного сотрудничества регионов Байкальской Сибири, призвано выявить формирующиеся тенденции в международных и внешнеэкономических связях Иркутской области и Республики Бурятия на основе анализа их опыта взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Благодаря интенсификации процессов взаимозависимости в современном мире властям на местах необходимо позиционировать российские регионы в международном пространстве, исходя из глобального контекста, заботясь о сохранении внутренней среды субъекта Федерации, а не ограничиваться экстенсивной стратегией экспорта невозобновляемых сырьевых ресурсов, не способствующей системному устойчивому развитию. Таким образом, защита национальных интересов РФ на международной арене невозможна без сбалансированной политики федерального центра и регионов Федерации по вопросам международного сотрудничества. К настоящему времени важным условием реализации гармоничного внешнеполитического курса Российской Федерации является согласование позиций федерального центра и российских регионов по вопросам социально-экономического развития. В свою очередь, необходимым условием успешного осуществления внешней политики на региональном уровне является обеспечение комплексной государственной системы мер, направленных на поддержку инфраструктурных кластеров и создание прозрачного правового поля.

Для проблематики необходим взвешенный анализ основных подходов регионов Байкальской Сибири к осуществлению международного и внешнеэкономического сотрудничества, рассмотрение его организационно-правовых основ, выявление инфраструктуры внешних связей. Показателем того, что вопрос требует более внимательного, глубокого и системного рассмотрения, является повышенный интерес ряда зарубежных, и отечественных исследователей к проблемам международной интеграции регионов, их сотрудничества. Однако концептуальных трудов, в которых была бы освещена историческая динамика развития международного сотрудничества Байкальского региона, не существует вплоть до настоящего времени. В связи с этим требуется проведение анализа, организации, систематизации уже накопленных знаний и дополнение их новыми сведениями.

Так, путем обобщения отечественных и зарубежных исследований по отдельным аспектам регионализации международного сотрудничества в АТР, был сделан вывод о том, что интенсификация их экономической взаимозависимости развивает разнообразные формы взаимных экономических и

социальных связей, но вместе с тем межгосударственной структуры по типу ЕС в регионе не существует до сих пор. Это вызвано тем, что региональная подсистема международных отношений еще в недостаточной степени структурирована.

Россия может и должна использовать те неоспоримые преимущества, которые дает ей геополитическое положение ее сибирских регионов, способных стать своеобразным «коридором» – связующим звеном европейских и азиатских экономик. Однако на настоящий момент приходится констатировать, что экономика нашей страны носит двойственный характер: она является как глобальной (экономика европейской части РФ), так и региональной (экономика Восточной Сибири и Дальнего Востока РФ). Глобальная экономика России взаимодействует со всеми регионами земного шара, в то время как сырьевая региональная экономика Российской Федерации спроецирована в АТР, и именно внешняя составляющая – ориентация на экспорт сырьевых ресурсов в КНР, Японию и Республику Корея – в настоящее время является ключевой для развития Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Проанализированная информация о специфике протекания процессов регионализации в государствах АТР позволяет сделать вывод, что невозможно транслировать их опыт на российские реалии без учета особенностей развития региональных связей. Российская Федерация в настоящее время не способна оперативно внедрять зарубежный опыт регионального сотрудничества в силу инерционности мышления, как местных, так и центральных элит, которые не заинтересованы в изменении сложившейся ситуации стагнации инвестиционного сотрудничества с иностранными партнерами. Международное сотрудничество Иркутской области и Республики Бурятия с иностранными партнерами в области иностранных инвестиций развивается весьма медленными темпами. Иностранные капиталовложения осуществляются в основном в сырьевой сектор, ведь строительство производственных предприятий на территории Сибирского федерального округа невыгодно в силу объективных экономических причин – жестких климатических условий, значительных расстояний, и, как следствие – высокой себестоимости производимой продукции. Существуют и негативные аспекты международного сотрудничества регионов РФ, к которым следует отнести наличие экономической конкуренции субъектов Федерации друг с другом вследствие слабой согласованности позиций по вопросам осуществления связей с иностранными контрагентами; недостаточную активность сотрудничества регионов Байкальской Сибири со странами Восточной Европы и СНГ.

На основе анализа деятельности VII Байкальского экономического форума 2011 г., и состоявшихся в его рамках конференции «Европа – Россия – АТР. Энергетика: интеграция и сотрудничество» и круглого стола «Россия – АСЕАН – практика взаимодействия» был сделан вывод о том, что проведение таких дискуссионных площадок необходимо для международной разгерметизации

регионов Байкальской Сибири – Иркутской области и Республики Бурятия. С одной стороны, форум помогает брэндированию региона среди партнеров на международной арене, способствует актуализации вопросов инвестиционной политики, развития промышленности, системы транспорта и коммуникаций регионов Сибири и Дальнего Востока. Вместе с тем большинство соглашений, подписанных на Байкальском экономическом форуме с иностранными партнерами, лишь закрепляет сложившуюся формулу региональной экономики сырьевого типа, а большая часть протоколов о привлечении зарубежных инвестиций в экономику регионов практически не выполняется. Основная структурная проблема форума заключается в том, что существует разрыв между объемным пакетом подписанных соглашений и реализуемыми проектами в сфере международного сотрудничества регионов Байкальской Сибири, который необходимо преодолевать, принимая во внимание вышеуказанные вызовы устойчивому развитию.

А. С. Пятачкова

Социально-экономические проблемы как фактор этнической напряженности в национальных автономиях Китая (СУАР и Тибете)

Россия и Китай, как многонациональные страны, для своего успешного развития должны сохранять внутреннее единство и стабильность, которые во многом зависят от ситуации в районах, где проживают национальные меньшинства. И в России, и в Китае национальные проблемы стоят довольно остро, что обуславливает важность изучения этих вопросов, в том числе и потому, что опыт одной страны может оказаться полезным для другой. Данное исследование посвящено изучению национального вопроса в Китае, а именно в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных районах, где очень развиты националистические устремления, которые дестабилизируют обстановку не только внутри региона и Китая в целом и препятствуют эффективному социально-экономическому развитию, но и создают угрозу безопасности соседних территорий, что отражается на экономических связях Китая.

Тема национализма в отношении китайских провинций Тибета и Синьцзяна достаточно популярна, ее исследованием активно занимаются как китайские, так и зарубежные авторы. Однако представляется, что взаимосвязь между социально-экономическим развитием и обострением национальных конфликтов в КНР прослеживается в исследованиях довольно редко. Мы полагаем, что проблемы социально-экономического развития и национализма должны рассматриваться в комплексе, что позволяет составить более полное впечатление о ситуации в целом. Кроме того, анализ статистических данных позволяет делать прогнозы относительно будущего развития регионов.

Среди основных причин, которые способствуют усилению националистических настроений, называют, как правило, слабое социально-

экономическое развитие. И действительно, национальные автономии по-прежнему остаются самыми отсталыми регионами, а дотации из центра зачастую так и не доходят до тех, кому они предназначены и остаются в руках чиновников и переселенцев ханьской национальности. Кроме того, актуальной остается проблема дискриминации в сфере образования (например, для поступления в ВУЗ на территории автономии нужно сдать китайский язык, который для представителей национальных меньшинств не является родным), что в итоге влияет на выбор профессии и социальный статус. Неравные возможности остаются также и в области медицины. Ситуация часто обостряется еще и из-за культурного давления со стороны ханьцев, поскольку китайское правительство проводит в отношении национальных меньшинств политику ассимиляции, так как все китайские правители заявляют о единстве Китая и делают акцент на общности народов, а не на их уникальности. На практике это означает, среди прочего, популяризацию путунхуа и соответственно, снижения использования национального языка, что в итоге приводит к утрате целых пластов культуры.

Национальная политика, как закреплено во многих официальных китайских документах - это приоритетное направление китайской политики, и она берется в расчет при осуществлении любых преобразований. Исходя из гипотезы, что социально-экономическое развитие влияет на обострение националистических тенденций, можно рассматривать проводимую в Китае с 1999 г. по сегодняшний день политику освоения западных провинций как способ улучшения социально-экономической и политической обстановки в регионе.

С учетом существующих на данный момент проблем в регионах, можно назвать следующие возможные меры по улучшению ситуации. Во-первых, необходимо развивать промышленность, наукоемкие отрасли, инфраструктуру Тибета и СУАР. С точки зрения обеспечения благоприятных социальных условий, необходимо развивать медицину в регионах, способствовать и улучшению системы пенсионного и социального обеспечения. Помимо этого, особое внимание должно уделяться повышению уровня образования в регионе, предоставлению равных возможностей в сфере получения образования и дальнейшего трудоустройства представителям различных национальностей, а также уменьшения социального разрыва между городом и деревней. Кроме того, важно проводить политику, направленную на сохранение ценностей языка и культуры, одновременно вплетая ее в русло национального развития в рамках единого государства с общей историей и судьбой. Особое значение для сохранения безопасности в регионе имеют отношения с приграничными центрально-азиатскими странами – Кыргызстаном, Казахстаном, Туркменистаном, Узбекистаном, в которых проживает значительная часть уйгурской диаспоры, что может лишь усилить противостояние между уйгурами и национальным правительством. Проблема национализма в этом регионе часто осложняется еще и плохо регулируемым наркотрафиком. Также необходимо

выстраивание гармоничных отношений с Индией и Пакистаном, где находится значительная часть тибетского населения, поскольку эти страны часто оказывают поддержку сепаратистскому движению. Одним из способов решения существующих проблем является дальнейшее укрепление экономических связей с центрально-азиатскими странами.

Решение национального вопроса не сводится только к стабилизации социально-экономической ситуации, но, по крайней мере, это может ослабить противоречия, порождаемые неравенством статуса и возможностей представителей ханьской и неханьских национальностей. Повышение уровня жизни и образования также способствует гармонизации отношений между различными народами, но необходимы также и меры идеологического и другого воздействия.

М. Е. Соснов

Взаимоотношения Цинского Китая и России XVII-XVIII вв.

Начиная с 50-х гг. XVII в. отношения между Цинским Китаем и Россией, еще не оформленные дипломатически, приобретают все более конфронтационный характер. Фактически именно в этот период произошло зарождение военно-политических отношений между Россией и Цинским Китаем. Стороны вошли в непосредственное соприкосновение в бассейнах рек Амур и Сунгари. Произошло неизбежное столкновение интересов двух держав, которое приняло в тот период форму мелких стычек и сражений между казаками и маньчжурскими отрядами.

Планы освоения Приамурья не занимали главного места в системе приоритетов внешней и военной политики России в середине XVII в. Вместе с тем в Москве понимали государственную важность планов освоения новых земель в Сибири и на Дальнем Востоке. Не имея достаточных материальных и военных сил для активных действий в регионе, Москва поддерживала любые инициативные действия казацких отрядов. Роль казаков в освоении и присоединении Приамурья к России выглядит двойственно и противоречиво. Своими действиями они нередко озлобляли против себя местное население, вынуждая последнее обращаться за помощью к Цинам.

С самого начала проникновения России в Приамурье Цинское правительство начало вооруженную борьбу за вытеснение русских из этого региона. Для Цинской монархии этот район имел особое значение. Маньчжурия была исторической родиной правящей в Пекине Цинской династии. Поэтому вопрос овладения Амуром стал для пекинского правительства принципиально важным. Цинские власти постепенно взяли курс на «выдавливание» русских из Приамурья, и, прежде всего на уничтожение русских военных поселений.

Военные столкновения России и маньчжурского Китая в Приамурье инициировались последними, хотя и провоцировались, по мнению маньчжур,

казаками. Русское проникновение в этот край и его колонизация встречали активное противодействие со стороны Цинского Китая. Это противодействие носило характер военных походов против укрепленных пунктов в Приамурье. Военные столкновения сторон в Приамурье были ограниченными, тактическими по целям, масштабам, группировке сил и средств. Это не было военным столкновением двух государств, тем более что и дипломатических отношений между государствами не было. Ни Россия, ни Китай не вели военных действий друг против друга в форме войны, фактически шла борьба за завоевание новых «ничейных» географических пространств, своеобразное «заполнение вакуума».

Маньчжурские военные операции против русских тщательно планировались и всесторонне подготавливались Цинским руководством. Со стороны России ответные военные акции нередко проводились спонтанно, без должной государственной поддержки, на уровне инициативы местных начальников русских гарнизонов. Маньчжурская сторона всегда имела численное превосходство в силах и средствах, однако в качественном отношении личного состава (моральный дух, профессиональная военная подготовка, стойкость) русские гарнизоны превосходили своего противника. Этот фактор нередко играл решающую роль в столкновениях и сражениях.

Цинская империя уделяла большое внимание работе с местным населением Приамурья. Эта работа велась, скоординировано гражданскими и военными органами Цинов и осуществлялась по нескольким направлениям: антирусская пропагандистская и подрывная работа с вождями (князьями) и населением местных племен; вербовка лазутчиков и воинских контингентов из числа местного населения; экономические и иные санкции против тех племен, которые подчинялись русской власти и др.

Иллюстрацией к вышесказанному могут служить китайские источники:

Документ. «Контрмеры администрации Цинской династии в отношении захвата ее территории царской Россией»

Данное распоряжение представляется на рассмотрение генерал-губернатору Гирина. Правая палата канцелярии Саньсин.

Свиток 297, страницы 20-22, текст в ханьской иероглифике.

Распоряжение генерал-губернатора по имени Мин Ань относительно урегулирования вопроса с пастбищами, изначально принадлежавшими инородцам хэжэ, направленное *селину* по имени Фукэцзинь 13 числа 10 луны 6 года правления императора Гуансюя (1875+6=1881г.)

Прошение начальника уезда Циньмин провинции Гирин, относительно инородцев хэжэ для разрешения вопросов, связанных с организацией отряда хэжэ. 24 числа 9 луны 6 года правления императора Гуансюя доложено о формировании отряда из инородцев хэжэ, компактно проживающих близ границ Элосы (России), а также об их жизнеустройстве, укладе и пастбищах господину генерал-губернатору Гирина и иже с ним. В 11 день 10 луны того же

года принято решение губернатора о снабжении отряда продовольствием и порохом. Решение подлежит выполнению в соответствии с уставом. Довести до всех части касающейся.

Приложение. Нижайше докладываю: пастбища инородцев хэчжэ находятся близ границ Элосы, с востока на запад они простираются на 2000 ли, с юга на восток – 500 ли, на востоке земли примыкают к реке Уссури, на севере – к реке Сунгари (Хэйлунцзян), от устья Хэйхэ до Уссури простираются на 800 с лишком ли. Можно сказать, что северная окраина пастбищ примыкает к старым землям Хэйлунцзяна, а ныне к русской границе, на юге – к ойкумене инородцев хэчжэ, в том месте, где русские проложили судоходный путь. Собственно, земли хэчжэ лежат посредине русских и китайских. На прилегающих к китайской территории землях проживают 7 родов хэчжэ, занимаются охотой и рыболовством. Образ жизни их самый незатейливый. Хорошо владеют пугачами и холодным оружием. Отлично справляются с заданиями по поимке беглых преступников, особенно в лесах и на гористой местности. Привычны к походной жизни и легко переносят тяготы военных походов. Ежегодно выделяемую пушнину разделяют между ними по старшинству.

Как стало известно, недавно русские начали в этих местах постройку жилищ, и возвели здание приказа. Русские переселенцы щедры к хэчжэ: время от времени дарят серебро и распределяют одежду семьям с малыми детьми. Русские какие планы вынашивают неизвестно, но способны расположить инородцев к себе. Эту ситуацию следует принять во внимание и усилить там военный гарнизон, так как хэчжэ, поддавшись влиянию иноземцев легко попадают под их материальную зависимость.

Как выяснено, когда в 53 год правления Канси (1662+53=1715) было приказано возводить в Саньсин крепостную стену, от инородцев хэчжэ потребовалось 280 ратников из селения Халайда. Их поделили на 4 *знамени*, а во главе был поставлен помощник их этих же инородцев. Отряд подчинялся Саньсин. Изначально его формировали из выходцев хэчжэ, в настоящее время ратников, количеством 300-400 крепких мужчин, набирают из 7 родов хэчжэ, что проживают в китайских землях. В зависимости от успехов им выделяют по 12 ляннов денег, отряд построен по типу 8-знаменного маньчжурского.

Военный поселок хэчжэ контролирует территорию в радиусе 300-400 ли от дислокации отряда, управление уездного типа. В мирное время отряд хэчжэ занят охотой и рыболовством. В случае военной необходимости может быть легко передислоцирован; возможно деление его на группы.

Инородцы хэчжэ рьяно охраняют свою территорию, свои пастбища обносят изгородью. Народ этот достаточно сплоченный и патриотичный, если возникнет необходимость, то могут примкнуть и те хэчжэ, что проживают на территории Элосы.

Следует отметить те качества хэчжэ, которые они проявили в ходе операций по поимке беглых преступников: честные, простодушные, хорошие наездники,

исполнительны. Отобранных из хэчжэ 200 человек следует обучить воинскому делу, однако следует учитывать то, что их не следует дислоцировать далеко от мест проживания, так как они жизни не мыслят без охоты и рыболовства. В дальнейшем, если удачно сложатся обстоятельства, необходимо набирать из хэчжэ ратников числом 400, каждому из которых назначить 12 лян серебра награждение в год, над ними назначить 1 *селина*, 4 *цзолинов*, *фанъюй* 2 человек, 4 мастеров-наездников, 2 писаря, поставить на довольствие по ранжиру, принятому в 8-знаменном отряде. Позволить им вести привычный образ жизни на полувоенном положении, в случае опасности быть готовым к обороне, хэчжэ также следует проявить бдительность в отношении русских. Управление отрядом осуществлять по принятому уставу, на содержание отряда планировать до 5900 лян серебра в год, в настоящий момент расходы вести за счет канцелярии Саньсин.

Засим доклад направляется на высочайшее одобрение.

377 цзюань, страницы 368-371 (текст китайский, в ханьской иероглифике).

Д. А. Реутов

Активизация российско-корейского сотрудничества как фактор модернизации экономики Дальнего Востока

Необходимым условием модернизации экономики Дальнего Востока – и, прежде всего, добывающей и обрабатывающей промышленности как наиболее доходной ее части – представляется кооперация с иностранными партнерами, поскольку ситуация в области НИОКР и управления высокотехнологичным производством в России складывается неблагоприятно. Между тем, внешнеполитическая ситуация на Тихом океане остается для России достаточно сложной. Российское руководство признало необходимость привлечения иностранных инвестиций для развития Дальнего Востока, однако, вопреки мировой практике, выбрало стратегию ограниченного привлечения иностранных инвесторов, особенно в секторе добычи ресурсов. Такая стратегия исключила возможность широкого участия соседних стран в проектах по освоению энергетических и минеральных ресурсов России. Российское руководство полагает, что многостороннее участие может привести к потере контроля над проектами и снижению политического влияния в регионе. Страны СВА тоже склоняются к двусторонней модели взаимодействия с Россией, поэтому международные проекты – особенно, в энергетической сфере – планируются и осуществляются на Дальнем Востоке под потребности определенного клиента.

Судя по событиям последних трех лет, в качестве основного зарубежного партнера по модернизации Дальнего Востока федеральное правительство рассматривает Республику Корея. Южнокорейская сторона подчеркивает готовность к встречному сближению, реализуя специальную программу связей с регионами Сибири и Дальнего Востока. Республика Корея лидирует среди

азиатских стран по объему накопленных инвестиций в российский Дальний Восток. В ряде отраслей, которые правительство РФ решило развивать на Дальнем Востоке, Южная Корея занимает лидирующие позиции. К числу действующих или планирующихся к совместной реализации направлений сегодня относятся судостроение, транспортировка газа, газохимия, машиностроение, авиатранспорт, космонавтика, сельское хозяйство и пищевая промышленность. Не все из них имеют ясные перспективы, но, в сравнении с китайскими и японскими проектами, корейские инициативы продвигаются гораздо быстрее.

Южнокорейские компании проводят активную экспансию за рубежом, преследуя не только экономическую выгоду, но и политические цели. Очевидно, что руководство Республики Корея продолжит использовать национальные компании в качестве внешнеполитического инструмента, чтобы сократить дистанцию между экономическими и политическими позициями в мировой политике. Во-вторых, экономическое сотрудничество укрепляет связь Кореи со странами, принимающими корейские инвестиции, и со странами, нанимающими корейские компании в качестве подрядчиков для выполнения определенных работ. В условиях, когда руководство корейских корпораций тесно связано с национальным правительством, их внешнеэкономическая деятельность, скорее всего, отвечает внешнеполитической стратегии официального Сеула. Специфика внешнеэкономической политики Южной Кореи заключается в готовности раскрывать используемые технологии и делиться опытом, рассчитывая на создание производств полного технологического цикла с высокой добавочной стоимостью. Опыт осуществления таких крупных проектов, как Сахалин-1 и Сахалин-2 доказывает, что самостоятельно РФ реализовать подобные проекты не в состоянии по причине их капиталоемкости, технологической сложности и сложности управления. В то же время, руководство РФ и российских корпораций, осознавая перспективы роста азиатского рынка, не намерено упускать возможность стать крупным игроком на рынке энергоресурсов государств Тихоокеанского бассейна. Следовательно, возникает вопрос о поиске надежного партнера в АТР, предпочтительно, в США, который бы включился в разработку российских месторождений, но при этом позволил бы России привлечь инвестиции на выгодных условиях, освоить технологии партнера и перенять управленческий опыт реализации крупных инфраструктурных проектов.

Участие в модернизации Дальнего Востока повышает шансы Южной Кореи на допуск к освоению углеводородов Охотского моря и к их дальнейшей транспортировке. Собственными углеводородами Корея не обладает, поэтому вынуждена импортировать нефть и газ почти в полном объеме. Необходимость диверсификации поставок обострилась в связи с политической напряженностью на Ближнем Востоке в 2011 г. и вокруг Ирана в начале 2012 г. В пользу России играет политическая стабильность и географическая близость, поэтому интерес

корейских компаний к сахалинскому и камчатскому шельфу и присутствие на Дальнем Востоке компании «КОГАЗ» (крупнейшей корейской компании в этом секторе) вполне закономерны.

В развитии совместных проектов в области судостроения также делается упор на средства доставки углеводородов. В 2008 г. правительство России привлекло южнокорейскую корпорацию «Daewoo» к реализации федеральной программы развития судостроения на Дальнем Востоке. В настоящее время идет строительство совместной российско-корейской верфи в г. Большой Камень Приморского Края, где будут строиться крупнотоннажные танкеры.

Для корейского автомобилестроения Россия представляется перспективным рынком сбыта. Таможенная политика федерального правительства нацеливает иностранные компании на размещение сборочных производств внутри России. Очевидны логистические преимущества при размещении автомобильных сборочных производств на Дальнем Востоке РФ.

Однако если реализуемые на Дальнем Востоке проекты не принесут корейским инвесторам и подрядчикам ожидаемых дивидендов в среднесрочной перспективе, то вероятность их свертывания будет весьма высокой. Активное участие в развитии Дальнего Востока в 90-е годы принесло корейским инвесторам разочарование, многие корейские компании тогда ушли с российского рынка. Вторая волна их интереса к России началась в 2007-2008 гг. и пока продолжается. Сегодня гарантии для иностранных инвесторов предоставляются в индивидуальном порядке политическим руководством России, которое в дальнейшем курирует определенный проект. Инициатива по привлечению корейских инвесторов в модернизацию Дальнего Востока, в большинстве случаев, исходит от политического руководства России. Корейские компании, имея такие гарантии, готовы идти на повышенный риск и вкладывать средства в секторы экономики, где инвестиции оборачиваются медленно. Но в долгосрочном плане ручное управление крупными проектами из Москвы накапливает чрезмерные риски. России необходимо совершенствование нормативно-правовой базы, налогообложения, таможенной политики, миграционного регулирования, а также развитие промышленной инфраструктуры, чтобы привлекать на Дальний Восток корейских инвесторов на постоянной основе.

Для максимизации синергетического эффекта развития Дальнего Востока и регионального сотрудничества в СВА необходимо признать взаимосвязь экономического сотрудничества в регионе с урегулированием ситуации на Корейском полуострове. Этот процесс тесно связан с реформированием КНДР и ее открытием внешнему миру. Ключевой задачей развития Дальнего Востока России является оживление энергетических и транспортных коридоров, которые упираются в вопрос «открытия» Северной Кореи. Отношения с КНДР являются сегодня главной проблемой внешней политики Республики Корея. Поддержка

России как одного из участников Пекинской шестерки является для Южной Кореи весьма полезной.

Таким образом, Республика Корея в сложившейся внешнеполитической ситуации является для России наиболее перспективным партнером по экономическому сотрудничеству на Дальнем Востоке. Территориальные претензии Японии к соседним странам, а также политическое и экономическое возвышение Китая, покровительствующего Северной Корее, подталкивают Россию и Южную Корею к сближению. При этом российскому правительству и государственным компаниям следует учитывать динамичное развитие международных отношений в СВА, которое накладывает на данное сотрудничество определенные ограничения и требует четкого представления о возможных переменах в политической ситуации.

Е. А. Века

Влияние северокаорейского фактора на внешнюю политику России

В экспертном сообществе принято считать, что северокаорейское руководство пытается использовать Россию в качестве экономического донора. Нельзя, однако, отрицать и нашей заинтересованности в КНДР: стабильность приграничного региона крайне важна для российского Дальнего Востока, особенно в преддверии Саммита АТЭС, да и в целом, урегулирование каорейской проблемы является реальным шансом для России оказать влияние на мироустройство в АТР. Существует гипотеза, что режим закрытости КНДР прекратит свое существование только в том случае, если подвергнется "развалу", подобно СССР, т.е. под воздействием некого внешнего фактора. Так, например, отмечалось, что основные составляющие духовно-психологического ресурса обоих государств идентичны. Принцип народовластия КНДР можно сравнить с советским лозунгом «Народ и партия едины», а централизация Северной Кореи вокруг образа вождя знакома нам по образу Сталина. Однако такое отношение не есть следствие т.н. «перенятого социализма», а одно из положений конфуцианства, традиционно выраженное в связях: правитель – подданный, отец – сын, муж – жена, где первые компоненты соответствуют доминирующей силе ян и являются образцом для вторых, соответствующих подчиненной силе инь. Некоторые эксперты, настроенные скептически к Северной Корее, склонны утверждать, что у нас нет ничего общего с этим закрытым и непредсказуемым государством, и пример с него брать не стоит. Но так ли конструктивна критика? Вспомним хотя бы тот факт, что какими бы основательными не были ресурсы жизнеспособности Советского Союза, они не спасли его от целенаправленного развала. И сейчас, несмотря на критику жесткой позиции руководства КНДР, она остается наиболее эффективной в деле сохранения режима.

Умер «великий руководитель» и мы, не способные до конца понять значение т.н. «азиатских ценностей», предполагающих почтительное отношение к властям и уважение к старшим, воспринимаем слезы северокорейцев по скончавшемуся «Отцу народа» как постановочное шоу. Но, возможно, причина заключается еще и в том, что мы в своей собственной стране не видим достойного лидера, за которого могли бы искренне переживать.

В настоящее время мировая общественность пристально следит за любыми изменениями, происходящими в Северной Корее, и особенно за поведением молодого руководителя. Запад, активно продвигая идею возобновления шестисторонних переговоров, как будто маскирует свое желание поспособствовать развалу режима. Китай, Южная Корея, Япония пока затаились в предвкушении перемен. И в то время как первой реакцией этих стран на новость о «неожиданной» смерти Ким Чен Ира было «приведение вооруженных сил в боевую готовность» и «пристальное наблюдение за ситуацией», Россия, придерживаясь установленных Концепцией внешней политики принципов, сдержанно обозначила, что по-прежнему рассчитывает на «дружественные отношения» с КНДР.

По заявлениям представителей МИД России все договоренности о реализации ряда проектов, достигнутые Медведевым и Ким Чен Иром в ходе саммита в Улан-Удэ в августе 2011 г., остаются в силе. Пока мировое сообщество гадает, как поведет себя «неискушенный» Ким Чен Ын, ждать ли реформ и перемен, российский президент с новым северокорейским лидером обмениваются дружескими посланиями, продолжают активно осуществлять «взаимные поездки делегаций, как на рабочем, так и на более высоком уровне».

Ждать в КНДР реформ, в том смысле, который в него вкладывают в рамках либерального подхода, бессмысленно. Постепенные преобразования, путем проб и ошибок, не прекращаются в стране вот уже несколько десятилетий. Если мы не знаем о них достаточно, это не значит, что их нет. Возможно, что их достаточно тщательно скрывают от чужого взора. Северная Корея, будучи не совсем подкованной в плане ведения информационной войны, тем не менее, занимает довольно выигрышную позицию, поскольку придерживается принципа «кто владеет информацией – тот владеет миром». В данном случае, обладая информацией и сохраняя её от распространения, КНДР не дает миру овладеть собой.

Многу с помощью метода Дельфи был проведен опрос специалистов по Корее и экспертов в области международных отношений с целью составления прогноза относительно того, какова должна быть позиция России в отношении КНДР сегодня. В качестве вариантов ответов были предложены следующие:

- Сохранение статус-кво
- Поддержка мирового сообщества в рамках оказания давления на КНДР;

- Идеологический союз с Северной Кореей (против США);
- Прагматичное сотрудничество с целью обеспечения стабильности в регионе;
- Взаимное сотрудничество, основывающееся на интересах обоих государств и строительстве эффективной инфраструктуры.

В результате оказалось, что наиболее целесообразным для России представляется сохранение статус-кво, подразумевающего невмешательство или нейтральную позицию России. Однако оправдывает ли себя такая выжидательная позиция? И так ли она нейтральна?

Вполне очевидно, что на уровне государства предпринимаются достаточные меры для установления активного взаимодействия. Помимо таких широко освещенных в СМИ мероприятий как подписание в 2001 г. Московской Декларации РФ и КНДР, назначение МИД России впервые за долгое время посла по особым поручениям Александра Тимонина, курирующего трехсторонние проекты Москвы, Пхеньяна и Сеула, это касается и гуманитарной помощи в виде зерна и муки, оказанной КНДР в 2011 г., и выполнения договоренностей относительно проекта строительства газопровода, и деловых связей на региональном уровне, и даже активного использования корейской рабочей силы, особенно в строительной отрасли на Дальнем Востоке и в Сибири. Важно упомянуть и то, что на территории российского Дальнего Востока проживает не менее 20 тысяч российских граждан корейской национальности, вероятно, не меньше нашего, заинтересованных в более глубоком развитии отношений России с обоими государствами Корейского полуострова.

Представляется эффективным смещение акцента на уровень неформальных акторов: общественных организаций, партий, молодежных движений, на применение т.н. «мягкой силы». Уже сейчас ведется активное взаимодействие Приморского края и КНДР в данном направлении. Так, в октябре 2009 г., был подписан Договор об установлении побратимских отношений и укреплении дружбы и сотрудничества между Владивостоком и Вонсаном.

Нельзя не упомянуть и возможность проработки таких проектов, как создание производств по выпуску швейных изделий, лекарственных препаратов, выращиванию и дальнейшей переработке женьшеня, продолжение дальнейшей работы российско-корейской смешанной комиссии по сотрудничеству в области рыбного хозяйства и т.д. В данном ключе перспективной видится деятельность структур, подобных Ассоциации корейских организаций Приморского края. Кроме того, бывший Председатель Законодательного собрания ПК В.В. Горчаков указывал на возможность привлечения рабочих из КНДР для возделывания приморских земель «по южнокорейским технологиям», реализацию проектов по судостроению, необоснованное упущение вопроса о

туризме из Приморья в КНДР. 2012 г. имеет все шансы стать переломным моментом в двусторонних отношениях России и Северной Кореи.

М. О. Дмитриева

**Внешняя политика России в Восточной Азии:
от деклараций к практическим результатам**

Одним из важных приоритетов внешней политикой России является налаживание отношений со странами АТР. На протяжении прошедших лет российская политика изменялась, что нашло отражение в формулировках, содержащихся в Концепциях внешней политики РФ 1993, 2000, 2008 гг.

Во всех этих документах подчеркиваются выгоды, которые предоставляются России ввиду ее принадлежности к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Уже в документе 1993 г. говорится, что «приобретение прочных позиций в этом регионе...способствовало бы как внутренним реформам в России, так и значительному повышению ее влияния на общие политико-экономические процессы в мире, раскрытию ее уникального евроазиатского потенциала» [Концепция политики РФ 1993]. Данный тезис присутствует и в последующих Концепциях. Уникальным в первом документе является то, что он призывает воспитать «чувство национальной причастности к Азии и Тихому океану, избавление сознания населения от стереотипов восприятия азиатско-тихоокеанского зарубежья как психологически чуждых нам стран и народов» [Там же].

Для России того периода оказались «принципиально важны сбалансированные, стабильные и по возможности не зависящие друг от друга отношения со всеми государствами АТР, особенно с такими ключевыми, как США, Китай и Япония» [Там же]. А уже в Концепции 2000 г. говорится, что «одним из важнейших направлений российской внешней политики в Азии является развитие дружественных отношений с ведущими азиатскими государствами, в первую очередь с Китаем и Индией» [Концепция внешней политики РФ 2000]. Это направление осталось приоритетным и для Концепции 2008 г. «Россия разделяет заинтересованность Китая и Индии в налаживании эффективного внешнеполитического и экономического взаимодействия в трехстороннем формате Россия - Индия – Китай» [Концепция внешней политики РФ 2008]. Смена основных союзников объясняется ревизией внешнеполитического курса после прихода новой власти. Однако не без оснований можно сказать, что это произошло и под влиянием идеи Е.М.Примакова о создании стратегического блока Москва – Дели – Пекин.

Следующим важным моментом для России в регионе является, согласно Концепциям 2000 г. и 2008 г., «активное участие России в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона (АСЕАН) - форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество», механизмах

партнерства с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, включая региональный форум АСЕАН» [Там же].

Таким образом, на основании официальных документов политика России в отношении стран ВА, как части АТР, прошла путь от установления двусторонних отношений после распада СССР до сотрудничества в рамках региональных интеграционных институтов.

Помимо Концепции внешней политики основополагающим документом, регламентирующим деятельность России в Восточной Азии, является Концепция участия России в форуме Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, которая была утверждена президентом В.В.Путиным в 2000 г. В Концепции речь идет не только об АТЭС, но и об основных направлениях политики РФ в АТР.

В Концепции участия России в АТЭС в качестве первой из задач была сформулирована цель «осуществить реальный отход от излишней ориентации на Европу и США в нашем политическом и экономическом мышлении и общественном сознании». Большое внимание в Концепции уделяется преимуществам, которые может получить Россия, а особенно Сибирь и Дальний Восток, от участия в форуме. Эти регионы «будучи пока несамодостаточными для решения своих проблем с опорой на местные силы, они способны получить от АТЭС дополнительные стимулы к росту, что позволит снизить дотационное бремя Федерального центра» [Концепция участия России в форуме Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество].

Уже в начале 1990-х гг. Россия предприняла ряд шагов по сближению со странами АТР. В сентябре 1992 г. РФ вошла в состав Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества, а в мае 1994 г. – в состав Тихоокеанского экономического совета. В марте 1995 г. Россия заявила о своем намерении принять участие в АТЭС. В 1997 г. она стала членом данной организации. Стоит отметить, что произошло это во многом благодаря поддержке наиболее влиятельных членов форума – США, Японии и Китая. Присоединение к АТЭС имело немалое значение, поскольку Россия была официально признана в качестве полноправной азиатско-тихоокеанской державы.

С 2004 г. координацией деятельности российских министерств и ведомств в рамках АТЭС занимается Правительственная комиссия по вопросам экономической интеграции. В рамках форума реализовано ряд российских предложений (учреждены Диалог по цветным металлам, Специальная группа по вопросам готовности к чрезвычайным ситуациям и др.). С 1996 г. Россия является официальным партнером по диалогу АСЕАН. Осенью 2012 г. во Владивостоке пройдет саммит АТЭС, подготовка к которому потребовала более пристального внимания Москвы к Дальнему Востоку и значительных денежных вливаний в инфраструктуру региона.

Но данные достижения не эквивалентны желаемому результату. Россия все еще полноценно не включена в интеграционные процессы в Восточной Азии в

целом. Для подавляющего большинства стран региона РФ не является серьезным фактором в их экономике. Сегодня РФ играет роль сырьевого придатка экономики АТР. Несмотря на долгие разговоры, российская власть до сих пор четко не определила место России в восточноазиатском регионе.

В настоящее время необходимо добиться большей вовлеченности в политические процессы и экономические отношения в регионе, активно включиться в процессы региональной интеграции; установив стабильные и добрососедские отношения с соседями, создать более благоприятное внешнее окружение и обеспечить тем самым безопасность своих азиатских территорий; сохранить и развить российские позиции в Азии, обеспечить модернизацию экономики и форсированное развитие Сибири и Дальнего Востока.

Алгоритмом внешнеполитических действий России на дальневосточном направлении должно стать всестороннее обеспечение ее долгосрочных национальных интересов в Восточной Азии.

Для достижения поставленных целей важно устранить факторы, препятствующие планомерному развитию. К ним можно отнести отсутствие баланса отношений между центром и регионами; неотлаженный механизм согласования интересов российских политических и экономических акторов; отсутствие работающей полноценной региональной стратегии; уже упомянутый европоцентризм; отсутствие единой инфраструктуры на территории Дальневосточного Федерального округа и в целом всей России.

Кроме того, надо помнить, что ведущей формой хозяйственной интеграции в регионе являются зоны свободной торговли, о которых у России нет ни одного соглашения. Данное сотрудничество возможно только при условии повышения конкурентоспособности российской экономики. К тому же необходимо знать, что восточноазиатский регион является далеко не благополучным в плане безопасности и пересечения интересов крупных держав. Всегда следует помнить о грядущих изменениях на Корейском полуострове, о возможном разрешении тайваньской проблемы, о территориальных претензиях Японии.

Таким образом, для решения поставленных задач России необходимо выработать долгосрочную стратегию в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, которая должна четко выстроить вертикаль приоритетов для России в целом и для ее восточных районов, в частности. Важно, чтобы политика экономического сотрудничества с государствами Восточной Азии реализовывала региональную интерпретацию глобальных российских интересов. Необходимо формирование многоплановой и многофакторной политики. Учитывая сложные отношения между ведущими странами региона — Китаем, Индией, Японией, Южной Кореей и США, — Россия не может ориентироваться на одну или две страны, каждая из которых будет склонна рассматривать РФ как противовес другим. При выработке политики необходим учет факторов, вызывающих озабоченность у всех партнеров.

Северо-Восточная Азия: «Серая зона» мировой политики

В 1980-е гг. термин «Серые зоны» был введен в научный оборот в США исследователями латиноамериканских наркокартелей по аналогии с лексиконом летчиков, которые так называют участки местности недоступные радарному контролю, т.е. изначально термин относился сугубо к военной сфере и обозначал что-либо невидимое, неподвластное, неконтролируемое. В последующем, когда термин уже был частью научного понятийного аппарата, данное понятие стало применяться сугубо в экономическом ключе, для характеристики криминальных видов бизнеса в разных частях мира. Но с течением времени «серые зоны» стали относить именно к политической сфере, в ракурсе проблем национальной, региональной и международной безопасности [Балуев, Новоселов 2010: 40].

В географическом и функциональном полях мировой политики появились обширные области, где политические процессы развиваются по правилам, которые отличаются существенным образом от тех, которые применимы к классическим областям мировой политики. Концепция «серых зон» направлена на описание подобных областей и выработку адекватной реакции на проблему выхода определенных процессов за рамки традиционных правовых, политических и этических правил и норм.

Можно выделить ряд признаков, характеризующих «серые зоны»:

- интенсивное взаимодействие различных типов субъектов мировой политики, не сдерживаемое традиционными международными режимами и нормами международного права;
- отсутствие монополии государства на использование силы. Другие акторы зачастую в границах «серой зоны» используют силовые инструменты более эффективно, чем государства. Например, оргпреступные группы, повстанческие группы;
- нетрадиционные и незаконные с точки зрения формализованных норм, экономические транзакции (торговля оружием, наркотрафик);
- неприменимость и невозможность внедрения в границах «серой зоны» традиционных моделей государственного устройства и политических систем [там же: 9].

Что же такое – «серая зона» мировой политики? «Серая зона» - это часть мирового пространства (не всегда имеющая государственные границы), характеризующаяся низкой вовлеченностью и подконтрольностью традиционным акторам международных отношений (государства, МПО и др.) и высоким уровнем прямых угроз (одной или нескольких) региональной и международной безопасности.

Немаловажным является и такой момент, как возможность классифицирования «серых зон». В основу таковой может быть положено два

критерия: I критерий – геополитический. Можно выделить 3 вида «серых зон» мировой политики в соответствии с данным критерием: 1. Часть территории одного государства (север Мексики, отдельные районы Колумбии, Бразилии, России и др.); 2. Территории целых государств (Афганистан, КНДР, Сомали, Камбоджа); 3. Пространства геополитических регионов или большей их части (Большой Ближний Восток, Тропическая Африка). II критерий – функциональный. При таком подходе для выделения видов «серых зон» основным является доминирование того или иного функционального фактора. По этому критерию можно выделить следующие виды «серых зон»: 1. Повстанческие «серые зоны» - Колумбия, Камбоджа, отдельные государства Африканского континента; 2. Наркопроизводящие «серые зоны» - Колумбия, Мексика, Тайланд, Лаос, Мьянма; 3. Мафиозные «серые зоны» - Бразилия, ЮВА; 4. Оружейные – Камбоджа, Тайланд, Венесуэла, Большой Ближний Восток; 5. «Серые зоны» военных переворотов – Большой Ближний Восток, Тропическая Африка; 6. Коррупционные «серые зоны» - Бразилия, Афганистан, Центральная Азия, Китай, РФ; 7. Государства – изгои – КНДР, Куба, Беларусь, Сомали.

Каковы же функциональные области «серых зон»? Это повстанческие движения, международный наркобизнес, незаконный оборот оружия, транснациональная преступность, военные перевороты, приватизация военных функций государств отдельными частными корпорациями. Сюда же можно также отнести высокий уровень коррупции среди институтов традиционных акторов международных отношений, торговлю людьми, отсутствие высокого уровня интегрированности отдельных государств в мировую политику и мировое хозяйство. К одной из серых зон можно отнести и северо-восточную Азию, которая включает в себя целый ряд функциональных признаков.

Е. В. Комлева

Юкка Маунтин, Краснокаменск и Печенга

США после затрат в 9 млрд. долларов (десятая часть сметы) прекратили строить вблизи полигона Невада подземное национальное хранилище твердых материалов Юкка Маунтин. Вступило в силу американо-российское Соглашение № 123, открывающее странам возможность “обмена” ядерными материалами. Шведы после Фукусимы приостановили свой аналогичный проект хранилища Форсмарк. Следствием закрытия ряда европейских АЭС будет сверхплановый демонтаж станций с наработкой дополнительных отходов. Директива ЕС по обращению с ядерными отходами обязывает страны-участницы к 2015 г. разработать планы захоронения, ориентирует на подземную изоляцию и благосклонна к возможности экспорта отходов. Большинство независимых экспертов одним из критериев безопасности атомной отрасли называют количество мест хранения ядерных материалов – чем их меньше, тем выше

уровень безопасности. Вариант кооперации “на своем поле” быстро возник у финнов. Они не только не приостановили свой проект Онкало, но и переводят его в категорию международных.

России выгоден подземный “ядерный кооператив” на ее территории. Теперь тем более, так как после Фукусимы ожидаемая зарубежная прибыль от строительства АЭС может устремиться к нулю, а от обслуживания отходов – возрастать. Страна усилит свою роль в контексте ядерного нераспространения, а также диверсифицирует экспансию в сфере энергетики, дополнив углеводородную инфраструктуру финальным звеном ядерного топливного цикла.

Производство свежего топлива для станций мира становится бизнесом России. США давно в этом бизнесе. Смущает важное обстоятельство. Нет внятного объяснения относительно судьбы российского топлива после его службы в зарубежном реакторе. Не каждый зарубежный партнер примет предложение по свежему топливу, если такое топливо подлежит переработке. Кроме того, отработавшее топливо большинства АЭС мира, свежим поставленное из США (эта страна жестко выступает против переработки), с трудом будет пробиваться на российский рынок хранения, если будет хотя бы гипотетическая возможность когда-то его переработать на расположенном вблизи радиохимическом производстве (например, Красноярском ГХК).

Курс страны на международные хранилища формировался давно. Проблему применительно к России совместно исследуют академии наук РФ и США. Начата подготовка законодательной базы, в 2002 и 2005 годах в Москве под эгидой МАГАТЭ прошли международные конференции по этой теме. Появился системный интегратор по обслуживанию зарубежных АЭС - ЗАО "Русатом Сервис". Политическая воля к созданию международных ядерных хранилищ обозначена многими странами, но конкретные юридические, финансовые и экономические шаги ещё предстоит сделать. Необходимо также выработать социокультурные (светские и религиозные) основания и критерии таких действий. Например, на базе философского наследия Ф.М. Достоевского и с привлечением идей геозтики.

Наиболее “продвинутыми” вариантами подземного размещения международных хранилищ в России являются площадки вблизи Красноярска, Челябинска и Краснокаменска. Военно-промышленные ядерные колоссы СССР, “породившие” эти площадки, размещались по принципу “дальше от НАТО”. В новое время и для новой задачи нужен новый баланс политических, экономических, геологических и других оснований. Заметим, что в Казахстане и Украине планируют подобные объекты на территории, соответственно, Семипалатинского полигона и Чернобыльской зоны.

Альтернативой-дополнением сибирским площадкам является Печенга, удаленная как от западноевропейской, так и азиатской радиохимической промышленности. Существующий там геоядерный кластер упростит и удешевит

исследования и создание хранилища. Геологическая документация, каменный материал и во многих случаях доступная натура по Кольской сверхглубокой скважине, десятки открытых и подземных горных выработок, тысячи разведочных скважин наземного и подземного заложения открывают уникальные для мира возможности. А именно, перекрестно разными инструментальными методами, в разных ракурсах и масштабах, надежно изучить планируемую для ядерного хранилища среду. В рудниках Печенги нет той природно-техногенной сейсмичности, которая стала серьезной проблемой при эксплуатации подземного пространства Хибинских и Ловозерских тундр. Аргумент против Печенги - добыча никеля. Этот аргумент (в случае с Краснокаменском – это уран) произведен от рекомендации МАГАТЭ - избегать изоляции ядерных материалов вблизи полезных ископаемых. Для Печенги анализ условий работы “Норильского никеля” приводит к инверсии аргумента. При существующих темпах добычи месторождения исчезнут через 30-40 лет. Реален международный геоядерный альянс на базе Росатома и Норникеля. Их кооперация приведет к формированию самостоятельной высокотехнологичной отрасли. “Норильский никель” может с пользой продать горно-геологическую документацию и реальную инфраструктуру, вынужденно сводя к нулю добычу руды. Удачным сочетанием для любых сценариев будущего ядерной энергетики может быть подземное хранилище вблизи Норильска и уже действующее наземное хранилище Красноярского ГХК.

Романтическое время, когда почти в каждой стране допускалось иметь собственный “ядерно-свечной заводик”, закончилось. Риски техногенных катастроф и терактов крайне велики даже для великих держав. Безопасность возможна при создании международных подземных ядерных хранилищ на стыке стран или в труднодоступной для несанкционированных посещений местности.

Сейчас Запад стремится приблизить систему ПРО к границам России. Расположение ядерных хранилищ у границ с российской стороны будет фактором ядерного сдерживания – материальной гарантией неприменения этих систем против России, дополнением к гарантии, которую юридически пытается получить руководство РФ от иностранных партнеров. Кроме того, в ЕС формируется справедливое мнение, что страны-потребители импортируемого “атомного электричества” должны юридически выравнять стандарты безопасности по обе стороны границы, нести часть бремени решения проблем отработавшего ядерного топлива, радиоактивных отходов и вывода из эксплуатации АЭС.

Площадка “Печенга” расположена у северо-западной, площадка “Краснокаменск” – у юго-восточной границ РФ. С одной стороны потребности Европы, а с другой – Японии, Южной Кореи и Китая. И везде – США (как поставщика реакторного оборудования и ядерного топлива по всему миру). Концепции Краснокаменска и Печенги “просятся” в единую систему. Правда, инициативу по размещению зарубежного отработавшего топлива и

высокоактивных отходов у Краснокаменска может перехватить Монголия. А у Печенги – Финляндия. Не исключено, что конкуренцию Краснокаменску (как и Семипалатинску) в какой-либо форме может составить и Китай, который создает к 2050 г. вблизи южной границы Монголии, примерно на равном расстоянии от Семипалатинска и Краснокаменска, национальное (пока) геологическое хранилище Бейшан (Beishan). Надежно оценить планы Китая в направлении международной кооперации для завершающих стадий ядерного топливного цикла сейчас сложно. Возможно, китайские коллеги еще выжидают.

Как видно, в рамках общей тенденции просматриваются уже и контуры международной кооперации в данной сфере. Причем разные страны могут осуществлять одну или несколько функций: поставки, приемки, перевозки, транзита, контроля. И если ключевым элементом станет Краснокаменск, то Китай, даже при создании полностью самодостаточной национальной системы хранения и захоронения собственных ядерных материалов, будет вовлечен в транснациональную систему. В контексте ядерного нераспространения, а также с целью накопления у себя запасов ценного сырья Китай в будущем, несомненно, примет весомое решение относительно подземных международных хранилищ ядерных материалов.

Благодарю за поддержку отдельных этапов исследований: EU Program “Gateway Education”, Research Council of Norway, Canon Foundation in Europe, Deutscher Akademischer Austauschdienst u World Nuclear University, профессоров B. Falkenburg, N. Witoszek, D. Macer, V. Masloboev, O. Ivanov. А также научных сотрудников Института философии и политологии Дортмундского технического университета.

Р. С. Федюк, А. В. Мочалов, А. М. Тимохин, З. А. Муталибов
Вторая волна новых индустриальных стран АТР
(до и после мирового финансового кризиса)

Наиболее яркими и интересными представителями новых индустриальных стран (НИС), являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона, именно на них обращено внимание мира последние 20 лет. Район Азиатского континента и бассейна Тихого океана на сегодня является самой динамичной частью мирового хозяйства, ведь именно в этом регионе миру явилось чудо “азиатских драконов” (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг), а также “азиатских тигров” (Тайланд, Малазия, Индонезия, Филиппины). Ещё 25-30 лет назад эти страны относились к беднейшим государствам мира. Однако в последние годы их социально-экономический прогресс был настолько стремительным, что справочники не успевали фиксировать происходящие там перемены. За последнее десятилетие XX столетия доля обрабатывающей промышленности в ВВП этих государств увеличилась с 15 до 27%, а доля экспорта готовой продукции во всём их экспорте – с 14% (1975) до 66% (1997). Данные представители НИС развиваются по принципу “лестницы”, а значит, можно

предположить, что следующей ступенью с этих странах станет освоение капиталоемких товаров на экспорт.

В целом для роста НИС, как и для роста других стран третьего мира, характерны экстенсивность, высокая материалоемкость и трудоемкость производства. Эти особенности воспроизводства объясняются тем, что переход к индустриальному типу производительных сил осуществляется не по стадиям, как это происходило в своё время в Западной Европе, США и в Японии, а скачкообразно, носит “догоняющий” характер, что обуславливает серьёзные экономические издержки. Ускоренное развитие экономики развивающихся государств способствовало интенсивному процессу повышения доли сферы обслуживания (до 51% в структуре ВВП) и промышленности (до 28,4%) и уменьшению доли сельского хозяйства (до 14,5%) в общей структуре народного хозяйства. Но, несмотря на то, что такая структура характерна для всех развитых стран, всё это является чисто внешним сходством, которое при глубоком анализе показывает огромные деформации: наличие традиционных отраслей производства, слабая научно-техническая база, отсутствие современной индустриальной и социальной инфраструктуры и т.д.

В АТР различают НИС «первой волны» (Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южная Корея) и НИС «второй волны» (Малайзия, Таиланд, Филиппины и Индонезия). НИС «первой волны» уже достаточно хорошо исследованы. Мы рассмотрим подробнее НИС «второй волны».

Динамизм такого “азиатского дракона” как Малайзия базируется на долгосрочной государственной политике: поддержка стабильного развития аграрной сферы, рост ориентированной на экспорт промышленности. Правительство активно привлекает иностранные капиталовложения: доля иностранных прямых инвестиций в основной капитал достигает 26% (наивысший показатель среди стран юго-восточной Азии). Аграрный сектор экономики Малайзии получает поддержку посредством субсидирования закупок сельскохозяйственной продукции, централизованного регулирования цен, предоставлением субсидий на приобретение машин и удобрений. Современная промышленная политика Малайзии во многом определяется также регулирующей ролью государства, хотя масштабы государственного регулирования имеют тенденцию к снижению. Так, отношения бюджетных расходов к ВВП сократилось с 58% в 1981 г. до 15% в 1998 г. Однако правительство по-прежнему поддерживает приоритетные секторы экономики (прежде всего электронику) путём предоставления льготных кредитов и прямого бюджетного финансирования.

В экономике Индонезии до начала 60-х годов приоритет отдавался усилению нерыночных отношений. Однако с приходом к власти в 1965 г. генерала Сухарто началась существенная корректировка экономической модели, подразумевающая государственную поддержку рыночных институтов. При непосредственном участии государства началась активная модернизация

сельского хозяйства. Так, объём субсидий достиг 8-9% стоимости урожая, что выше, чем в других странах юго-восточной Азии. В 80-90-е гг. произошла ещё одна модификация стратегии экономического развития. Приоритет стал отдаваться экспортоориентированной экономической модели с упором на подъём трудоёмких отраслей с использованием дешёвого малоквалифицированного труда. При этом ставилась задача постепенно ограничить масштаб и сферы деятельности государственного сектора.

Примечательной особенностью Таиланда является то, что достаточно частая смена правительств, в том числе в результате военных переворотов, не отразилась на динамике развития экономики страны: среднегодовые темпы прироста ВВП в 50-90-е гг. составили 7%, то есть были одними из самых высоких среди рассматриваемых стран. Дело в том, что колебание политического курса не влияли отрицательно на предсказуемость экономической политики. Отличительными чертами экономического курса на протяжении 60-90-х гг. были консерватизм бюджетно-финансовой политики, выражавшийся в поддержании сбалансированного бюджета; ограниченное вмешательство государства в экономический процесс; гибкое сочетание импортозамещения и развития экспортных отраслей как средства интеграции страны в мировое хозяйство.

Филиппины являются самой бедной страной среди НИС. ВВП на душу населения здесь менее 3 тысяч долларов США. Особенностью экономики страны является то, что она ещё не исчерпала резервы экстенсивного развития. Промышленный сектор этого государства представлен, прежде всего, добывающей промышленностью и текстильным производством, а также сельским хозяйством и пищевой промышленностью. Тем не менее, в Филиппинах уже появились первые прогрессивные отрасли экономики: производство бытовой электроники и телекоммуникационного оборудования.

Таким образом, перед мировым финансовым кризисом в этих азиатских странах наблюдался сравнительно небольшой отток капитала, как в форме финансовых ресурсов, так и в форме человеческого капитала. «Человеку с улицы» не приходилось опасаться полной экспроприации ни в результате гиперинфляции (исключением из правила была только Индонезия, но всего лишь пару лет), ни в результате марксистской революции. Однако, взгляд на рынки ценных бумаг Юго-Восточной Азии осенью 1997 г. говорит о том, что все без исключения инвесторы пострадали очень сильно. Общеизвестно, что обвал рынков начался с Таиланда, но нельзя выделить какое-либо одно событие, которое послужило тому причиной. Причиной стала комбинация отрицательных факторов, таких как неожиданный всплеск инфляции (до 7% годовых, что вряд ли можно считать высоким уровнем), слабость коалиционного правительства (Хун Чавалит подал в отставку), низкий уровень сдачи в аренду площадей в модных торговых центрах и престижных высотных зданиях, большой дефицит баланса текущих операций. Быстрый экономический рост в странах АСЕАН в

последние несколько десятилетий вызвал увеличение оплаты за труд высшего управленческого звена, оправданное с точки зрения ожидаемых прибылей и уровня производительности, что и привело, в конечном счете, к потере инвестиционной конкурентоспособности этих стран по сравнению с другими регионами. В 1995 г. официальный доход на душу населения в Таиланде составлял 2740 долларов США, тогда как в Китае соответствующий показатель составлял 620 долларов, а в Индии 340 долларов, что делало наиболее трудоемкие отрасли промышленности Таиланда менее конкурентоспособными. Хотя разрыв в конкурентоспособности не так велик, если пользоваться другими ее измерителями (например, оценками дохода на душу населения в стандарте паритета покупательной способности (ППС)), он все равно остается очень большим.

В. Е. Болдырев

Торгово-экономическая политика США в отношении Японии в 1980-е гг.

В 1980-е гг. США заложили фундамент для возвращения в АТР, где их ключевым партнером являлась Япония. Именно она служила главной опорой американской политики в регионе. Важное место в ней занимала торгово-экономическая составляющая, которая влияла не только на американо-японские отношения, но и на политику Соединенных Штатов в отношении других стран региона. На данную политику оказали влияние следующие факторы: отрицательный торговый баланс США в двусторонней торговле, который в 1981 г. достиг 13,5 млн. долл., социально-экономический кризис в совокупности с широким доступом японских производителей на внутренний американский рынок продукции машиностроения, наряду с отсутствием аналогичного доступа американских производителей [Memorandum for the President from W.E. Brock. December 18, 1981].

Фактически это определило цели политики США в отношении Японии в указанный период: улучшение кооперации в отраслях, в которых преуспела Япония и которые могут способствовать экономическому восстановлению США; защитить американских производителей от японских конкурентов и одновременно стремиться получить больший доступ для американских производителей на японский рынок, опираясь на принципы свободной торговли [National Security Decision Directive №62. October 25, 1982].

Налиествовал ряд факторов, повлиявших на эту политику и придававших ей ряд особенностей. К ним относятся: присутствие в Конгрессе сторонников линии протекционизма, взгляд членов администрации на мир в контексте безопасности и отношений Восток-Запад; взгляд членов японского правительства на место и роль Японии в мире в области безопасности; кроме того возможно отметить влияние отдельных черт неоконсерватизма. Существовали две сферы в торгово-экономической политике США в отношении

Японии: собственно, торгово-экономическую и в области безопасности. Большой интерес представляет первая из указанных сфер. В ней присутствовали разнородные тенденции: с одной стороны, политика была направлена на улучшение торговых и экономических отношений на основе принципов свободной торговли, с другой – правительство США принимало и меры протекционистского характера. Так, при президенте США действовала комиссия советников, чья деятельность была направлена на выработку мер, способствовавших улучшению торгово-экономических отношений США и Японии. Предпринимались США на данном направлении и усилия дипломатического характера, к которым можно отнести заключения двусторонних соглашений, в которых фиксировались положения, более выгодные для американской стороны, но связанные с пониманием свободной торговли [Remarks on Receiving the Report of United States-Japan Advisory Commission. September 17, 1984].

В то же время американское правительство принимало и меры протекционистского характера. Существовало два случая принятия таких мер: защита отечественного производителя; ответная мера на принятие мер протекционистского характера. Примером первого случая явилось повышение таможенных пошлин на импортируемые из Японии кожу и обувь, что было сделано под давлением соответствующих групп влияния. Примером другого случая была ситуация, сложившаяся вокруг торговли полупроводниками. Заключенное в 1986 г. двустороннее соглашение создавало условия, подходящие для проникновения американских производителей на внутренний японский рынок, но оно наносило ущерб по положению японских производителей на японском рынке. Ввиду последнего японская сторона не стала выполнять все положения этого соглашения. В ответ администрация Рейгана приняла решение поднять таможенный тариф на японскую полупроводниковую продукцию до 100% от ее стоимости. Тем не менее, вскоре повышение тарифа было отменено, что объяснялось президентом возвращением японской стороны к соглашению [Proclamation 5448. Rates of Duty... March 16, 1986].

Фактически, торгово-экономическая политики США в отношении Японии была направлена на создание максимально подходящих условий для национального бизнеса. Присутствовала еще одна сфера в американской торгово-экономической политике, которая находилась на стыке двух крупных направлений политики – экономики и безопасности. В указанный период она была определена стремлением США поддерживать прозападную ориентацию Японии, реальным ростом оборонных расходов Японии, заложенных уже в бюджете на 1981г., кроме того влияли понимание и трактовка советской угрозы в контексте американо-японских отношений. В этом контексте целый ряд мер, принятых США, можно трактовать не более чем «подтягивание» союзника. В то же время усиление оборонной самостоятельности Японии означало сокращение соответствующих расходных статей американского бюджета, и освободившиеся

таким образом финансы можно было использовать для решения других вопросов, в т.ч. и экономического характера. Более того, в США поддержка ВПК является одной из форм регулирования экономики. Его центральной программой при Рейгане стала Стратегическая оборонная инициатива (СОИ), которая рассматривалась также и как локомотив экономического восстановления США. Стремление американского правительства к широчайшему участию Японии в программе СОИ объясняется стремлением США не только упрочить свое положение, как одного из мировых лидеров в области технологии, но и созданием базы для качественно нового уровня развития американской экономики [Remarks in an Interview With Representatives of Yomiuri Shimbun of Japan... April 10, 1986].

Политика США в отношении Японии была направлена на решение своих внутренних экономических проблем и достижение аналогичных целей краткосрочного и долгосрочного характера. Однозначную оценку американской торгово-экономической политике в отношении Японии дать невозможно. С одной стороны, она была направлена на достижение условий, выгодных для американского правительства и бизнеса, с другой стороны, имевшиеся положительные моменты скорее были единичными явлениями и не давали США положительного эффекта даже в рамках узкоотраслевых рынков, и не снижали общей напряженности в японо-американских торговых отношениях. Итоги этой политики имели слабое конъюнктурное значение для национальной экономики США, в то же время совместное участие американских и японских компаний в программе СОИ позволило первым получить доступ к высокотехнологичным отраслям японской экономики и создать за счет этого новую технологическую базу, на основе которой американская экономика развивалась в 1990-е гг.

Е. В. Пустовойт

Королевство Рюкю в планах западных стран в Восточной Азии в первой половине XIX в.

В конце XVIII – начале XIX вв. европейские страны и США вели конкурентную борьбу за рынки и опорные базы на Тихом океане. Япония и Рюкю интересовали их по ряду причин: их порты были удобны как перевалочные пункты для торговли с Китаем, что значительно удешевляло товары и, соответственно, повышало конкурентоспособность; они имели стратегическую привлекательность в условиях активного освоения Дальнего Востока; представляли собой еще неосвоенный рынок для европейских товаров и являлись потенциальной базой для обеспечения китобойного флота в северной части Тихого океана.

Отдельные попытки западных держав проникнуть на японский и рюкюский рынки, начиная с конца XVIII – в начале XIX в., заканчивались неудачами. Всего американцы в 1791 – 1849 гг. направили в Японию 7 экспедиций, но все они

были безуспешными. Так же безрезультатно закончились подобные экспедиции, направленные в Японию Англией (1791, 1813— 1814, 1818, 1837, 1843, 1846, 1849) и Францией (1846) [История Японии 1999, Т.1.: 602].

В 1846 г. два американских военных корабля под командованием commodора Биддла вошли в залив Урага (Токийский залив). Коммодору было поручено передать бакуфу официальное послание президента США, в котором предлагалось заключить торговый договор, аналогичный соглашению с Китаем. Но ответ был отрицательным и даже неофициальным по форме. Попытки проникнуть в Японию делались под разными предлогами: например, commodор Глиин прибыл в 1849 г. якобы для того, чтобы забрать 15 американских матросов, сбежавших из-за жестокого обращения с одного из кораблей и укрывшихся на Кюсю.

В 1852 г. американское правительство приняло решение направить в Японию эскадру из 12 военных кораблей, включая невиданные японцами паровые фрегаты. Во главе ее встал commodор Мэттью Перри, опытный морской офицер и яростный проводник американской экспансионистской политики. Он прославился еще во время войны с Мексикой в 30-40-х гг. Перри был также видным политическим деятелем, который понимал выгоду стратегического положения Японии и считал необходимым включить ее в сферу влияния США. В июле 1853 г. эскадра Перри вошла в залив Урага недалеко от столицы Эдо (Токио). На настоятельные требования японцев удалиться в г. Нагасаки Перри ответил категорическим отказом. На повторные требования японцев покинуть залив Урага Перри пригрозил высадить десант, поскольку располагал сведениями о полной неспособности береговых укреплений противостоять военной мощи американской эскадры. Появление американцев в непосредственной близости от сёгунской столицы вызвало шок у правительства и панику среди населения. Бакуфу нечего было противопоставить мощи американских военных кораблей. Оно поняло, что вынуждено уступить, чтобы избежать вооруженного вторжения.

Не стояла в стороне от открытия Японии и Россия. В октябре 1852 г. в Японию было направлено посольство вице-адмирала Е.В. Путятина. В составе его эскадры был фрегат «Паллада», на борту которого находился известный писатель И.А. Гончаров, ставший неофициальным историографом экспедиции. Путятину поручалось собрать сведения обо всем, что происходит у побережья русских владений в Восточной Азии и в западной части Северной Америки, а также предпринять новые усилия для открытия японских портов и использовать их близость к России для импорта из Японии продовольствия для снабжения населения русского Дальнего Востока в обмен на товары, необходимые японцам. Путятину было строго предписано действовать исключительно мирными средствами с соблюдением законов страны. В послании Николая I японскому императору отмечался дружественный характер посольства Путятина и

содержалась просьба разрешить русским заходить в порты Японии для обмена товарами, т. е. речь шла об установлении торговых отношений.

С 13 по 21 февраля 1854 г. русские корабли посетили острова Рюкю. В ходе визита Путятин хотел встретиться с королем Рюкю. Однако ему отказали, заявив, что король пребывает в трауре в связи с кончиной королевы, не может встретиться с иностранными гостями и приносит свои извинения. Путятин выразил свои соболезнования, преподнес подарки от русского императора королю Рюкю через официальных представителей королевства Итарасики пэчин и Макиси Тётю [Такара Кураёси 1984: 88]. Через несколько дней Путятин отплыл в Японию. После их пребывания рюкюские чиновники составили «Росиа кокусэн райтяку наха нитэ но никки» («Дневник пребывания русских кораблей в Наха»). В нем приводятся подробные отчеты о пребывании русских моряков на островах Рюкю, которые отсылали властям клана Сацума [Рюкю ококу хёдзёсь мондзё 1993: 65-120].

Гончаров в своей книге «Фрегат Паллада» [Гончаров 1986] запечатлел жизнь рюкюсцев и встречу Итарасики пэчин и Макиси Тётю с Гошкевичем и отцом Аввакумом. Примечательно, что это было первое подробное описание Рюкю, сделанное русскими. До сих пор в России было мало известно об этих островах. Так, название рю-чю впервые упоминается в первом русско-японском словаре, составленном японцами Гондза и Соса в 1729 г. В Россию они попали через Камчатку. Оба были выходцами из клана Сацума, поэтому знали о Рюкю [Кисаки Рёхэй 1975: 2]. Затем Андрей Богданов, глава русской школы по изучению японского языка, записал в своем дневнике: «В Нагасаки есть место для стоянки кораблей, китайцы, голландцы, корейцы и рюкюсцы привозят свои товары» [там же: 7]. В 1771 г. на островах Амами впервые появляются 90 русских во главе с М.Бениовским, австрийским офицером польского происхождения, который был сослан царским правительством на Камчатку и бежал оттуда. Затем русский адмирал И. Ф. Крузенштерн упоминает о Рюкю в своих записках во время первой русской кругосветной экспедиции, которая проходила в 1802 г. Этим и ограничиваются русские сведения о королевстве в первой половине XIX в.

В середине февраля 1854 г., раньше назначенного срока, эскадра Перри вновь подошла к берегам Японии. На этот раз она прибыла в местечко Канагава вблизи Иокогама, всего в 8 милях от Эдо. Под угрозой применения военной силы Перри вынудил японцев в марте 1854 г. подписать японо-американский договор о мире и дружбе [Окума Рёити 1971: 186].

Перри впервые посетил Рюкю в 1853 г. и предложил королю начать торговые отношения. За ответом он прибыл в июне 1854 г., заключив «Договор о дружбе и мире между королевством Рюкю и США». Договор предусматривал обеспечение американских судов дровами, водой и другой необходимой провизией, спасение и защиту американских кораблей, потерпевших кораблекрушение, предоставление проводников. За американцами последовали Франция (1855) и

Нидерланды (1859). США и европейские страны поспешили заключить с королевством Рюкю договоры о мире и дружбе, рассчитывая закрепиться в этом регионе, исходя из своих внешнеполитических целей. Правительство Японии внимательно следило за всеми действиями западных стран, опасаясь контроля этих стран над архипелагом Рюкю.

После реставрации Мэйдзи в 1872 г. Япония объявила Рюкю самостоятельным феодальным японским кланом (княжеством) – Рюкюхан, во главе которого стоял последний рюкюский король Сё Тай (1848 – 1879). Японский император пожаловал Сё Тай аристократический титул, тем самым показав всему миру, и, прежде всего, Китаю, что Рюкю являются японской провинцией, жители которой находятся под защитой Японии.

В. И. Кашникова

Некоторые вопросы политической модернизации Индии

Одной из важной составляющей модернизации является политическая модернизация. С точки зрения теории модернизации политическая модернизация – это переход страны на качественно новый уровень развития [Межуев 2009]. Она является неотъемлемой частью общего процесса модернизации.

Индия предлагает нам особую модель модернизации, которая далека от китайской модели с рыночной экономикой (еще ее называют «мягко-коммунистическая» модернизация [Парсонс 1998, 179]), и от исламско-ближневосточной, и от технического прорыва Юго-Восточной Азии (хотя с экономикой Юго-Восточной Азии Индию роднит бурное развитие информационных «высоких» технологий). Индия – то не западное государство, которому удалось, и весьма успешно, развить демократию. Несмотря на самобытность индийского государства, элементы западной демократии все-таки прижились.

Культура Индии, особенности ее развития и индуистская религия повлияли на становление демократического режима. Здесь следует, напомнить, что именно Индийский национальный конгресс, во главе Махатмой Ганди, повлиял на становление индийской государственности и в дальнейшем на политическую модернизацию страны [Комаров, Литман 1969; Открытие Индии 1987; Поланская 1991]. Получив независимость в 1947 г. и провозгласив себя республикой в 1950 г., Индия начала создавать политическую стабильность и экономическое благополучие страны. Индия развивалась по капиталистическому пути. Уже в 30-х годах XX в. на территории страны было фактически институционализировано буржуазное государство и началось развитие гражданских отношений и гражданского общества [Лунев 2003, 74-83]. Конечно же, Британское господство оставило огромный след в истории страны, и ее демократические традиции крепко вросли в ментальную структуру индийцев.

Политическая модернизация Индии удалась еще и потому, что ее история не претерпевала колоссальных изменений, как, к примеру, в России. Развитие Индии шло плавно: от ее открытия и «жемчужины в короне Британской Империи» [Принс 1915] до развития демократии и лидерства в области информационных технологий. Экономика Индии так же молода, как и экономика России, и у них есть еще одно сходство – это скачкообразность. Причиной тому может послужить частая смена руководства. Но Индия искала свой путь, выбирала направление – соединение двух секторов экономики, либерализация, социальная сфера и инфраструктура. Политические коллапсы не мешали идти вперед, развиваться.

Таким образом, курс модернизации Индии определился особенностями исторического развития государства. Модернизация политической системы Индии проходила эволюционным путем, чем и отличается от России, где изменения проходили болезненно для страны и общества в целом. Примером могут послужить нововведения Петра I [Анисимов 1989, 122; Павленко 2010, 759-760 и др.], марксистско-ленинская парадигма [Биккенин 1978 и др.], пятилетки, курс на демократию и инновации [Гавров 2010]. Политическая жизнь нашей страны не всегда была стабильной, после 1991 г. Россия долго искала свой путь, заимствовала у Запада экономические и политические устои, пыталась их «примерить на себя» и выходило то, что выходило. Это и есть ошибка российского руководства. В истории Индии мы, конечно, подобного не наблюдаем. Причина кроется в самобытности каждой страны, в ментальности каждого народа. Без самобытности народ теряет свою историю, культуру, свою силу.

Секция 2. Археология и палеоэкология Дальнего Востока России и стран АТР: долгое время культуры

Ю. В. Федорен

Отолиты семейства *Pleuronectidae* – камбаловые из раковинной кучи Янковской культуры поселения Клерк – 5

Памятник Клерк-5 был открыт В.Г. Квашиным в 1989 г. на перешейке полуострова Клерк или на северном берегу бухты Бойсмана в заливе Петра Великого. В 2003–2006 гг. обследован Ю. Е. Вострецовым. Основной культурный слой составляют многочисленные пласты раковин мощностью 5–7 см, которые отнесены к периоду раннего железного века или к янковской культуре (VIII–III вв. до н.э.). На этом этапе население Янковской культуры оставило три слоя раковинных отложений на глубине 25–70 см, разделенных слоями грунта с артефактами.

Раковинные отложения янковской культуры содержали кости, отолиты и чешую рыб, кости наземных и морских млекопитающих (включая

китообразных), птиц, амфибий и рептилий. Известно, что костные остатки и отолиты рыб, найденные в древних поселениях человека, представляют существенный интерес для ихтиологов, позволяя судить о составе промысловой ихтиофауны и до некоторой степени о составе всей ихтиофауны района в прошлом.

Цель настоящей работы – определить видовую принадлежность отолитов семейства *Pleuronectidae* (камбаловых) из раковинной кучи Янковской культуры поселения Клерк – 5, и воссоздать структуру и особенности роста древней камбалы на основе анализа ископаемых отолитов.

Материал и методы. Отолиты – это маленькие, размером несколько миллиметров частицы, расположенные в органах равновесия рыб. Они состоят из минеральных солей и органических веществ. Пока рыба жива, отолит растет. На его поперечном отшлифованном срезе при небольшом увеличении хорошо видны годовые кольца.

Всего было просмотрено 155 отолитов рыб из семейства камбаловых, из которых 130 были идентифицированы, а 25 представляли собой обломки, которые идентифицировать оказалось невозможно. Обработка материалов проводилась по общепринятым методикам [Беседнов, Вострецов 1997]. Видовую принадлежность отолитов определяли по В.А. Скалкину (1961) и по эталонной коллекции. Для анализа популяционной структуры все целые отолиты (130 экз.) были измерены и взвешены, а после их шлифовки по кольцам роста определялись возраст и сезон вылова каждой особи.

Результаты. Анализ полученных результатов показал, что обитатели поселения п-ова Клерк-5 добывали как минимум 5 видов отолитов рыб из семейства камбаловых. Доминировали отолиты двух видов камбал – желтоперая камбала *Limanda aspera* (43,8 %) и дальневосточная малоротая камбала *Glyptocephalus stelleri* (27,0 %) – см. таблицу.

Таблица. Список найденных отолитов рыб из сем. *Pleuronectidae* (Камбаловые)

	Отолиты, шт.	%
1. <i>Limanda aspera</i> – Желтоперая камбала	57	43,8
2. <i>Limanda</i> sp.	6	4,6
3. <i>Glyptocephalus stelleri</i> – Дальневосточная малоротая камбала	35	27,0
4. <i>Pseudopleuronectes obscurus</i> – Темная камбала	22	17,0
5. <i>Platichthys stellatus</i> – Звездчатая камбала	10	7,6
Всего	130	100

***Limanda aspera* – желтоперая камбала.** Из семейства камбаловых вид желтоперой камбалы был самый многочисленный и доминировал в поселениях п-ова Клерк-5. Было встречено 64 шт. отолитов (49,2 %). В поселениях п-ова Клерк-5 рыбы встречались от 3 до 6 лет. Доминировали 3-х и 4-х летки. Длина

отолитов была от 5,0 до 7,0 мм, а высота от 4,0 до 4,4 мм. Можно предположить, что рыбы были длиной около 35 см. Судя по годовым кольцам, в основном ее ловили в весеннее-летний период. Несколько отолитов (15 шт.) были выловлены в зимний период года, можно предположить в начале декабря. Древняя и современная камбала не отличаются размерными и возрастными показателями. Это донная рыба. Современная желтоперая камбала в заливе Петра Великого достигает длины 46 см (в уловах преобладает длина 25 – 35 см), живет 13–14 лет. Она обитатель шельфа и самых верхних участков материкового склона. Эвритермный вид, переносит значительные колебания температуры.

Glyptocephalus stelleri - дальневосточная длинная камбала. Отолит мелкий, неправильно круглой формы. Края отолита слабо волнистые. Передний конец широко округлый; задний – также широкий, но край его скошен, и остроугольная вершина смещена к боковому краю. Этот край почти прямой, а противоположный – округлый. Наружная поверхность гладкая и несет редкую и крупную радиальную волнистость. Всего встретилось 35 шт. отолитов этого вида. Рыбы встречались от 3 до 5 лет. Доминировали 3-х летки. Длина отолитов была от 5,8 до 6,0 мм, а высота от 5,0 до 5,1 мм. Можно предположить, что рыбы были длиной около 37 см. Судя по годовым кольцам, в основном ее ловили в весеннее-летний период. Древняя и современная камбала не отличаются размерными и возрастными показателями. Это важный промысловый вид. Морской вид, широко распространенный в Японском море вдоль обоих берегов. В водах Приморья, особенно в заливе Петра Великого, встречается часто как на прибрежном мелководье, так и на материковом склоне, обычно глубже других камбал.

Pseudopleuronectes obscurus – темная камбала. Всего было встречено 22 целых отолита (17,0 %). Отолит мелкий. Удлиненной овальной формы, на поперечном срезе плосковыпуклый, с хорошо заметными годовыми кольцами роста. В поселениях п-ова Клерк-5 рыбы встречались от 2-х до 4-х лет. Доминировали 3-х и 4-х летки. Длина отолитов была от 2,0 до 3,5 мм, а высота от 0,9 до 1,5 мм. Можно предположить, что рыбы были длиной около 20 см. Судя по годовым кольцам, в основном ее ловили в зимний период года, возможно, с декабря по февраль. В уловах тралов и особенно ставных орудий лова – обычный, часто встречающийся вид, не относящийся, однако, к группе основных промысловых камбал залива. Обычный вид в прибрежных районах. Низкобореальный субтропический приазиатский вид. Донная рыба, достигающая длины 56 см и массы 2,4 кг. Преобладающая длина в уловах 30–42 см, масса 0,4–1,2 кг. Прибрежный вид, обитающий в течение всего года на малых глубинах и не совершающий значительных сезонных миграций, как многие другие камбалы Приморья. Переносит широкие колебания температуры и солености, не избегает опресненных вод.

Platichthys stellatus – звездчатая камбала. Всего было 10 отолитов данного вида. У нас были рыбы в возрасте 2-х и 3-х лет. Длина отолитов – 5,0 мм, а

высота 4,0 мм. Можно предположить, что рыбы были длиной около 30-35 см. Судя по годовым кольцам, в основном ее ловили в зимний период. В размерном и возрастном показателях существенной разницы между древней и современной камбалой нет. Донная рыба крупных размеров. Имеет хорошие пищевые качества. Морской солоноватоводный вид умеренных и арктических широт, широко распространенный в северной части Тихого океана. У берегов Приморья встречается повсеместно, но, как правило, в незначительных количествах.

Заключение. По экологическим характеристикам (места обитания) семейство камбаловых можно отнести к донным. Из этого следует, что у обитателей поселения Клерк – 5 наибольшее значение в промысле имели донные рыбы. Заниматься промыслом рыбы обитатели поселения могли практически в течение всего года, хотя пик промысла приходился на весенне – летние – осенний период, когда рыба массово подходила к берегам. Но нельзя исключить и возможности зимнего подледного промысла. Значительное преобладание в выборке ископаемой камбалы взрослых особей свидетельствует о том, что вылов ее проводился в зимнее время.

О. А. Шарова, В. А. Раков, А. Н. Попов

Промысловые моллюски в раковинной куче поселения Русский-1

Памятник янковской культуры Русский-1 был обнаружен на о. Русском еще в 1988 г. сотрудником института Истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Г.Л. Силантьевым. В 2011 г. в связи со строительством автодорог на о. Русском археологами под руководством директора Учебно-научного музея ДВФУ А.Н. Попова были проведены спасательные раскопки этого поселения раннего железного века.

В результате работ собрано большое количество образцов раковин и фрагментов моллюсков. При обработке материала использовались методы, применявшиеся ранее для анализа моллюсков из раковинных куч, в том числе собранных в более ранние годы раскопок на о. Русском. Для каждого целого образца раковины определяли видовую принадлежность, устанавливали длину и ширину особей, примерный возраст моллюска ($\pm 0,5$ года). Сезон вылова у спизул, гребешков, глицимериса, тихоокеанского петушка определяли по сохранившемуся краю раковины.

В пласте 1 собраны моллюски из разных семейств двух классов – брюхоногие и двусторчатые. Список видов моллюсков, обнаруженных на поселении приведен в таблице 1. Кроме моллюсков в раковинной куче встречены домики усонного рака *Balanus crenatus* – основного обрастателя в российских водах Японского моря. Усонугие ракообразные, остатки губок *Cliona sp.*, *Spirorbis alveolatus*, *Polidora sp.* отмечены на раковинах гребешка, мидии, устрицы, рапаны. Около 35% раковин рапаны, устрицы поражены ходами сверлящей губки *Cliona sp.*, на 5-6 % раковин нептунии луковичной

присутствуют следы повреждений от ходов многощетинковых червей *Polydora sp.*

Таблица 1. Список моллюсков из раковинной кучи Русский-1

Gastropoda	Bivalvia
<i>Acmaea pallida</i>	<i>Crenomytilus grayanus</i>
<i>Tegula rustica</i>	<i>Glycymeris yessoensis</i>
<i>Homalopoma sangarense</i>	<i>Crassostrea gigas</i>
<i>Turritella fortilirata</i>	<i>Chlamys farreri</i>
<i>Littorina brevicula</i>	<i>Mizuhopecten yessoensis</i>
<i>Littorina squalida</i>	<i>Corbicula japonica</i>
<i>Cryptonatica janthostoma</i>	<i>Protothaca jedoensis</i>
<i>Neptunea sp.</i>	<i>Ruditapes philippinarum</i>
<i>Neptunea bulbacea</i>	<i>Keenocardium californiense</i>
<i>Plicifusus plicatus</i>	<i>Spisula sachalinensis</i>
<i>Rapana venosa</i>	<i>Mya japonica</i>

В составе малакофауны раковинной кучи доминируют низкореальные виды двустворчатых моллюсков (среди которых *Mizuhopecten yessoensis* – наиболее массовый вид). Два субтропических по происхождению вида (*Chlamys farreri*, *Protothaca jedoensis*) встречаются в раковинной куче редко. Тихоокеанские бореальные виды *Mya japonica*, *Keenocardium californiense* обнаружены в раковинной куче единично. Среди гастропод по числу видов доминировали представители низкореальной фауны, хотя по частоте встречаемости и количеству экземпляров преобладали два субтропических брюхоногих моллюска – *Tegula rustica* и *Rapana venosa*.

Crenomytilus grayanus – обычный представитель эпифауны верхней сублиторали южного Приморья, в раковинной куче поселения Русский-1 встречен единично. Створка мидии сильно повреждена сверлящей губкой рода *Cliona*, периостракум отсутствует, нижний край раковины отломан. Судя по размерам, створка принадлежала взрослой особи с размером раковины около 110 мм.

Наиболее многочисленным представителем двустворчатых моллюсков в раковинной куче поселения Русский-1 был промысловый моллюск гребешок *Mizuhopecten yessoensis*, его раковины были встречены почти во всех квадратах раскопа. В основном были обнаружены нижние створки гребешка, принадлежащие крупным взрослым особям с длиной раковины 128-160 мм, в возрасте 8-14 лет. Целые створки гребешка позволили получить информацию о сезоне вылова. Их добывали в период с апреля по август, чаще в мае-июне. На всех створках гребешка в месте отпечатка мускула-замыкателя или рядом имеются сквозные отверстия диаметром 15-25 мм. На некоторых раковинах отмечены два одинаковых отверстия, расположенные рядом. Отверстия были проделаны изнутри раковины, вероятнее всего, на пустых створках. Крупные

многочисленные створки гребешка *Mizuhopecten yessoensis* свидетельствуют о специализированном промысле этого моллюска и особом значении его в питании жителей поселения Русский-1.

Вторым по частоте встречаемости видом двустворчатых моллюсков оказалась спизула сахалинская. Обнаруженные на поселении раковины принадлежали также крупным взрослым особям с длиной 85-105 мм и возрастом 8-11 лет. Некоторые створки спизулы имели большие (25-35 мм) сквозные отверстия посередине. У части раковин был поврежден нижний край, что связано с прижизненным вскрытием моллюсков для еды. Спизулы не подвергались термической обработке (варке в горячей воде), об этом свидетельствует тот факт, что известковые раковины остались достаточно прочными и не расслаиваются от внешних воздействий.

Глицимерис, створки которого не были многочисленны в раковинных кучах, имел определенное значение для жителей поселения Русский-1. В квадратах пласта 1 обнаружены два типа створок: 1) со слабой шлифовкой левого края и неровным округлым отверстием диаметром 22-25 мм; 2) со слабой шлифовкой всех краев и ровным отверстием ($d \approx 2,3$ мм) в области макушки. Отверстия были пробиты изнутри, их назначение остается неизвестным, возможно, раковины глицимериса таким образом нанизывали на тонкую палочку или веревку. Аналогичные второму типу створки были ранее обнаружены в раковинных кучах поселений раннего железного века на побережье пролива Босфор Восточный.

Целые створки *Ruditapes philippinarum* длиной 35,7-49,1 мм принадлежали особям в возрасте 4-8 лет. На раковинах не отмечено следов термической обработки (варки в воде), слегка поврежден нижний край, что может свидетельствовать о прижизненном вскрытии моллюсков для еды. На одной створке петушка отмечено округлое, с ровным краем, отверстие диаметром 7,3 мм.

Несмотря на то, что тихоокеанская устрица была немногочисленна, раковины рапаны *Rapana venosa* – обитателя устричников, обнаружены в больших количествах. Возможно, население Русского-1 добывало в пищу в основном рапану, а устрица являлась объектом прилова. Раковины дальневосточной рапаны принадлежали особям 46-156 мм, в возрасте 2,5-9 лет. У многих раковин отсутствовала боковая часть, т.е. для извлечения мяса моллюсков разбивали.

Наиболее часто встречаемым на поселении брюхоногим моллюском была тегула *T. rustica*, раковины которой встречены во всех пробах. Размеры тегулы составляли 11-20,7 мм, возраст 2-4 года. У 86% *Tegula rustica* боковая часть раковины и макушка были повреждены, этот брюхоногий моллюск также имел большое значение в питании населения.

Крупный промысловый брюхоногий моллюск нептуinea луковичная представлен на поселении раковинами размером 52-113,4 мм. Как и у

дальневосточной рапаны, у большинства нептуней были сильно повреждены макушка и боковая часть раковины, это свидетельствует о том, что моллюсков чаще вскрывали, разбивая раковины.

Таким образом, на поселении идентифицировано 22 вида моллюсков, из которых практически все могли использоваться в пищу. Малочисленные виды (литорины, хомалопома, акмея, корбикула, прототака и др.) очевидно, попали в культурные слои случайно. Массовые виды (гребешок, спизула, рапана, нептуня, тегула) образуют промысловые скопления на небольшой глубине, не требуют специальных судов и орудий лова. Для извлечения мяса из брюхоногих моллюсков, в отличие от термической обработки (варки в воде), которую часто применяли на поселениях побережья пролива Босфор-Восточный, использовался особый способ пробивания последнего оборота раковины, устье же оставляли целым. Гребешка, рапану, спизулу и, возможно, другие виды моллюсков добывали в летний период года.

В. В. Гасилин, Л. Е. Васильева, Э. В. Алексеева, С. В. Горбунов
Промысел крупных млекопитающих населением юга Дальнего Востока
в раннем железном веке и средневековье

Нами были проанализированы опубликованные [Ермолова 1963; Алексеева Шавкунов 1983; Алексеева, Болдин 1986, 1989, 1994; Алексеева, Горбунов 1993; Алексеева и др. 1996; Алексеева и др. 2004; Раков, Бродянский 2004; Панасенко, Гельман 2009; Rakov et al 2009] и вновь полученные данные по видовому составу костных остатков крупных млекопитающих из 15 археологических памятников раннего железного века (2300–1700 л.н.) Южного Приморья и 6 памятников о. Сахалин и 17 памятников средневековья (1700–300 л.н.) в Южном Приморье и 32 памятников о. Сахалин (рисунок).

На всех приморских поселениях средневековья (бохайская, чжурчжэньская культуры) в отличие от поселений раннего железного века (янковская, кроуновская культурные традиции) разводили крупный рогатый скот, свиней и лошадей, в некоторых селениях появилось новое для Приморья домашнее копытное – овца (таблица).

Редкость находок костей верблюда объясняется тем, что это животное не играло роли в хозяйстве местного населения, а приводилось в Приморье в составе караванов. В средние века в Приморье, судя по выросшему списку видов, чаще добывали хищных зверей, главным образом, куньих, обладающих ценным мехом. Обнаруженные отличия в составе фаун и частотах встречаемости разных видов объясняются более развитыми экономическими отношениями и развитостью сельского хозяйства в средневековье по сравнению с ранним железным веком. В Приморье в раннем железном веке и в средневековье из домашних животных больше ценились свинья и собака. Оба периода характеризуются многочисленностью поселений, где добывали косулю,

кабана и оленя благородного. Промысел морских млекопитающих в Приморье в это время был редок – известно лишь одно поселение, где им занимались в позднем средневековье, причем располагалось оно в глубине континента, на берегу оз. Ханка [Алексеева Э.В. и др. 1996].

Рисунок. Памятники раннего железного века и средневековья с остатками фауны крупных млекопитающих юга Дальнего Востока.

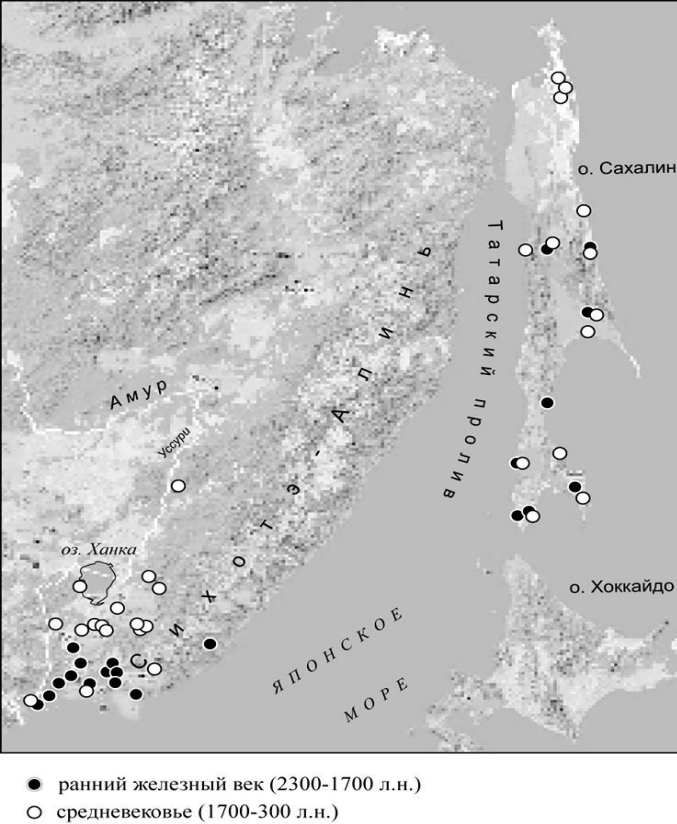

Таблица. Встречаемость крупных млекопитающих в костных остатках из поселений раннего железного века и средневековья Приморья и Сахалина, %

Виды	Памятники			
	раннего железного века		средневековья	
	Приморья	Сахалина	Приморья	Сахалина
Домашние	n=15	n=6	n=17	n=33

Собака – <i>Canis familiares</i>	73	0	100	47
Свинья домашняя – <i>Sus scrofa domestica</i>	67	0	100	19
Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i>	13	0	100	9
Мелкий рогатый скот (овца) – <i>Ovis aries</i>	0	0	12	3
Лошадь домашняя – <i>Equus caballus</i>	13	0	100	3
Верблюд – <i>Camelus bactrianus</i>	0	0	6	0
Промысловые				
Заяц-беляк – <i>Lepus timidus</i>	0	0	12	22
Заяц маньчжурский – <i>Lepus mandshuricus</i>	7	0	12	0
Бобр – <i>Castor fiber</i>	0	0	12	0
Енотовидная собака – <i>Nyctereutes procyonoides</i>	7	0	29	3
Волк – <i>Canis lupus</i>	33	0	18	0
Лисица – <i>Vulpes vulpes</i>	40	17	35	28
Красный волк – <i>Cuon alpinus</i>	0	0	6	0
Медведь гималайский – <i>Ursus thibetanus</i>	0	0	18	0
Медведь бурый – <i>Ursus arctos</i>	20	17	29	31
Соболь – <i>Martes zibellina</i>	13	17	12	9
Харза – <i>Martes flavigula</i>	0	0	12	0
Росомаха – <i>Gulo gulo</i>	0	0	6	3
Горностай – <i>Mustela erminea</i>	0	0	6	0
Колонок – <i>Mustela sibirica</i>	0	0	24	6
Хорь степной – <i>Mustela eversmanni</i>	0	0	0	0
Барсук азиатский – <i>Meles leucurus</i>	7	0	41	0
Выдра – <i>Lutra lutra</i>	20	0	18	9
Кот лесной амурский – <i>Prionailurus bengalensis</i>	7	0	6	0
Тигр – <i>Panthera tigris</i>	7	0	12	0
Леопард – <i>Panthera pardus</i>	7	0	0	0
Кабан – <i>Sus scrofa</i>	73	0	59	6
Кабарга – <i>Moschus moschiferus</i>	7	0	35	16
Олень пятнистый – <i>Cervus nippon</i>	33	0	65	0

Олень благородный – <i>Cervus elaphus</i>	60	17	47	9
Косуля сибирская – <i>Capreolus pygargus</i>	73	0	76	6
Лось – <i>Alces alces</i>	13	0	24	0
Олень северный – <i>Rangifer tarandus</i>	0	17	12	16
Горал – <i>Nictereutes goral</i>	7	0	12	0
Морские млекопитающие – Cetacea et Pinnipedia	0	83	6	84

На Сахалине к настоящему времени изучено только 6 поселений раннего железного века (охотская, северосахалинская, сусуйская культурные традиции) с остатками крупных млекопитающих (таблица). Все костные остатки принадлежат диким зверям, и почти в каждом поселении находятся кости морских млекопитающих (китов, дельфинов, сивуча, ларги, лахтака). Вероятно, у населения Сахалина в раннем железном веке была собака, но ее кости ввиду малого числа изученных поселений с сохранившимися костными остатками пока не найдены.

К средневековым (айнская, Минами-Кайдзука, охотская, нивхская культуры) на острове появляются все основные виды домашнего скота. Кости собак встречены почти в половине всех изученных поселений с остатками крупных млекопитающих. Добычей охотников становятся все пушные виды, обитающие на о-ве, чаще заяц и лисица. Отметим, что из наземных диких зверей в наибольшем числе поселений сохранились костные остатки бурого медведя. Впрочем, связано это не с утилитарными предпочтениями охотников, а с практиковавшимся на острове культом медведя. Доля поселений с остатками добычи морского промысла оставалась и в средневековье очень высокой.

Различия в составе и в соотношении числа остатков видов домашней фауны между Приморьем и Сахалином на протяжении изученных периодов объясняются разницей в скорости течения социально-экономических процессов на материке и на острове. Различия в составе промысловой фауны главным образом обусловлены естественной обедненностью фауны острова относительно фауны материка (9 видов крупных млекопитающих, скорее всего, никогда не проникали на Сахалин).

В. С. Акуленко

К вопросу о «доместикации» риса на Корейском полуострове

Общеизвестно, что с началом эпохи неолита во многих регионах мира начинается процесс перехода от присваивающего хозяйства к производящему. По мнению абсолютного большинства отечественных и зарубежных корееведов, Корейский полуостров не стал исключением из данного процесса и с самых

ранних пор стал одним из центров развития земледелия и животноводства. Несмотря на неопровержимость фактов, свидетельствующих о существовании земледелия на Корейском полуострове, по крайней мере, с эпохи развитого неолита, до сих пор не до конца выяснен вопрос нижней границы его появления, а также пути, по которым некоторые domestиканты попали на полуостров.

Корея является одной из стран, где на сегодняшний день основной сельскохозяйственной культурой является рис. Однако учёные совсем недавно считали, что среди злаковых культур, которые жители Корейского полуострова научились возделывать в эпоху неолита, его не было. Предположительный состав культурных растений для неолита Кореи следующий: просо итальянское, просо обыкновенное, просо куриное, гаолян, ячмень, пшеница, бобы, фасоль, пуэрария и папоротник-орляк японский [Воробьёв 1997: 212].

До начала 1990-х годов проникновение риса на Корейский полуостров связывали с началом бронзового века, когда началось массовое производство обоих его разновидностей – водяной и суходольный, и о чём свидетельствуют многочисленные археологические находки. Однако сейчас многие исследователи считают временем проникновения культуры возделывания риса на Корейский полуостров – эпоху развитого неолита и нижней его границей определяют 3 тыс. до н.э. [Ahn Sung-Mo 2010: 90]

Чем интенсивнее идут археологические исследования, тем чаще на неолитических стоянках на Корейском полуострове находят зёрна риса. Вот только несколько примеров подобных находок, охватывающих период развитого неолита на Корейском полуострове:

- в Хынамни (уезд Ёчжу пров. Кёнги) вместе с зёрнами ячменя, просо и сорго были найдены обугленные зёрна риса. Их возраст $\approx 3.306 \pm 70$ лет.
- На стоянке в Масари (г. Ханам пров. Кёнги, среднее течение р. Ханган) найдены следы зёрен риса, отпечатавшиеся на стенке керамического сосуда, покрытого ямочным узором – относящимся к неолиту.
- В Кахёнри (уезд Кимхо, пров. Кёнги, нижнее течение р. Ханган) были найдены обугленные зёрна просо и риса, возраст которых оценили в 4.020 ± 26 лет назад.
- В Кавачжи (уезд Коян пров. Кёнги) найдены зёрна риса возрастом 5.310 ± 80 лет.
- В Тэчхонри (Уезд Окчхон, пров. Кёнги, верхнее течение р. Кымган) на месте жилища найдены обугленные зёрна пяти видов злаков – риса, ячменя, пшеницы, просо и сорго. Их возраст оценивают в 5.500 – 5000 тысяч лет.
- На месте стоянке в Чодонри (г. Чхунчжу, пров. Сев. Чхунчхон) в неолитическом слое вместе с гребенчатой керамикой, грузилами для сетей, каменными топорами, другими каменными орудиями и углём были найдены зёрна риса, а их возраст оценили в 6.200 лет [Син Ёнха 2010: 49–51].

Таким образом, археологические находки последних 20 лет показывают, что рис был известен жителям Корейского полуострова задолго до наступления эпохи бронзы. Конечно, земледелие в эпоху неолита носило скорее вспомогательный характер и являлось дополнительным источником пищи, не заменявшим, а дополнявшим людям рыбалку, охоту и собирательство. Однако истощение кормовой базы и рост населения обусловили в итоге переход к производящим формам хозяйства, о чём свидетельствует появление стоянок, не привязанных к источникам морепродуктов.

Если ещё 10 лет назад учёные считали, что основой диеты неолитических насельников Корейского полуострова были морепродукты, основывая свои выводы на многочисленности стоянок, расположенных вдоль побережья моря и крупных водоёмов. То теперь, с обнаружением стоянок, не привязанных к источникам морепродуктов и расположенных у подножий холмов и в долинах, учёные задаются вопросам – действительно ли добыча морепродуктов являлась основой экономики всего населения Корейского полуострова эпохи неолита, или одной из его частей [Lee Gyoung-Ah 2011].

На наш взгляд, ко времени перехода основной части населения Корейского полуострова к производящей сельскохозяйственной экономике в бронзовом веке, жители полуострова подошли со значительным багажом одомашненных растений, что в итоге и привело к логичному переходу от собирательства к земледелию.

О возможности domestikации риса на Корейском полуострове впервые широко заговорили в 2003 г. Тогда на сайтах ведущих новостных агентств появились сообщения об обнаружении на территории Южной Кореи зёрен риса, возраст которых оценивается в 12.5 – 14.5 тысяч лет.

Согласно отчёту южнокорейских археологов, в местечке Сорори (уезд Чхонвон пров. Сев. Чхунчхон, верхнее течение рек Намханган и Кымган) в ходе раскопок 1997-1998 и 2001 гг. было найдено 59 зёрен риса. 18 из них были определены учёными как древний рис двух видов – японика и индика, остальные 41 – как квази-рис. 14 зёрен древнего риса оказались пригодны для проведения дальнейших исследований. 8 зёрен были отправлены в американскую лабораторию Геохрон (Geochron Lab, GX), а 6 – в лабораторию Сеульского университета (AMS, SNU). В итоге проведённых анализов лаборатории оценили возраст зёрен в 12.500 – 14.620 лет [Lee Yung-Jo].

Большинство зёрен риса, найденных на стоянке, относятся к разновидности японика, которая сейчас в основном выращивается именно в Восточной Азии – в Японии, Северо-Восточном Китае и на Корейском полуострове. Лишь одно зёрнышко, возраст которого оценили в 12.500 лет, принадлежит, по мнению учёных, к наиболее распространённому в мире виду – индика. Южнокорейские археологи считают, что найденный в Сорори рис японика имеет низкое генетическое сходство с современным – всего 33.6% [ibid.]. Тем не менее, они предположили, что зёрна найденного ими риса находились на начальном этапе

доместикации. По мнению южнокорейских археологов, находка «одомашненного» риса на стоянке в Сорори является убедительным доказательством доместикации по крайней мере одной из разновидностей риса (японика) на Корейском полуострове и последующем переносе технологии его выращивания в Китай [Син Ёнха 2010: 52–55], который большинством современных учёных признаётся в качестве родины рисоводства [Gary, Crawford, Shen 1998; Kowach, Sweeney, McCouch 2007; Tao Sang, Song Ge 2007].

Дальнейшие археологические изыскания в этом регионе, конечно, могут подтвердить гипотезу об одомашнивании риса на Корейском полуострове, однако на сегодняшний день, по нашему мнению, говорить о доказанности факта начала самостоятельно доместикации риса на Корейском полуострове 12–14 тысяч лет назад – невозможно. Единичная находка зёрен риса на стоянке, относимой учёными к верхнему палеолиту (иногда к мезолиту), не может служить надёжной основой для построения подобной гипотезы хотя бы в силу того, что до сих пор не доказана преемственность между палеолитическим и неолитическим населением полуострова. Подавляющее большинство историков скептически относится к гипотезе об «одомашненном рисе из Сорори», видя в выводах южнокорейских археологов больше политики, чем науки.

Я. Е. Пискарева

Типы жилых и хозяйственных построек мохэского населения Приморья (V–VII вв.)

В данном исследовании будут представлены результаты изучения жилых и хозяйственных сооружений мохэских племен, проживавших на территории Приморья в V–VII вв. н.э. Задачами исследования являлись: реконструкция мохэского жилища, этапов его сооружения, выявление конструктивных особенностей и основных типов жилых и хозяйственных построек. В основе работы – данные полученные нами с поселений Борисовка-3 и Барабаш-5 в 2008–2010 гг. и все имеющиеся на сегодняшний день материалы памятников мохэской культуры Приморья, изучавшихся в разное время А.П. Окладниковым, Ю.В. Кривулей, П.Л. Семиным, Ю.Г. Никитиным и др. [Окладников 1959; Кривуля 1989–2002; Семин 1986; Никитин 2006, 2007]. В общей сложности на памятниках мохэской культуры в Приморье раскопано 22 жилища, в основном на небольших поселениях.

Одно из таких поселений – Борисовка-3 насчитывает 10 жилищных западин округлой или слегка подквадратной формы, рядом с некоторыми из них выявлены котлованы хозяйственных ям. Диаметр большинства западин составляет 6–8 м. В локализации жилищ выявлено две группы. Первая занимает пологое возвышение в центральной части мыса и состоит из 8 жилищных западин, две из которых, расположенные в самой высокой части мыса, выделяются своими значительными размерами: их диаметр около 10–11 м, а

площадь каждой составляет порядка 70-80 м². Вторая группа западин находится в 50-60 м на юго-восток от первой и представлена двумя жилищными западинами и западинами хозяйственных ям [Мезенцев 2007; Сергушева и др. 2010]. Возможно, расположение части сооружений в стороне от основной группы связано с профессиональной деятельностью их жителей.

Жилые постройки. Реконструируя процесс сооружения мохэского жилища можно выделить следующие этапы постройки:

1 этап. Сооружение котлована. Все мохэские жилища относятся к типу полуземлянок, обычно они углублены в землю не менее чем на полметра. Зачастую, используя рельеф местности, котлован врезался в склон сопки. Жилища с наибольшей площадью исследовались на поселении Усть-зеркальная-4 – 45 м², Раковка-10 – 32 м², Михайловка-2 – 30.7 м² [Семин 1986; Кривуля 1990, 1993], средняя их площадь составляет около 20 м², наименьшая 11 м². Форма котлована прямоугольная или квадратная со скругленными углами, стенки вертикальные, иногда слегка пологие.

2 этап. Установка опорных столбов. Количество основных столбовых ям в жилищах разнится от четырех до девяти. Расположение этих ям также различно. В некоторых жилищах прослеживаются несколько ям ближе к центру (обычно четыре) и от одной до четырех по углам. Другие сооружения снабжены только ямами по углам, либо только ямами в центре.

3 этап. Сооружение стропильной системы. Радиальное расположение сгоревших плах во всех жилищах свидетельствует о четырехскатной, или шатровой конструкции крыши. В зависимости от количества и расположения столбов, а также, судя по местонахождению сгоревших древесных остатков, можно выделить варианты сооружения жилищной кровли:

А) Первый вариант характерен для жилищ с четырьмя столбами в центре, либо по углам котлована. После вкапывания опорных столбов на них для жесткости укладывались прогоны. Затем по диагонали устанавливались четыре стропильные ноги. Верхние их концы скреплялись между собой, а нижние опирались на деревянный каркас стен. При этом, вероятно, нижние концы стропил также скреплялись рамой из жердей, что придавало жесткость и крепость всей стропильной системе. В пользу такой версии свидетельствуют находки остатков крупных сгоревших плах, лежавших параллельно стенам котлована.

Б) Второй вариант характерен для жилищ со столбами в центре котлована и дополнительными столбами по углам. При сохранении общего принципа (диагональной установки стропил), на дополнительные угловые столбы крепились кобылки (продолжение стропильной ноги), вероятно, с другим уклоном. Такая конструкция эффективно защищает жилище от обильных осадков и позволяет предотвратить намокание стен постройки, поскольку вода не скатывается по ним, а как бы отбивается. Этот принцип сооружения кровли

характерен для жилищ тех районов Азии, где случаются тайфуны и мощные циклоны, например, при постройке китайских и японских зданий.

После установки стропильной системы делалась обрешетка и, непосредственно на нее, укладывалось кровельное покрытие.

4 этап. Сооружение стен. Вдоль стен котлована из тонких жердей сооружался частокол, достигавший нижнего края стропил.

Анализ деревянных частей конструкции из раскопок на поселении Борисовка-3 и Барабаш показал, что большинство столбов, балок и т.п. изготавливались из дуба монгольского (*Quercus mongolica*), реже использовалась древесина розоцветных пород.

Выход в мохэских жилищах не всегда можно проследить. В тех случаях, когда выход четко фиксируется, он представляет собой коридор, иногда со ступенькой, располагавшийся в южной или юго-восточной стенке, реже в западной и только в одном жилище на поселении Абрамовка-3 в северо-западной [Кривуля 1990].

Таким образом, существуют некоторые специфические отличия, позволяющие выявить разные типы сооружений. Большинство мохэских жилых построек относятся к первому типу жилищ - сооружениям с четырьмя опорными столбами: четыре жилища из пяти поселения Михайловка-2, одно жилище поселения Абрамовка-3, все жилища поселений Раковка-10, Новоселище-1, Куркуниха-3, Усть-Зеркальное-4, Борисовка-3, оба мохэских жилища, исследованных на территории могильника Чернятино-5.

Ко второму типу (жилища с дополнительными столбами) можно отнести все жилища поселения Абрамовка-3, за исключением одного, по одному жилищу с поселений Михайловка-1, Михайловка-2 и Осиновка. Конструкция таких сооружений выглядит более капитальной за счет дополнительных опор.

Вопрос о выделении третьего типа жилищ нуждается в дополнительных исследованиях. На сегодняшний день известно два жилища с поселения Барабаш-5, площадь которых составляла 11-12 м², кроме того, в отличие от первых двух типов, эти сооружения углублены в землю лишь на 20-30 см. Столбовые ямы в таких постройках прослежены только вдоль одного из бортов котлована. Возможно, такие конструкции относились к категории сезонных построек, крыша которых могла устраиваться в виде козырька.

Хозяйственные сооружения. К хозяйственным сооружениям относятся мусорные и хозяйственные ямы, обычно располагавшиеся рядом с жилищами. Так на поселении Борисовка-3, на 10 западин жилищ приходилось 5 западин ям. В 2008 г. была исследована одна из этих ям, располагавшаяся между двумя жилищами. Диаметр ямы составлял около 2 м, глубина-55 см. Рядом с ямой не были обнаружены ни столбовые ямы, ни какие-либо другие конструктивные особенности, позволявшие предполагать наличие навеса. Подобные ямы не редкость на мохэских поселениях, например, вокруг одного из жилищ поселения Абрамовка 3 обнаружено 9 ям диаметром от 1 м до 2.2 м. и глубиной до 70 см,

преимущественно округлой формы [Кривуля 1993]. Особый интерес представляют ямы - хозяйственные комплексы. На этом же поселении обнаружены сооружения с пятнами глиняной обмазки и ямами от опорных и вспомогательных столбов. Размеры таких построек от 1,35x1,9 м до 2x2,2 м [Кривуля 1992]. Учитывая наличие глины в ямах можно предположить об их хранилищном назначении. Подобные сооружения, с обмазанными глиной стенками присутствуют и на бохайских памятниках

Таким образом, конструкция мохэского жилища полностью отвечала тем природным условиям, в которых проживало мохэское население. Такое конструктивное решение было оптимальным для природных условий Приморья с его регулярными тайфунами и циклонами. Наличие разных типов жилищ может быть связано с определенным хозяйственным укладом, разным характером поселений. Различные типы хозяйственных построек указывают на активную хозяйственную деятельность мохэсцев связанную с содержанием домашних животных, возможно приготовлением пищи и корма, переработки и хранения продуктов.

В. В. Ахметов

К вопросу о бохайских могильниках на севере Корейского полуострова

На данный момент на территории КНДР известен ряд погребальных памятников, в том числе три крупных могильника, которые северокорейские археологи называют бохайскими [Со Ильбом 1999; Чон Ёнджин 2010].

Один из них – Пуго в уезде Чхонам вблизи г. Чхонджин провинции Северная Хамгён – насчитывает 500 погребений в виде каменных склепов с земляной насыпью. На могильнике выделено несколько участков захоронений – это Оксэндон, Тхосон, Тарэголь, Токтон, Хапчон, Ёнчхаголь. Всего на этих участках исследовано чуть более сотни погребений. Погребения можно поделить на две группы по особенностям погребального сооружения. Первая группа – каменные склепы с земляной насыпью могилы (Ёнчхаголь № 1, Тарэголь № 2 и др.). Погребальные камеры в плане имели подпрямоугольную форму. Конструкция, в основном, имела южную ориентацию (под южной ориентацией в данной работе понимается наличие входа в погребение в южной стене или коридора, пристроенного к южной стене). Каменные склепы возводились на древней дневной поверхности. Вторая группа – каменные ящики. Здесь также преобладала южная ориентация погребений. Каменные ящики в основном размещались в могильных ямах [Пугори 2011: 140-141].

Северокорейские археологи, а вслед за ними корейские археологи Яньбянь-корейского автономного округа, и южнокорейские исследователи считают раскопанные могилы на территории рядом с местностью Пуго бохайскими [Пугори 2011: 18]. Однако в публикациях, посвященных раскопкам этих могил, не приводятся обоснования этого вывода. Каменные склепы могильника Пуго,

возводились на древней дневной поверхности, что имеет прямую аналогию с каменных склепов в Когурё [Обзор раскопок памятников Северной Кореи 1991: 33, 68, 115]. В свою очередь погребения членов правящего клана в Бохае на могильнике Лунхай расположены в могильных ямах [Ли Цян 2009]. Среди бохайских погребальных сооружений практически не встречаются каменные ящики, сложенные из вертикально стоящих каменных плит. Однако, такой тип погребений характерен для Когурё [Обзор... 1991: 53].

Погребальный инвентарь могильника Пуго, имеет аналогии, прежде всего, с находками из когурёских погребений. Удила из погребения Ёнчаголь 1 (участок №1) [Пугори 2011: 88] по типу аналогичны удилам из могильника Чигёндон [Обзор... 1991: 231]. Украшения конского снаряжения овальной формы с вытянутым уголком по центру одной из сторон бытовали с IV–VI вв. в Когурё [Адзума Усио 2008: 600–602]. Украшения этого типа найдены в могиле Ёнчаголь 1 и Ёнчаголь 15 [Пугори 2011: 89, 125]. Украшения конского снаряжения в виде перекрестья находки из могил Ёнчаголь 1 и Ёнчаголь 15) по форме аналогичны когурёским украшениям из могилы Чхильсонсан №96 [Пак Чинук 1986]. Могила Чхильсонсан №96 датируется пер. пол. V в. [Адзума Усио 2008: 603]. На могильнике Пуго найдены стремяна с высокой пластинчатой дужкой [Пугори 2011: 91, 94, 124]. Такие стремяна характерны для когурёских погребений [Адзума Усио 2008: 602], они обычно датируются V–VI вв. [Амброз 1973]. Бохайские стремяна обнаруженные на могильнике Дунцин имеют более короткую дужку, и датируются VII–VIII вв. [там же]. Наконечники стрел с могильника Пуго [Пугори 2011: 126] типичны для когурёского времени [Ким Сонгхэ 2001: 810].

Принадлежность к бохайскому времени могильника Пуго вызывает большие сомнения. Погребальные сооружения на этом могильнике, погребальный инвентарь, найденный здесь – свидетельствуют в пользу того, что этот могильник функционировал в когурёское время.

Д. Д. Беляев, А. И. Давлетшин

Раннеземледельческие общества тихоокеанского побережья Юго-Восточной Мезоамерики: археологические и лингвистические данные

Тихоокеанское побережье Чьяпаса и Гватемалы было одним из важнейших очагов социокультурной эволюции в Мезоамерике. Этот регион исключительно богат морскими ресурсами и был заселен носителями культуры Чантутто (по названию эпонимного памятника, между 7500 и 4800 до н.э.). Эта культура представлена в основном раковинными кучами, что дало в свое время основание говорить о специфической приморской адаптации рыболовов и морских собирателей. Однако следует принимать во внимание, что раковинные кучи являются следами сезонных поселений в эстуарии, а основные поселения в глубине прибрежной зоны не обнаружены. Не исключено, что носители

культуры Чантуто в действительности имели комплексное охотничье-собираческое хозяйство, о чем свидетельствуют находки костей сухопутных животных.

Согласно последним данным, первые свидетельства земледелия в Соконуско датируются серединой V тыс. до н.э., когда впервые фиксируется пыльца маиса, а палеоландшафтные реконструкции свидетельствуют о сокращении лесного покрова в связи с выжиганием лесов для подсеки. Далее по побережью Гватемалы эти процессы датируются серединой IV тыс. до н.э. Но анализ костных останков показывает, что маис еще не составлял основу диеты.

Моделью для анализа культуры Чантуто может быть реконструируемая по лингвистическим данным культура протомихе-соке. В языковую семью михе-соке входит 11 живых языков, носители которых проживают на территории современной Мексики в шт. Веракрус, Чиapas, Табаско и Оахака. Согласно данным переписи в 1990 г. общее число говорящих на этих языках составляло 160 тыс. чел. Разделение ветвей протомихе и протосоке по глоттохронологическим данным датируется первой половиной II тыс. до н.э.

Протомихе-соке знали, что такое море и 'большая вода', которая, очевидно, была рекой. Им были известны два вида москитов, два вида тростника, водяная змея, два вида игуаны, ящерица, аллигатор, лягушка, три вида ракообразных, морской моллюск. Есть два слова для рыбы, за одним из которых, очевидно, скрывается её какая-то промысловая разновидность, а также название для важного промыслового вида. Представлены тропические растения, в том числе, древесная орхидея с воздушными корнями, есть также три вида хвойных и дуб. Представлены такие тропические животные, как обезьяна-ревун, кинкажу, муравей-листорез и термиты. Рыбу ловили сетью и, хотя также охотились, в том числе, с помощью силка. Употреблялись в пищу зелёные дикорастущие растения, возможно, жёлуди, и плоды фруктовых деревьев.

На практику подсечно-огневого земледелия указывают такие слова, как 'рубить лес (топором)', 'расчищать лес для посадки' и 'место в лесу, расчищенное под поле', 'копать землю палкой-копалкой', 'рыхлить землю', 'полоть сорняки' и другие. Различались два вида поля, одно из которых было маисовым. Ведущую роль в сельском хозяйстве занимали кукуруза и фасоль, которые, по всей видимости, выращивали вместе. Были также известны сладкий картофель, маниок и перец.

Очень хорошо развит маисовый комплекс, который включает названия различных частей кукурузы, амбар для хранения зерна, глагол со значением 'собирать маис', термины, связанные с приготовлением кукурузы и приготовляемые из кукурузы блюда – варёное на пару тесто и напиток на основе кукурузного теста. Протомихе-соке знали несколько способов приготовления пищи, одним из которых, очевидно, была приготовления на пару тамала. Есть специальный глагол 'лепить из теста (тамали)'. Единственным известным домашним животным была собака. В то же время им была известна мускусная

утка-пичичи, чьи яйца традиционно каждый год собирают, чтобы выращивать утят, мясо которых затем употребляют в пищу.

Глиняная утварь и керамические технологии в праязыке отсутствуют, однако есть два слова для сосуда из тыквы-горлянки. Отсутствие слова среди реконструированных, конечно, не означает, что носители праязыка его не знали, однако отсутствие слова для глины, каких-либо глиняных сосудов и терминов, связанных с их изготовлением, показательно. Они появляются на уровне протомихе и протосоке.

Дома имели очаг и опорный столб. Тяжести переносились на спине и на голове с помощью налобной ленты-мекапала. Из волокна агавы протомихе-соке изготавливали нити, использовавшиеся для шитья одежды, возможно, носили сандалии и нагрудные украшения. Возможно, была известна одежда из бумаги. Был известен табак, который курили; в ритуалах использовалась ароматическая смола. Есть указания на такие музыкальные инструменты, как 'флейта' и 'барабан', которые, к сожалению, плохо сохраняются и вряд ли могут быть обнаружены археологически.

Реконструированная лексика не содержит каких-либо социальных терминов, и, по-видимому, общество протомихе-соке было довольно эгалитарным. В то же время такие слова, как 'калека, безрукий', 'зарубцовываться (о ране)', 'спастись бегством', 'сражаться', 'метать камень с помощью пращи' свидетельствуют о развитии военной активности.

На рубеже III–II тыс. до н.э. Южная Мезоамерика переживает аридизацию климата. Население вынуждено искать новые способы адаптации, связанные с уменьшением в хозяйстве роли морских ресурсов. Этот период отмечается широким распространением земледелия и появлением первой керамики. Между поздними слоями культуры Чантуто и началом первой мезоамериканской керамической культуры мокайя отмечается разрыв. Регион мокайя представлял собой серию речных долин, включающих в себя несколько природных зон: эстуарий, береговая полоса, болота, прибрежная лесистая равнина и предгорья. Крупные деревни располагались на равнине в нескольких километрах от моря (10–15 м над уровнем моря), а берега эстуариев занимали специализированные рыбацкие поселки. «Мезоамериканская триада» – маис, фасоль и тыква дополнялись многочисленными наземными и морскими животными. Фаунистические останки включают кости оленей, собак, кроликов, белок, сумчатых крыс, опоссумов, броненосцев, различных видов птиц, крокодилов, игуан. Важное место продолжало играть использование морских ресурсов (различные виды моллюсков, крабы, возможно, креветки).

Самая ранняя керамика (фаза Барра, 1900–1600 до н. э.) появляется уже в развитой форме, с богатой орнаментацией, что дало основания для предположений о том, что технология ее изготовления была принесена извне, из Центральной или Южной Америки. Формы сосудов имитируют посуду из тыкв. Полностью отсутствует простая неорнаментированная посуда, техника

орнаментации (желобчатый, сетчатый, процарапанный или резной рисунок) копирует технику украшения сосудов из тыквы. Только во второй трети II тыс. до н.э. (фаза Локона, 1600-1500 до н. э.) появляются неорнаментированные сосуды, и сам комплекс становится более разнообразным. Полноценный же керамический комплекс формируется только в середине II тыс. до н.э.

Одновременно, как показали исследования Д. Кларка, в Соконуско (долины рек Коатан и Уэуэтан) формируются самые ранние мезоамериканские вожества. В фазу Барра население было сосредоточено в небольших поселках (до 200 человек) с одинаковыми постройками, не оформленных в какие-либо иерархические структуры. Имеются свидетельства активного обмена с горными районами Гватемалы (обсидиан). В фазу Локона первоначально появляется дифференциация жилищ внутри деревень. В Пасо-де-ла-Амада первоначально выделяются несколько секторов, сгруппированных вокруг крупных земляных платформ овальной формы со следами сооружений наверху. К середине XVI в. до н.э. шесть секторов теряют свою значимость, а в одном сооружается масштабная резиденция вождя размерами 22 на 12 м высотой до 4 м. От Пасо-де-ла-Амады зависели окружающие поселки. Таким образом, складывается политическое объединение с иерархией из двух уровней и населением до 4000 человек, из которых 1000–2000 жили в главном поселении. Это объединение было отделено буферной зоной от двух аналогичных. Во всех трех политиях керамика, престижные материалы концентрируются в центральных поселениях. Анализ распределения обсидиана, импортируемого из горной Гватемалы, свидетельствует о том, что элита монополизировала внешний обмен и существовала система централизованной редистрибуции материалов.

Секция 3. Традиционные культурные коды народов АТР и их трансформация

Ю. В. Латушко

Рост и упадок полинезийской «протоцивилизации»

Полинезийские общества доконтактной эпохи (большая часть европейских открытий в регионе состоялась во второй половине XVIII в. – Уоллес, Кук, Дюмон-Дюрвиль, Бугенвиль, Ванкувер, Кинг и др.) часто называют «протоцивилизациями», имея ввиду достижение ими высокого уровня в самых разных областях, включая создание сложной мифологии, развитие производящего хозяйства, монументальной архитектуры, начатки письменности и проч.

Признаки цивилизации обычно включают в себя: развитие земледелия и ремёсел, классовое общество, наличие государства, городов, торговли, монументальное строительство, развитую религию, письменность. Максимально стратифицированные общества Полинезии (Тонга, Таити, Гавайи) были близки к достижению или достигали почти всех вышеуказанных признаков.

Возникновение и постепенное усложнение полинезийских культур было связано с характером адаптации к окружающей среде, жестко лимитировавшей формы данного процесса. Вариации адаптационных стратегий в полинезийских культурах впервые системно были проанализированы М. Саллинзом (1958), а впоследствии И. Голдманом (1970). С тех пор ученым удалось прояснить ряд вопросов, связанных с их генезисом. «Уникальный полигон» полинезийской доистории «отбраковывал» наименее приспособившиеся общества. Основные ресурсные ограничения были связаны со сложной комбинацией (соотношением) следующего рода: *тип хозяйства – численность/плотность населения – размер территории/наличие ресурсов жизнеобеспечения*. Действуя вместе, они влияли на социальный профиль того или иного общества (определяли его структуру, вертикальную и горизонтальную мобильность и проч.).

Все островные общества Полинезии выглядят «вождецентричными». Термин высшего ранга – Pp *'ariki (вождь, старший) – имеется в той или иной форме во всех полинезийских языках. Термины же низшего достоинства значительно варьируются. Таким образом, усложнение и дифференциация социальной структуры были продуктом региональной адаптации. Статус же вождя, вероятнее всего, был следствием изначальной важности позиции лидера при организации морских переходов на дальние расстояния, и, возможно, был привнесен в Полинезию колонистами извне на самых ранних этапах освоения Полинезии на рубеже II-I тысячелетий до н.э.

Чаще всего первых насельников Полинезии соотносят с керамической традицией «лапита» Керамика лапита типологически близка тайваньской, однако не имеет прямых аналогий в Юго-Восточной Азии [Blust 1999]. Её присутствие бесспорно для Западной части Полинезии – Тонга, Самоа (тогда как для Маркизских островов сомнительно). В конце I тыс. до н.э. население Западной Полинезии внезапно отказывается от использования керамики (несмотря на наличие сырья). Вероятно, с этого момента следует вести отсчет истории уже собственно полинезийцев.

Роль и функции вождей в обществе были различными в разных временных и пространственных локусах Полинезии. Основные типологические отличия в социальной структуре наблюдались между так называемыми «низкими» (атоллы) и «высокими» (вулканические) островами. Первые, как кажется, достигали лишь уровня простых вожеств. Нехватка всех видов ресурсов не позволяла там развиваться политэкономии, при которой вожди обособлялись бы в сравнительно замкнутую правящую эндогамную группу (не образовывался т.н. «верхушечный рэмидж»). На «высоких» островах вожди со временем монополизировали право распоряжения системами интенсивного производящего хозяйства (запруды, богарные и орошаемые поля и др.) и смогли занять ключевое положение в системе редистрибуции ресурсов, а, значит, и в общественной иерархии. Среди всех высоких островов выделяется Новая Зеландия, где стратификация была сравнительно небольшой. Причиной этого

было относительно позднее заселение (1000-1200 гг. н.э.), большой размер территории и сравнительно низкая плотность населения. С прекращением миграций на большие расстояния (около 1300 г.) на «высоких» островах активизируется процесс образования сложных вожеств (максимально возможный уровень был достигнут на Гавайях – см. Earle 1997).

М. Салинз в своё время указывал на существование двух основных типов родственных (десцентных) объединений на вулканических островах Полинезии, которые «равным образом интегрируются в политические институты различной формы» – рэмиджей и «усечённых десцентных линий» [Sahlins 1957]. Базовой характеристикой рэмиджа является его экстерриториальность. Такая структура может охватывать собой часть острова, целый остров или даже группу островов, оставаясь при этом одной таксономической единицей. Сегменты рэмиджа (отдельные домохозяйства) образовывали различные рекомбинации в зависимости от экологических или экономических факторов. Так что один или несколько максимальных рэмиджей становились готовой формой для образования отдельной политической единицы. На базе ранговой иерархии формировался прообраз «штаба управления», где верховный вождь оказывался на его вершине, а главы сегментов максимального рэмиджа становились правителями «на местах». Так из родственных объединений вырастали объединения политические. Вопрос самостоятельного достижения полинезийскими обществами государственного уровня остается открытым. Проблема дефиниции таких структур связана с телеологией исследователя и презумпцией превосходства государства перед другими формами политической интеграции.

В Полинезии очень рано возникла и хозяйственная специализация районов. Лучшая тапа (материя из луба) производилась на Гавайях; лучшие корзины – на Тонга (здесь же в Муа на о. Тонгатапу обнаружены уникальные для Полинезии сооружения – ступенчатые пирамиды *ланги*); лучшими зодчими были маорийцы; рапануйцы, чья культура чаще всего привлекает к себе внимание из-за трагичности ее судьбы, знали начатки письменности (попытки дешифровать письменность рапануйцев предпринимались такими выдающимися российскими учеными как Ю.В. Кнорозов, И.К. Федорова и др. Сегодня эту работу продолжает А.И. Давлетшин); самоанцы являлись превосходными навигаторами и т.д.

Интересны не только причины роста и развития данных обществ, но и их упадка. Ряд территорий обезлюдел еще до прихода европейцев ввиду стихийных и иных причин. Основная же масса полинезийских обществ испытала негативное влияние контакта с европейцами (гав. *хаоле*). В области политогенеза с их приходом резко ускорился процесс образования туземных государств. Те общества, где секуляризация власти прошла на основе местной ТПК (традиционной политической культуры) до прихода европейцев (Тонга) смогли сохранить свой суверенитет вплоть до наших дней, даже вопреки

длительной колониальной зависимости. Там же, где процесс построения государства был связан со сломом традиционной идеологии в ходе т.н. культурных революций независимое развитие прекратилось (Таити, Гавайи) [Латушко 2006].

Дальнейшее изучение причин расцвета и упадка полинезийских обществ позволит лучше понять адаптивный потенциал культуры и природу цивилизационной динамики, при этом наиболее плодотворны будут совместные усилия представителей разных научных дисциплин (археологов, лингвистов, историков, этнографов и др.).

Е. С. Острирова

Социо-политическое развитие вождеств северной Колумбии

Карибское побережье северной Колумбии и часть горного массива Сьерра-Невада-де Санта-Марта является зоной археологической культуры Тайрона. Это одна из крупнейших доиспанских культур Южной Америки, известная преимущественно по раннеколониальным источникам.

Сам термин «Тайрона» довольно долго вызывал споры среди археологов и антропологов. Он впервые появился в работе испанского хрониста Антонио де Эррера. Это название на самом деле восходит к самоназванию племени тайро бассейна реки Дон Диего, так как и сама эта местность часто называлась в испанских документах Долина Тайрона (Valle de Tairona). Теперь же под этим названием обычно объединяют индейские культуры западных и северных склонов Сьерра-Невады, а так же прилегающей к ним прибрежной полосы. Так как исследуемый регион и до прихода завоевателей был зоной постоянных межкультурных контактов, то четкое выделение характеристик и территориальных границ культуры Тайрона представляется проблематичным.

Интерес к социально-политической организации и развитию культуры Тайрона вызван увеличением за последние десятилетия базы археологических источников и всё новыми данными раскопок в регионе. Последние археологические проекты направлены на изучение крупнейших поселений Тайрона (Ciudad Perdida, Ciudad Antigua, Posigüieca, Frontera) и подвластных им территорий, а также анализ поселенческой иерархии. В данной работе мы коснемся вопросов оценки степени интеграции поселенческих систем с целью определить уровень централизации и возможной монополии на административные функции в самых крупных поселенческих центрах региона.

Ли Шуан

Китайская храмовая архитектура

Архитектура является одним из важных видов материальной культуры. Она создаёт материально организованную среду, необходимую людям для их жизни

и деятельности, в соответствии с современными техническими возможностями и эстетическими воззрениями общества. Изначально архитектура удовлетворяла основную потребность человека – защищать себя от ветров и дождей, от холода и жара. Она служит первой защитой, созданной человеком для того, чтобы противодействовать жестоким силам природы.

С развитием техники и прогрессом общества, у архитектуры появились не только практические утилитарные цели, но и художественные – создание архитектурных образов, выражающих определённое идейно-художественное содержание. Например, в древности дворец был символом власти. А сейчас при социализме архитектура максимально полно удовлетворяет как материальные, так и духовные потребности всех слоев общества.

У архитектуры древняя история и особое место в искусстве. Энгельс полагал, что уже в конце первобытного общества появляются зародыши архитектуры как искусства. Архитектура является зеркалом эпохи, она отражает потребность определенной нации в специфическом искусственном языке. В своем развитии она непременно выражает материальную и духовную стороны цивилизации. Поэтому архитектура в числе прочего играет важную идеологическую роль, являясь образным воплощением социальных, философских, религиозных и художественных представлений людей. Архитектуру называют «застывшей музыкой», «геометрической картиной» ввиду больших форм, четырёхмерных объемов, выражения вечности времени и т.д. Архитектура важная часть культуры, а соборы всегда олицетворяли собой центры культурной деятельности, поэтому их изучение может помочь нам лучше понять историю и идеи людей того времени.

Буддизм является единственной мировой религией, получившей широкое распространение в Китае. Как и даосизм, китайский буддизм занял своё место в гигантской системе религиозного синкретизма, которая сложилась в средневековом Китае во главе с конфуцианством. Поэтому если хочешь понять китайскую культуру, необходимо понимать буддизм. Буддизм просуществовал в Китае почти два тысячелетия. Он стал проникать в Китай на рубеже н.э. Первыми распространителями буддизма были купцы, приходившие в Китай по Великому шёлковому пути. Буддизм в процессе приспособления к китайской цивилизации сильно изменился. Однако он оказал огромное воздействие на традиционную китайскую культуру, что наиболее наглядно проявилось в искусстве, литературе и особенно в архитектуре. Буддийские монастыри столетиями были одними из главных центров китайской культуры. Здесь проводили своё время, искали вдохновения и творили поколения поэтов, художников, учёных и философов.

В Китае дворцы и храмы обычно строились по единому образцу, восходившему к композиционным принципам семейной усадьбы. Ведь храм – это дом бога, а все китайские боги когда-то были людьми. Храмы в Китае представляли собой ряд стоявших перпендикулярно главной оси усадьбы

зданий, среди которых последнее, наиболее удалённое от входа строение, обычно считалось главным. Отдельные ряды канцелярий-храмов нередко разграничивались внутренними стенами. В пространстве храма или управы имелись боковые композиционные оси, представленные второстепенными алтарями или подсобными помещениями. Перед входом в храм стояла большая курильница, по обе стороны от центральной дорожки-стелы с памятными надписями – каменные или железные статуи храмовых прислужников, фигуры мифических животных.

Здесь я хочу рассказать о Храме Белой Лошади, который является первым буддийским храмом в Китае. Согласно легенде, в 67 г. н.э., во время правления императора Мин-ди династии Восточная Хань, два индийских монаха – Шэ Мотэн и Чжу Фалань – привезли в Лоян на белой лошади буддийские сутры из далекого западного края. Они и помогли возвести этот храм. Храм Белой Лошади занимает 57216 кв.м. и включает более 100 пагод. Главные залы расположены вдоль центральной линии с юга на север – Зал Небесных Королей, Зал Великого Будды, Зал Махавира, Зал Совета и Площадка Будды Пилу.

Зал Небесных Королей. Этот зал является входом в храм. Основная статуя в этом зале – статуя Будды Майтрея в одежде монаха с сумкой (он же Смеющийся Будда). В задней части храма стоит Будда Сканды или, как его зовут в Китае, Вейтуо. По левую и правую стороны установлены статуи четырех Королей Неба, каждый из которых оберегает одну из четырех сторон света.

Зал Великого Будды. Этот зал длиной 22,6 метров, шириной 16,3 метров. В центре главного зала Великого Будды есть большая статуя Будды Шакьямуни в окружении своих учеников – Джайвэ и Ананды, по бокам стоят бодхисатва Манджушри – бодхисатва мудрости и Самантабhadра – Будда Дхармакайн (абсолютное проявление духовной сущности, сущность мироздания, постижимая только посредством высшего просветления), Будда измерения пустотной природы ума. В юго-восточном углу зала висит отлитый из чугуна колокол весом 5,525 фунтов (2,407 кг), высотой 1,65 метров, относящийся к династии Мин. На колоколе вырезают надписи: 'fengtiao yushun', что означает хороший климат. Говорят, что во время прохладных ночей и рассветов, звук колокола слышен на десятки километров вокруг, и большой колокол, который висит в восточной части комплекса в башне с часами, мог резонировать с ним. Поэтому звук колокола Храма считается одним из восьми достопримечательностей Лояна.

Зал Махавира. За залом Великого Будды находится зал Махавира – самый значительный зал в храме, где Будда Шакьямуни, Будда Амитабха и Будда Исцелитель окружены 18 Архатами в различных позах и выражениях. Эти статуи драгоценны, так как они были созданы искусными мастерами с использованием шелка и конопли во времена династии Юань (1271-1368 гг.), а также потому, что они являются единственным собором в Китае, который сохранился до наших дней.

Зал Правителя. После зала Махавира шел зал правителя, что есть редкость для китайских храмов. Он является самым маленьким в этом соборе. В центре зала сидит Будда Шакьямуни, в окружении его бодхисатвы Авалокитешвара и Махастхамапрапта – являющий собой силу мудрости.

Зал Будды Пилу был построен в эпоху династии Тан (618-907 гг. н.э.) и перестроен во времена династий Юань (1279-1368 гг.), Мин (1368-1644 гг.) и династии Цин (1644-1911 гг.). В боковых рядах зала Пилу находятся два зала – Шэ Мотэна и Чжоу Фоланя, где расположены статуи, воздвигнутые в их честь. А в юго-восточных и юго-западных углах Храма Белой Лошади есть их могилы.

Приблизительно в 220 ярдах (102 м) к юго-востоку от Храма находится башня Ци Юнь. Первоначально на ее месте была деревянная постройка, на которой был вырезан текст сутр. Однако она сгорела в конце правления династии Северная Сун (960-1127 гг.). Появившаяся на ее месте каменная пагода имеет высоту башни 25 метров с 13 рядами кирпичной кладки. На сегодняшний день в храме действует монастырь, везде ходят монахи в оранжевых одеяниях. Они все охотно принимают гостей и туристов со всего мира, рассказывая об истории создания храма и двух буддистских монахах, которые привезли надежду и веру в древнюю Поднебесную.

А. А. Черепова

Трансформация традиционных культурных кодов на примере Китая и Японии

Любая культура имеет свои специфические знаки, символы, особенности, свойственные только ей и отличающие её от любой другой культуры. Каждая система знаков имеет свой способ представления реального предмета в зашифрованную, или закодированную форму.

«Код культуры – это макросистема характеристик объектов картины мира, объединённых общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую, носитель культуры категоризирует, структурирует и оценивает окружающий и свой внутренний миры» [Красных 2002: 232].

Культурные коды формируются постепенно, в течение длительных периодов истории и только в процессе жизнедеятельности всего народа, населения конкретных стран. В связи с этим многие исследователи считают, что сформировавшиеся культурные коды являются константой – если они разрушаются, то культура необратимо меняется или исчезает. Наиболее масштабные устойчивые структуры кодифицируются в специальных нормах, символах, церемониях, которые общество строго контролирует (например: народные и государственные праздники, религиозные обряды и т. п.).

«Коды – это некая несущая конструкция, которая позволяет всему «зданию культуры» конкретного этноса сохранять прочность в течение длительного периода времени, а её носителям (представителям разных поколений) глубоко

осознавать свою неразрывность с родной культурой, поддерживать чувство этнокультурной идентичности» [Аванесова, Купцова 2008: 40]. В кодах культуры «зашифровано» отношение человека к явлениям, событиям, нормам и предметам культурного пространства. Вступая в контакт с иной («чужой») культурой человек неосознанно оценивает её в кодах своей культуры, таким образом, особенности чужой культуры могут быть неадекватно интерпретированы, либо не понятны, либо вовсе не замечены в силу её специфичности.

Среди огромного разнообразия кодируемых элементов культуры наиболее интересным, на наш взгляд, является цвет. С древнейших времен была замечена способность цвета воздействовать на эмоции и физиологические функции человека. Об этом говорят археологические и этнографические данные о ритуальной и военной раскраске древних и примитивных народов; об этом свидетельствуют также мифология и фольклор всего мира. Цвета воздействуют на всех людей по-разному в зависимости от социальной и национальной принадлежности или от условий, в которых воспринимается цвет. С давних времен в культуре всех народов начала складываться определенная гамма любимых цветов. Национальные цвета исторически объяснимы и традиционны, они соответствуют характеру и темпераменту народа, окружающей его природе.

От окружающей природы, темперамента народа, обычаев и традиций, эстетических норм и религиозных воззрений зависело распространение того или иного цвета в костюме и предметах быта, в произведениях искусства. Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается у восточных народов. Например, в Китае символика цветов была строго канонизирована.

Еще в древности в Китае была определена символичность разного цвета в соответствии с теорией о пяти первоэлементах. Пять первоэлементов – это вода, огонь, дерево, металл и земля, чему соответствует цвет: черный, красный, сине-зеленый, белый и желтый. Древние китайцы считали, что пять первоэлементов – это источник всего в природе.

Китайская традиция считает пять цветов: черный, красный, сине-голубой, белый и желтый образцовыми. В Книге Перемен черный цвет считается цветом Небес. Выражение «Небеса и Земля таинственного черного цвета» уходит корнями в древние верования, для которых цвет неба был загадочным черным цветом. Они верили, что Тянь Ди (Небесный император) пребывает на Северной звезде. Как следствие, для древних китайцев черный цвет был царем всех цветов.

В теории о пяти первоэлементах белый цвет соотносится с золотом. Это говорит о том, что китайцы в древние времена почитали белый цвет как символ чистоты. Это ставит его в разряд цветов, отражающих природу чистоты, сияния и полноты. Желтый цвет – это цвет земли, символизирует центр. В Китае есть выражение «Желтый цвет порождает Инь и Ян», подтверждающее, что желтый цвет – главный среди всех остальных. Желтый цвет – это праведный цвет,

определенный в самый центр, поэтому он нейтрален. Стоящий над коричневым, он отмечается как самый красивый. Сине-зеленый цвет символизирует весну, время, когда все наполнено силой и жизненностью. Красный цвет символизирует для китайцев удачу и радость. Это цвет особенно почитался при династии Чжоу.

Традиционная китайская живопись использовала самую богатую цветовую гамму. Стиль придворной живописи часто зависел от цвета краски, которую изготавливали из различных минералов. Эти цвета назывались: ши цин (лазуритовый), ши лу (зеленый минерал), сы хуан (желтый минерал), чжу ша (киноварь), янь чжи (кошениль), цянь фен (свинцовый порошок), и ни цзинь (золотистая краска). Эти великолепные цвета обладают лучистостью. Древние китайцы были искусными мастерами по получению красок из минералов и растений.

Начиная с династии Цинь, цвет постепенно приобретает декоративную функцию. После династии Хань желтый цвет становится императорским, символизируя придворную жизнь, а своим сверканием и игрой светотени напоминая золото. Простые люди не имели права носить желтое платье. Через все династии проходит традиция, предписывающая людям разного ранга иметь одежду разного цвета.

В китайской традиции культура использования цвета также очень богата. Желтый цвет принадлежал императорам. Императорские дворцы, алтари, храмы часто были окрашены в желтый цвет. Желтый цвет также олицетворял свободу от людских забот и тревог. Этот цвет также был уважаем в буддизме. Одежды монахов и храмы окрашены в желтые цвета.

Красный цвет очень любим китайцами. Он обязателен при встрече Нового года, на празднествах, собраниях. Пурпурный цвет указывает на добрые предзнаменования и соответствует торжествам. Цвет траура – белый. Плакивая умерших, древние китайцы одевали белые одежды. Эта традиция сохранилась до наших дней.

Очевидно, что в китайской культуре взаимосвязь цвета и ремесла, цвета и искусства, цвета и поэзии, красок и обрядов была неразрывной и очень сильной. После захвата власти компартией, особенно после мрачных времён «Культурной революции», красный цвет начал ассоциироваться с цветом крови, насилия, грубых действий и опасности [Сидихменов 1990: 63].

В Японии сосуществовало несколько цветовых канонов, закрепленных разными религиями. Там так же всегда присутствовало стремление к тонкому восприятию цвета, но не к рациональному, а к субъективному, личностно-интимному. Тенденция к подобному восприятию цвета у японцев не нарушала привнесенное ими и освященное религиозным культом отношение к цвету. Внимание и любовь к цвету отражают их чуткое и чрезвычайно тонкое чувство природы.

В Японии черный цвет - это цвет радости. Не зря матери надевают на свадьбу своих детей строгие черные кимоно с вытканными на них птицами или цветами. Белый - божественный цвет, символ света, чистоты и истины. Белыми одеждами умершего посвящали в новую жизнь. Желтый цвет - цвет золота, символ солнца и божественной власти. Сине-голубой - цвет неба и моря, символ высоты и глубины. Это - постоянство, преданность, правосудие, совершенство и мир. Зеленый часто символизирует непрерывность и бессмертие (например, "вечнозеленый"). Магия цвета проявилась в поверье, что красный цвет спасает от злых сил, болезней, бед и несчастий, символизирует любовь. Красный цвет символизирует кровь, огонь, гнев, войну, революцию, силу и мужество. Кроме того, красный цвет - цвет жизни [Главева 2003: 264].

Таким образом, на протяжении истории каждому цвету придавалось определенное значение. В современных условиях цвета продолжают играть огромную роль в жизни того или иного общества. Они служат невербальным источником информации о настроении человека, его положении в обществе, религиозных предпочтениях, характере проводимого им мероприятия и т.д. Внимательное изучение культурных кодов, а в частности символики цвета, играет важную роль в межкультурном общении.

Гуань Минчжу

Категория «культура» в российской и китайской традиции

Понятие культуры в российской и китайской традиции. Многозначность понимания термина культуры обусловлена многообразием реальных форм ее существования, которые в различные времена и у разных народов облекались в самобытные языковые конструкции. Содержание культуры как феномена, порожденного человеком, проявляется в конкретных цивилизационных формах. «На смену культуре приходит цивилизация» (Шпенглер).

Мы будем исходить из следующих определений: цивилизация – это социальная форма организации и упорядоченности мира; в свою очередь, культура есть составная часть цивилизации и форма ее проявления. Отсюда следует прагматическая направленность цивилизационных процессов. Это же соотношение культуры и цивилизации позволяет обнаружить следующие функции культуры:

- ☐ гуманистическая и эстетико-художественная природа культуры, ее амортизирующее и фильтрующее по отношению к цивилизационным процессам свойство;
- ☐ аккумулирующая функция культуры – человеческая память;
- ☐ компенсаторная и коммуникативная функции культуры;
- ☐ ценностные отношения в культуре;
- ☐ культура репродуцирующая и преобразующая.

В Китае на протяжении двух тысяч лет феодального общества укоренилось и доминировало конфуцианство, что не могло пройти бесследно для китайской культуры. Мировоззрение китайцев всегда было направлено на самоуничтожение, китайцы вслед за Конфуцием, считали необходимым воздерживаться от чрезмерных самовыражений. Одно из основных требований такого мировоззрения – общаться с людьми необходимо доброжелательно, основная линия поведения – праведность, приличие, мудрость и доверие, выступающие как нравственные понятия, которыми необходимо руководствоваться каждому человеку в своем поведении. Поэтому основной характеристикой китайской культуры следует считать запрет превосходства личных интересов над общественными.

Существует множество других отличий китайской культуры от западной, детерминированных разными причинами социокультурного характера. А между тем, такие культурные различия служат препятствиями на пути межкультурного общения. Процесс модернизации запускает в обращение духовные и материальные блага, являющиеся следствиями наблюдаемого процесса глобализации. Все нации и культуры начинают жить в общей «глобальной деревне».

Основные теоретические концепции культуры повседневности. Повседневность – это не только «накатанное» существование, повторяющее стереотипные ритуалы, но также и потрясения, разочарования, страсти. Они существуют именно в повседневном мире. Смерть, стыд, страх, любовь, поиск смысла, будучи важнейшими экзистенциальными проблемами, являются также проблемами существования личности. Очевидно, что невозможно постигнуть человека только умозрительно, вырвав его из контекста повседневной жизни, лишив его земной опоры.

Сегодня в гуманитарной науке накоплен значительный опыт исторических исследований различных реалий повседневной жизни отдельных эпох, регионов, социальных групп, зафиксированных в документальных свидетельствах и артефактах. В своем обыденном значении понятие «повседневность», как правило, имеет такие смысловые контексты как ежедневный, постоянный, обычный, повторяющийся, рядовой, рутинный, привычный и тому подобные свойства будничной домашней или будничной профессиональной жизни, состоящей из повторяющихся изо дня в день событий. В любом случае повседневность – это не быт в чистом виде, а бытие в быте и быт в бытии плюс сопровождающие эти культурные срезы переживания. В общем случае – это воздух, еда, одежда, дом, общение с внешним миром.

Представления о повседневной жизни в период Античности и Средневековья носили преимущественно мифологическую и религиозную окраску. В настоящее время феномен повседневности изучается рядом гуманитарных наук: социологией, антропологией, философией, культурологией. Сам термин «повседневность» появляется в эпоху Нового времени, благодаря М. Монтеню,

который им обозначает заурядные, стандартные, удобные для человека моменты существования, повторяющиеся в каждый миг житейского спектакля.

Повседневность – область социальной реальности, целостный социокультурный жизненный мир, предстающий «естественным», самоочевидным условием жизни человека. Современное понимание повседневности основано на идеях феноменологической социологии А. Щюца, в центре внимания исследований повседневности оказывается анализ самоочевидностей сознания, схем типизации объектов социального мира, рутинных форм социальной практики. Повседневное – это сфера человеческого опыта, характеризующаяся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающей на основе трудовой деятельности.

К фактам культуры относятся также произведения языка, отобранные и хранимые специально. Рассмотрим эволюцию их форм в истории.

В коммуникативных актах, сопровождающих ситуации социального взаимодействия, возникают речевые модели, адекватные конкретным ситуациям. В повседневной жизни можно выделить, по крайней мере, 4 класса знаков, олицетворяющих:

- а) цельные предметы (архитектура дома, дизайн утвари, костюм);
- б) управление действиями людей (меры, ориентиры, команды);
- в) знаки прогностики (приметы, гадания, знамения);
- г) знаки искусств (музыка, хореография, изобразительные искусства).

Основные характеристики пространства жизнедеятельности русского человека. Жизненный мир русского человека воспринимается китайскими студентами (впрочем, как и жизненный мир китайцев воспринимается русскими студентами) через традиционный быт. В процессе изучения русского языка китайскими студентами формируются их первые представления о пространстве повседневности русского человека.

Быт – это жизненная форма, которая заимствует свои проявления от прошлого. Быт проявляется в питании, одежде, жилище, браке, рождаемости, похоронах, празднике, увеселениях, церемониях, производстве, табу и т.д. Быт – главный компонент, один из признаков, отличающих одну национальность от другой. Природные условия, уровень производительных сил, способ производства, важные исторические события и важные люди – все это влияет на фактор образования быта. Быт, как подчеркивают китайские исследователи, характеризуют следующие признаки:

□ **устойчивость.** Быт обладает глубокими национальными и историческими источниками, а также природным источником. Поэтому пока существуют нация и общество, история и природный источник, быт будет существовать, подвергаясь незначительным естественным изменениям;

□ **массовость и общественность.** Быт передается из поколения в поколение, проникает во все щели и углы, во все стороны общественной жизни;

- национальность и чувствительность. Быт отражает жизненную форму, историю и культурную традицию, психологическое и эмоциональное состояния;
- местность. Быт тесно привязан к месту и отражает различия, проявляющиеся между разными народами в разных регионах Земли.

Вместе с тем, кросс-культурное взаимодействие, возникающее в такой коммуникации, очень ярко высвечивает определенные проблемы, уже встающие не перед китайским студентом, изучающим русский язык, а перед самим преподавателем русского языка. Прежде всего, чтобы передать все лексические значения и нюансы иноязычной (для китайских студентов) лексики, преподаватель русского языка должен очень хорошо знать собственные культурные традиции. Кроме того, русский язык, как и любой живой язык, развивается и способен отразить не только прошлое, но и настоящее состояние национальной культуры.

Обучение китайских студентов в России начинается с изучения русского языка. При этом наблюдается определенная символизация в процессе межкультурной коммуникации, возникающая при изучении русского языка китайскими студентами в российских вузах. Символами становятся элементы культуры русского народа, а их идентификаторами («метками») – соответствующие слова русского языка. Соответственно, сами символические элементы русской культуры являются непосредственными идентификаторами русского народа. Данный феномен отражает социально-культурный механизм национального отождествления другого народа (идентификация Другого) и поэтому является гораздо сложнее оппозиции «денотат – имя (знак)».

Т. В. Краюшкина

Питание переселенцев из Новосибирской области в Приморском крае в 1980 –2010 гг.

Проблема питания – один из аспектов этнографии. К изучению этого вопроса относится ряд следующих задач: что входило в обыденный и праздничный рацион, какие продукты и почему преобладали на столе, какие предпочтения были в питании у разных социальных и возрастных категорий, а также у представителей различных этносов. Одна из важных задач – выявление специфики питания переселенцев, например, русских, переехавших в Приморский край из Новосибирской области.

Переселенцы продолжали готовить первые блюда, традиционные и в Новосибирской области: борщи, щи, рассольники. Безусловно, в 1980-1990 гг. в рационе сохранялось любимое сибирское блюдо – пельмени. Как и на родине, их заготавливали впрок, хранили в морозильной камере. В 1980-гг., если их зимой лепили очень много, то вывешивали в мешках за окно. В конце 1990-х гг., когда на прилавках магазинов появилось разнообразие готовых пельменей, предпочтение стало отдаваться им. Хотя до сих пор в семьях к некоторым

праздникам (например, к Новому году) соблюдается традиция изготовления домашних пельменей.

Еще одно традиционное сибирское блюдо – соленое сало. Им закусывают борщ и щи, просто едят с хлебом или с отварным картофелем. Переселенцы предпочитают заготавливать сало сами, при возможности привозят его из Сибири. Покупное сало, считается, не такое вкусное, как домашнее, сибирское, поэтому его почти не приобретали в 80-е гг. и не покупают сейчас. Сало солят с чесноком, с черным горошком и с лавровым листом. В 1990- гг., когда в России были проблемы с продуктами питания, свежее сало привозили даже из Китая, как отмечает одна из информанток.

В настоящее время сохраняется традиция выпечки крытых несладких пирогов. В Новосибирской области их начиняли картофелем, квашеной капустой, луком и салом, в Приморье хозяйки стали добавлять в начинку мясо. Именно здесь, вдалеке от родины, эта разновидность крытых пирогов стала именоваться «сибирским» пирогом. Продолжают печь и сладкие пироги. Но если в Новосибирской области их начиняли преимущественно заготовленной впрок полевой клубникой, то в Приморском крае как начинку употребляют садовые ягоды с сахаром (клубнику, абрикос, в том числе и замороженные на зиму), мелко нарезанные подслащенные яблоки или смородиновое, клубничное, абрикосовое варенье. Одним из любимых видов сдобы переселенцев из Новосибирской области являются шаньги. В Сибири их делали с двумя начинками: из несладкого творога с зеленым луком и из толченого картофеля с большим количеством домашних яиц, сливочного масла и молока. В Приморье начинка шанег была немного изменена: хозяйки начали печь шанежки со сладким творогом, иногда добавляя в него изюм. Этот вид выпечки стал любимым блюдом в рационе детей. По словам информантки, «сибирский» пирог и шаньги напоминают о Новосибирской области, а изготовление традиционных сибирских блюд помогает сохранить память о родине, передать ее детям.

Изменились и начинки для блинов. Если в Новосибирской области их преимущественно ели с растопленным сливочным маслом и со сметаной, то в Приморском крае они стали разнообразнее. Теперь блины начиняют красной икрой и красной соленой рыбой, творогом и рисом с мясом или с печенью. Макают блины в сладкое: в сгущенное молоко, в варенье или в мед, что не очень популярно в Новосибирской области.

В Приморье переселенцы освоили и ряд традиционных для нашего региона блюд. К этим блюдам можно отнести рыбу. Информанты отмечают, что ее стало в рационе существенно больше, чем в Новосибирской области. На родине была в продаже камбала, мойва, минтай, летом в водоемах ловили карасей и щучек. Здесь, в Приморском крае, в меню появилась разнообразная красная рыба, сельдь, навага, корюшка, красноперка. Причина этого, по мнению одной из информанток, кроется в следующем: морская рыба вкуснее речной, поэтому ее и стали есть больше. В Приморье стали чаще варить уху и жарить рыбу. Одним из

любимых вторых блюд стала сельдь в собственном соку, припущенная с луком и картофелем. В холодное время года рыбу морозили впрок. Кроме того, научились заготавливать рыбу и иными способами: ее стали солить и сушить. Как правило, засаливали по несколько десятков сельдей собственного улова. Рыбу хранили в металлической посуде на балконах и лоджиях. Красную рыбу впрок не солили: ее готовили по одной рыбине, съедали в течение недели, потом, по мере необходимости, засаливали снова. В Приморском крае переселенцы научились солить красную икру. Сушили корюшку, мелкую камбалу собственного улова. Эта рыба служила гостинцем для родственников, живущих в Сибири. В рационе переселенцев стало меньше мяса. Как рассказывала одна из информанток, в Сибири мясо ели на завтрак, на обед и на ужин. Здесь, в Приморье, мясо стали употреблять в пищу один-два раза в день, потому что его отчасти заменила рыба. На столе переселенцев появилось еще одно блюдо – ламинария. Ее полуфабрикаты покупали в магазинах или же сами заготавливали летом на море.

Особо следует отметить блюда, которые научили готовить вне дома, в туристических походах. Летом ловили рыбу, чаще всего красноперку, ее отваривали, а также готовили из нее тройную уху. В рацион переселенцев из Новосибирской области вошли неизвестные прежде морепродукты. Здесь, в Приморском крае, они научились употреблять в пищу свежий гребешок с соком лимона, икру морского ежа, запекать мидию на углях, варить крабов, жарить гребешок на сливочном масле.

На родине переселенцы солили грузди, сушили и мариновали разные виды грибов. В Приморье в рацион вошли неизвестные в Новосибирской области грибы: ильмаки, козьи рожки, царский гриб, каждый из которых готовится по-особенному.

Еще одной важной составляющей в новом рационе переселенцев из Новосибирской области стали корейские салаты, весьма популярные в Приморье. Раньше, на родине, популярным салатом был винегрет, на столе постоянно были домашние соленья. В Приморском крае в рацион переселенцев вошли морковь по-корейски, папоротник по-корейски, соевое мясо по-корейски, капуста по-корейски. Отличительная черта этих блюд – острота: в них используется много красного перца и чеснока. Для папоротника по-корейски специально заготавливали впрок папоротник, как правило, с ведро. Салаты по-корейски чаще ели зимой, когда не было свежих овощей.

Новым стало использование растущих в Приморье дикоросов. Лимонник и шиповник добавляли в компоты для детей. Обязательно покупали на зиму липовый мед, которого в Сибири не было. Ягоду в Приморском крае уже не сушили, здесь ее стали замораживать или, чаще, варить разные виды варений. Самым любимым является смородиновое желеобразное варенье, а также варенья из малины, клубники. Хозяйки научились варить варенье из абрикосов и садовой жимолости. Сушеные ягоды везли из Сибири. В основном это была

полевая клубника и черемуха. В Новосибирской области пироги с молотой черемухой – одно из любимых блюд. Здесь, в Приморье, нет такого обилия черемухи, поэтому пироги с этой ягодой не пекут. Привезенную сушеную черемуху применяют, как правило, в лечебных целях. Для лечения научились использовать ягоды бархатного дерева, элеутерококк, корень валерьяны, эхинацею, маньчжурский орех, вытяжку из трепанга на меду. Как и в Новосибирской области, настаивают на водке сирень для компрессов. А такие травы, как мать-и-мачеху, душицу, предпочитают привозить с родины, потому что считают травы, собранные там, более полезными.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Из традиционного питания переселенцев сохраняются первые и отчасти вторые блюда, выпечка претерпевает изменения. Переселенцы активно включают в свой рацион неизвестные прежде блюда. Хозяйки научились заготавливать незнакомые на родине продукты. Между жителями двух регионов происходит обмен заготовок: что-то везут из Сибири на Дальний Восток, что-то – из Приморья в Новосибирскую область.

Р. В. Гвоздев

Трансформация военной подготовки тунгусо-маньчжуров в физическую культуру и спорт (по материалам середины XIX—XX вв.)

В связи с современными процессами, которые сопровождаются стремлением к возрождению национального самосознания, остро встаёт вопрос изучения культурного потенциала этносов, проживающих на территории одного из важных в геополитическом отношении районов, каким является юг Дальнего Востока России, входящий в обширную природную, историко-этнографическую культурную зону. Духовная культура этого региона переживает период интенсивного развития в связи с усилившейся миграционной активностью этнических групп из многих регионов России и зарубежья. Растёт опасность утраты духовных ценностей коренных малочисленных народов.

Обучение охотничьим и военным знаниям у тунгусо-маньчжуров характеризовалось единством двух компонентов: рационального и иррационального, когда «любая созидательная деятельность санкционировалась не только реальными потребностями, но и ритуалом» [Львова и др. 1997: 113].

Основой военного дела тунгусо-маньчжуров была хозяйственная деятельность. Мужчина, прежде всего, являлся охотником и лишь затем воином. Отсюда тесная взаимосвязь подготовки воина и охотника. Последовательность обучения приемам владения холодным оружием была связана с охотой. Основными орудиями промысла у тунгусов были лук со стрелами, пика и пальма. Сначала осваивалось оружие дальнего боя, только после этого переходили к оружию ближнего боя. Тем не менее, нельзя говорить, что традиционные военные знания ограничивались лишь охотничьими навыками.

Общее между военными действиями и охотой нашло отражение в различных играх и состязаниях народов Сибири и Дальнего Востока. Существовали особые методы воспитания воина: искусство стрельбы из лука и уклонения от стрел, различные виды фехтования как на копьях, так и дуэльных дубинках, борьба. Помимо прикладных навыков и освоения оружия существовали разные виды общей физической подготовки, которая также традиционно считалась частью тренировки богатырей. На это указывают многочисленные фольклорные данные и сохранившиеся до наших дней соревнования по различным национальным видам спорта. Состязания в различных видах воинских дисциплин давали возможность, не прибегая к кровопролитию, выявить самого сильного и ловкого. Согласно взглядам военных антропологов спорт являлся одной из форм выражения войны у некоторых народов [Wright 1942]. На примере национальной борьбы удалось во многом выявить этнокультурные связи различных этносов Сибири и Дальнего Востока с тунгусо-маньчжурами. Впоследствии были сделаны попытки унификации различных стилей для удобства проведения соревнований.

Одним из основных методов обучения как хозяйственным, так и военным навыкам была игра. Даже этимология слов играть и воевать сходна. В ходе игры в простой ненавязчивой форме происходило первоначальное знакомство и освоение базовых знаний. Знания эти имели некоторую региональную специфику и зависели во многом от хозяйственной деятельности этносов. Безусловно, военно-физическая подготовка скотовода-оленевода отличалась от подготовки охотника-рыболова. Успешное занятие хозяйственной деятельностью одновременно делало человека хорошим воином, давая ему навыки, пригодные и для ведения войны. Выносливость, умение отслеживать добычу, преследовать её, метко стрелять делали тунгусо-маньчжур смелым и сильным воином. Герой многочисленных преданий, богатырь выступает не только как воин, но прежде всего как удачливый охотник или пастух.

С середины 1980-х гг. под влиянием моды на боевые искусства Японии, Кореи и Китая в Сибири и на Дальнем Востоке энтузиасты начали возрождать национальные боевые искусства, создавали аналоги восточных систем в национальной интерпретации. Однако сколько-нибудь значительного распространения ни одна из таких систем не получила. В то же время практически все специальные военные навыки оказались либо утрачены, либо трансформировались в национальные виды спорта. Современными отголосками военно-хозяйственного обучения являются спортивные состязания, которые до недавнего времени составляли неотъемлемую часть всех народных обрядовых празднеств. В наши дни они являются одним из видов спортивных развлечений молодёжи. Таким образом, мы видим, что военно-физическая подготовка у тунгусо-маньчжуров и нивхов не утратила своей актуальности.

Историография изучения суеверий

Суеверие, как научный термин и исследовательская категория, прошло III стадии своего развития:

I этап (вт. пол. XIX в. – нач. XX в.). Основные представители: историк К.Д. Кавелин (1818 – 1885), этнографы - В.И. Даль (1801 – 1872), А.Н. Афанасьев (1826 – 1871), В.С. Максимов (1831 – 1901). Ю.В. Гагарин, психологи - Рубинштейн, Выгодский и др.

II этап (1900 – 1990 гг.). Главные исследователи – этнографы: С.А. Токарев, Б.А. Рыбаков, В.А. Мезенцев, Т.Б. Щепанская, А.К. Байбурин, психологи – Б.Г. Ананьев, Г.В. Акопов, Д.Н. Узнадзе, А.А. Скородумов.

III этап (1990-е – нач. XXI в.). Представители – антрополог: А.А. Аверкиев, психологи – А.Ф. Анисимов, Г.В. Акопов, А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь и др. Специалисты по суеверию студенчества – К. Косарева, М. Шишкин, А. Соколова. Философское направление представлено работами Управителя, Ячина.

Впервые на феномен суеверия обратил внимание К.Д. Кавелин. Он считал, что мир народных суеверий скрывается в повседневной жизни людей. Автор говорил о них как о своеобразных обычаях, традициях в контексте естественных условий быта, в них необходимо искать факты реальной жизни, свидетельства всех происходящих процессов. В первобытном обществе суеверие служило способом для регулирования взаимоотношений человека и общества посредством запретов, которые не следовало нарушать. Кавелинское исследование суеверий, таким образом, охватывало исключительно социально-историческую основу жизни народа. Суеверия считались пережитками, остатками прошлого.

Большое внимание уделял поверьям, суевериям, как элементам сверхъестественного в жизни русского народа, В.И. Даль. «Поверьем называем мы вообще всякое укоренившееся в народе мнение или понятие, без разумного отчета в основательности его. Из этого следует, что поверье может быть истинное и ложное; в последнем случае оно называется собственно суеверием или, по новейшему выражению, предрассудком...» [Даль 1994: 5]. А.Н. Афанасьев, рассматривая предпосылки суеверности, затрагивал изучение примет (современных суеверий) как тесную связь человека с природой. «Еще до сих пор в наших областных наречиях и в памятниках устной народной словесности слышится та образность выражений, которая показывает, что слово для простолюдина не всегда есть только знак, указывающий на известное понятие... Приведем примеры: зыбун — неокрепленный грунт земли на болоте, пробежь — проточная вода, леи (от глагола лить) — проливные дожди, сеногной — мелкий, но продолжительный дождь...» [Афанасьев 1995. Т.1: 5]. Таким образом, в качестве сверхъестественных сил выступали природные явления.

С.В. Максимов отмечал, что «в народном сознании глубоко укоренилось верование, что сонмы злых духов неисчислимы. Очень мало на божьем свете таких заповедных святых мест, в которые они не дерзали бы проникать; даже православные храмы не освобождены от их дерзких нашествий» [Максимов 1994: 3]. Это подтверждает, что современный автору мир XIX столетия был пронизан суевериями, нашедшими отражение в повседневной жизни человека, так как человек тесно связан с природой. Однако у Максимова акцент изучения суеверий сместился с исторической, природной основы на социальную сферу, жизнь села.

В XX в. тема суеверий стала ещё более актуальной благодаря работам Токарева (1973), Рыбакова (1981), Мезенцева (1989), Щепанской (2004). С.А. Токарев занимался исследованием традиций и обычаев народностей Восточной Европы, отыскивая в них примеры суеверного восприятия мира. Народные обычаи и обряды – это существенная часть духовной культуры народа, отражающая его мироощущения, в разные периоды исторического развития – полагал ученый [Токарев 1973: 6].

Возникновение суеверия – это всегда потаённая, неизведанная сущность. В.А. Мезенцев полагает, что если человек не знает сути непонятных ему явлений, да к тому же склонен верить в существование сверхъестественных, надприродных сил, то это новое может представиться ему не просто чем-то еще неизвестным, а таинственным, чудом, неподвластным разуму [Мезенцев 1991]. Суеверие – важная часть жизни человека XX в. По сравнению, скажем, с XIX в., исследовательский акцент сместился с изучения сельских суеверий на городские. Сегодня человек всё больше уповает на удачу, надеется на успех, используя разнообразные ритуалы в совершении каких-то важных для него действий.

Исследованию роли и места ритуалов в жизни современного человека посвящены работы А.К. Байбурина (1993). Он полагает, что ритуал как часть культуры, вплетён в жизнь человека, осознанно или неосознанно воспроизводится в деятельности людей. Зачастую человек может и не замечать этого – это проявление коллективности, которая и есть главная черта суеверности, приводящая человека к положительному исходу ситуации (например, у студентов – это ситуация сдачи экзамена). Вполне понятно, что через некоторое время суеверие, развившись, получает своё логическое продолжение через ритуализацию.

Т.Б. Щепанская уделяет внимание суевериям среди молодежи. Она пишет: «Публикации относительно молодёжной культуры появились ещё в 1930-е гг., однако всплеск интереса к этому феномену связан с протестными движениями конца 1950-60-х гг., когда молодёжь была осознана как источник социальных проблем в обществах Запада. К этому периоду относится определение молодёжных движений в терминах «контркультуры» [Щепанская 2004: 27].

На рубеже XX – XXI вв. возникает новый тип мышления и организационной культуры молодежи – суеверие. Специалисты по суеверию студенчества – М. Шишкин (1996), А. Соколова (2003), К. Косарева (2005). Цель работ данных авторов – рассказать о непростой, а подчас и тяжёлой жизни студентов во время обучения в ВУЗе и возникающих в этой связи суевериях.

Цзя Хуэйминь

Культура и обычаи династии Мин

Когда мы говорим о науке и культуре Китая и Европы, то, как правило, многие считают, что европейская наука и культура развивались раньше и быстрее, чем в Китае. Основная причина этого заблуждения – в Китае никогда не наблюдалась эпоха Возрождения, как это происходило в Европе. В истории развития китайской науки можно легко обнаружить и тенденцию расцвета, и тенденцию упадка. Так, до середины XVI в. научная деятельность в Китае все время обгоняла европейскую науку. Начиная с XVI столетия, наблюдается тенденция упадка китайской науки.

Китайская цивилизация – одна из самых древних в мире. По-другому эта цивилизация называется цивилизацией Хуася. Цивилизации Хуася имеет длинную историю и насчитывает почти 5000 лет. В этой многовековой истории Китая нас особенно интересовала эпоха династии Мин (1368-1644). Именно в эту эпоху наблюдались и расцвет, и начало упадка китайской науки и культуры.

Династия Мин господствовала 276 лет, и в течение этого периода было два великих императора: Чжу Юаньчжан (1368-1398, название царствования Хуну, посмертное имя Тайцзу) и Чжу Ди – младший сын Хуну (1403-1425, название царствования Юнлэ, посмертное имя Чэнцзу). В период их царствования страна успешно развивалась, демонстрируя высокие достижения во многих областях. Другие императоры этой династии были либо бездарны, либо прожили короткий срок. Не случайно тенденция упадка начинается именно в период царствования этих императоров [Даннень Минюй. История Мин 2006: 298].

При династии Мин быстро развивалось товарное хозяйство. В начале династии Мин император Чжу Юаньчжан уменьшил налоги. Он также привлек людей к возделыванию новых видов сельскохозяйственных культур, например, таких как табак, томаты, кукуруза и арахис, завезенные в Китай из других стран. В текстильной промышленности появились мануфактуры, в которых имелось более 10 ткацких станков и работали наемные рабочие. При династии Мин увеличилось производство разнообразных товаров. Были созданы коммерческие центры в местах, которые имели удобное сообщение. Появились процветающие города – Пекин, Нанкин, Суджоу, Ханчжоу и Гуанчжоу. Все это свидетельствует о ростках капитализма в средневековом Китае.

Для минского периода истории Китая характерно развитие культуры, обогащенной новыми достижениями. Дальнейшее развитие получила

литература; главным образом издавались обширные исторические труды, появились новые энциклопедии, по своей полноте превосходившие любые издания этого рода в других странах. Обогастилось и китайское искусство, в особенности архитектура. Значительный шаг в своем развитии сделали лакирование и производство тончайшего фарфора.

В Европе произведения китайской культуры получили широкую известность в XVII и особенно в XVIII вв. Миссионеры католических орденов и члены русской православной миссии изучали китайскую культуру, собирая сведения о сельском хозяйстве, ремесле, искусстве, быте населения, переводили труды китайских ученых, писали обо всем узнанном ими в Европу. Книги о Китае, издаваемые на разных языках, вызывали неизменный интерес. Недаром в работах Вольтера и в трудах французских просветителей встречается так много рассуждений об этом великом народе. В России М.В. Ломоносов немало внимания уделял достижениям китайской культуры и выражал желание видеть историю Китая, написанную на русском языке [Татарко].

Научная деятельность эпохи Мин также богата выдающимися достижениями. Например, весьма успешно развивались астрономия и метеорология. В 1383 г. в Нанкине была построена обсерватория, в которой в 1439 г. была установлена армиллярная сфера. В 1900 г. эту обсерваторию ограбили немцы, но в 1921 г. сферу вернули и поставили в Пекине. В 1442 г. в Пекине тоже построили обсерваторию. В 1607 г. Ли Чжицао опубликовал «Растолкование рисунков по армиллярной теории». В 1634 г. в Пекине был установлен астрономический телескоп.

В середине XVI в. были нарисованы «картины Бай Юаньцзэй Саньгуан», на которых было изображено 132 рисунка облаков, связанных с изменениями погоды. Большинство из этих рисунков согласуются с принципами современной метеорологии. В то же время в Европе было опубликовано только 16 рисунков облаков и лишь в 1879 г. В 1450 г. У Цзин сочинил «Энциклопедию математического алгоритма». В 1584 г. Чжу Зэйюй написал сочинение «Люйлюйцзини», в котором упомянул методы извлечения квадратного и кубического корней методом вычисления на счетах. В 1606 г. Сюй Гуанчи и Ли Мадю вместе перевели «Начала» Евклида. В 1637 г. в книге «Теория воздуха и звука» Сон Инцин логично рассуждал о возникновении и распространении звука. Он считал, что звук возникает благодаря сотрясению предметов или быстрому удару воздуха. При этом звук распространяется через воздух и похож на волну воды. В своем труде «Знание физики» Фан Ичжи предложил идею пространства-времени: «В пространстве существует время, во времени существует пространство». В 1406 г. под руководством Юнлэ была написана книга «Пущифан» – самая большая медицинская книга в Китае, в которой было описано 61739 медицинских рецептов. В 1637 г. Сон Инцин в своем труде «Тяньгункэйю» писал о технике плавки. Он считал, что свинец, медь, ртуть и

сера – это основные вещества, а из них возникают другие вещества, которые он назвал дочерними. Здесь мы видим зародыш концепции химических элементов.

Но наибольший интерес представляет путешествие Чжэн Хэ, осуществленное им в 1405-1431 гг. в ходе которого он посетил больше 30 стран. В 1425 г. появились «Карты экспедиции Чжэн Хэ».

Необходимо отметить, что в эпохи, предшествующие династии Мин, кораблестроение и другие науки уже развивались. Так, например, в исторические периоды династий Хань, Суй, Тан, Сун, Юань морские экспедиции уже не были редкостью. Между Китаем и соседними странами наблюдаются политические и экономические сношения, обмен техникой и местными специфическими товарами [Хуан Аньюй 2005]. Но такое значительное путешествие за границу, каким было путешествие Чжэн Хэ, стало возможно только в династию Мин благодаря тому, что в XVI-XVII вв. интерес к технике, естественным и математическим наукам в Китае заметно повысился. В минскую эпоху появляется усовершенствованное водоподъемное колесо для орошения полей, более широко, чем раньше, применяются кузнечные мехи при плавке металла. Без этих и подобных им технологий кораблестроение не могло бы развиваться до таких высот. Экспедиция Чжэн Хэ была небывалой и неповторимой в истории Китая. Было одновременно отправлено более 200 морских кораблей, на борту которых находилось около 28 тыс. человек и значительный груз. Все эти корабли отличались большой грузоподъемностью. Экспедиция Чжэн Хэ превосходила аналогичные европейские морские экспедиции в 7 раз. За свою почти тридцатилетнюю морскую карьеру Чжэн Хэ побывал в южной части Тихого океана, в Индийском океане, Персидском заливе и около берегов Восточной Африки. Значимость его экспедиции заключается в том, что укрепилось влияние Китая в Южных морях, росли китайские колонии, был дан толчок дальнейшему развитию частной торговли с чужезадальными государствами, расширился географический кругозор китайцев, окрепли культурные связи, совершенствовалась техника мореплавания. Эти путешествия остались и в памяти потомков. Недаром в «Истории династии Мин» есть такие слова: «В летописях говорится, что походы тайцзяня Саньбао в Западные моря были самым замечательным событием в начале династии Мин» [Бокщанин, Непомнин 2002].

П. Л. Горбенко

Традиционное и новое в японском культурном коде

1. Культурный код нации представляет собой совокупность ментальных комплексов, имеющих определенную субординацию и выражающих определенные социальные и поведенческие стереотипы. Эти стереотипы выражают некие характерные тенденции поведения масс людей, причем эти тенденции социально дифференцированы. Культурный код можно представить

также как систему ценностных ориентаций, мировоззрений, черт характера, непосредственно детерминирующих закономерности коммуникативного поведения носителей данной культуры – вербального и невербального – и явно в нем проявляющихся.

2. Японский культурный код носит ярко выраженный консервативный характер. Его ярчайшей особенностью является выраженная формализованность коммуникативных ситуаций, алгоритмизация их, опора на прецедент, чья укорененность во времени заранее предопределяет покорное следование освященным традицией примерам. Эта формализованность напрямую связана с иерархичностью как главной составной частью ментальности японского социума. Эта иерархичность проявляется не только в поведении, но и в языке: для каждого уровня (круга) общения существует свой язык, своя лексика, определенная предудказанной традицией степенью проявления эмоций. Иерархия упорядочивает для японца мир, делает его подходящим для жизни. Также составляющими культурного кода японцев, основанными на превалировании традиции, выступают концепция получаемого с момента рождения долга, отношения между полами, механизмы социализации и инкультурации, группизм, подражательность, компромиссность мышления и коммуникации, особая чувствительность к красоте, особое отношение к смерти, особенности кулинарных предпочтений.

3. Процессы модернизации и вестернизации, начавшиеся в Японии после 1945 г., значительно изменили ее культурный код. Главным носителем этих изменений становилось молодое поколение, их вектором было приобщение к нормам, ценностям и стереотипам западной ментальности, американского культурного кода. Эти инновации прошли в своем развитии ряд этапов, сделав во многих отношениях культурный код японцев более понятным и близким западному. Но эти изменения не привнесли существенных изменений в традиционный культурный код, основа которого осталась глубоко самобытной.

О. В. Мишукова

Легенда о Танабата в антологии классической поэзии Японии «Манъёсю»

Для современного литературоведения одной из актуальных проблем является изучение культурного наследия на основе обращения к истокам национальной словесности при анализе развития новых явлений и образов. Источниками для работы послужили памятники японской классической поэзии на русском и японском языках, а также материалы отечественных и зарубежных ученых по истории и теории литературы. Цель данной работы – определить фольклорно-мифологические и обрядовые выражения образов звезд в традиционной японской поэзии.

Еще в древнейших текстах Шань-Инь встречаются иероглифы, символизирующие астрономические объекты – звезды, луну, солнце, планеты,

или стихии – дождь, ветер, землю, реки. Многие легенды и мифы народов связаны со звездами. У египтян расположение звезд и их перемещения были предметом тщательного наблюдения. Сириус - египтяне отождествляли с богиней материнства и плодородия. В древнем календаре восход Сириуса после 70 суток отсутствия на небосводе совпадал с ежегодным разливом Нила, который начинался во время летнего солнцестояния. Еще одна из самых ярких звёзд - Вега издавна привлекала внимание народов Ассирии, Аккадии, Вавилона и Греции, которые наделяли её мифологическими свойствами.

Современные японцы унаследовали внимательное отношение к временам года и климату вообще от своих далеких предков. В основе праздника осени – Танабата в 7-ю ночь 7-го месяца по лунному календарю – лежит миф о любви двух звезд, разлученных Небесной рекой. Под двумя влюбленными звездами подразумевались звезда Вега (Ткачиха) в созвездии Лиры и звезда Альтаир (Волопас) в созвездии Орла, находящиеся на небе друг против друга и разделенные Млечным путем.

У бога Небесного Свода была прекрасная дочь Танабата. Однажды она увидела красивого юношу Волопаса, ведущего быков к реке, и влюбилась. Бог Небесного свода согласился устроить свадьбу. Но к несчастью, Ткачиха и ее муж так любили друг друга, что совершенно забыли обо всем. Тогда от гнева Небесного владыки Небесная река разлилась и разделила супругов. Но, сжалившись, Отец разрешил супругам встречаться в 7-ю ночь седьмого месяца. Согласно легенде, они встречаются каждый год. Когда стоит хорошая погода, звезды приходят друг к другу по мостику. Но если шел дождь, Небесная река разливалась и становилась слишком широкой, тогда сороки не могли соединить ее берега, а влюбленным приходилось ждать новой встречи еще целый год. Этот мифологический сюжет лег в основу праздника Циси (канун седмицы) в Китае и Танабата (седьмой вечер) в Японии. Впервые он отмечался в 755 г. в период Нара при дворе императрицы-регентши Кокэн [Маркарян, Молодякова 1990].

«Осенью эти звезды, излучающие яркий свет, были хорошо видны на ясном ночном небе, и создавалось даже впечатление, что они приближаются друг к другу. Было также замечено, что около звезды Ткачихи мерцают три небольшие звездочки, тоже входящие в созвездие Лиры и образующие треугольник. Они напоминали <...> ткацкий станок, отчего самую яркую звезду созвездия называли Ткачиха. По тому же принципу была названа звезда Волопас, около которой было разбросано несколько небольших звезд, рисующих на ночном небе картину, как юноша ведет на веревке двух волов» [Садокова 2001].

Поклонение ткачеству как ремеслу имело многовековые традиции. Ткани, изготовленная из них одежда считались заменителем оболочки человека,местилищем его души [Ермакова 1995]. В современном японском языке для обозначения звезды Ткачихи употребляется слово «Сёкудзе», что буквально и означает «Ткачиха»; «Цумабоси», «Мэбоси». Однако наиболее древним

названием звезды следует считать «Танабатацумэ», записанное тремя иероглифами, первые два из которых понимаются как «ткацкий станок», а третий – в значении «жена», как она известна по антологии «Манъёсю». Звезда Ткачиха постепенно становится символом женского начала.

Во всех названиях звезды Волопас: «Кэнгю», «Кэнгюсэй», «Оянинайбоси», «Обоси», «Хикобоси» прослеживалось мужское предназначение звезды: работать, кормить, защищать.

Танабата «七夕» - «седьмой вечер», или «棚機» (танабата) - «ткацкий станок», или «種機» (танабата) - «зерно и ткацкий станок» - не просто праздник сельского хозяйства и ткачества. Он символизирует вечную романтическую любовь, верность, рождение новой жизни.

Антология «Манъёсю» («Собрание мириад листьев») была составлена в VIII в. Синтоистское восприятие природы явилось стимулом к формированию эстетики «макото» - принципа правдивого изображения действительности, который лежал в основе антологии. Легенде о Танабата посвящены большие циклы песен поэтов Какиномото Хитомаро (柿本人麿), Яманэ Окура (山上憶良), Отомо Якомоти (大伴家持).

Какиномото Хитомаро

Амэ цути то
Вакарэси токи ю
Оно цума ва
Сика дзо тоси ни ару
Аки мацу варэ ва

С тех пор, как в мире разделились
Между собою небо и земля,
Я осень жду, чтобы моя жена,
Как велено судьбой,
Мне вновь принадлежала!

天地と別れし時ゆ己妻は然ぞ年にある秋待つわれは [Манъёсю]

Супруги разделены, подобно Небу и Земле, с начала времен (на связь с тем далеким временем указывает слово «ю» - «с тех пор») [Бреславец 2004].

Какиномото Хитомаро

Хисаката но
Ама но кавара ни
Нуэдори но
Уранакэмаситэцу
Субэнаки мадэ ни

В извечных небесах, в долине,
Там, где Небесная Река,
Рыдала бедная звезда,
Подобно птице нуэдори,
И, слыша, удивлялся я!

ひさかたの天の河原にぬえ鳥のうら鳴翼けましつ為方 [Манъёсю]

Стихотворение описывает долгое ожидание и невыносимую грусть. В нем использован прием «макура - котоба»: «хисаката но» - «извечное» к слову «амэ» - «небо» и «нуэдори» - птица с печальным громким голосом. Образ реки символизирует вечность.

Мотив близкой, но невозможной встречи часто встречается в стихотворениях Яманэ Окура. Ткачиха так долго ждала Волопаса среди тумана возле реки, что

подол промок («нурэну»), формант старояпонского языка «ну» равнозначен современному «тэ симатта» - показателю совершенности действия (№1528) [Манъёсю1971, 37]. Хотя влюбленные находятся близко друг к другу, соединиться они не могут. Туман, стелющийся над Небесной Рекой, ассоциировался с брызгами от весел ладьи Волопаса: берега так близко, что «табутэ ни мо нагэкосицубэки» - «камень долетит вдаль, брошенный рукою» (№1522), «тикакэдо мо ватарусубэ муси аки ни сиаранэба» - «хоть близок срок <...> но все же переплыть реку надежды нет, доколе осень не настанет» (№1525). Встреча часто невозможна по моральным причинам конфуцианского канона - нельзя нарушить запрет переходить реку. В песне Отомо Якамоти №3900 [Манъёсю 1971, 105] лунная ночь сравнивается с «кристальным зеркалом» - «масокагами» - макура-котоба к слову «киёки» - «чистый». Роса - «сирацу» (№ 4312) [там же: 271] выпала на траву - значит пришло утро и пора расставаться. Встреча так же коротка, как «жизнь» утренней росы. Роса - буддийский символ быстротечности жизни.

В работе рассмотрена трансформация народной легенды о Танабата, образов Ткачихи и Волопаса в поэтической антологии «Манъёсю». Песни глубоко связаны с древними верованиями, бытовым укладом общества. В первой японской поэтической антологии «Манъёсю» получил развитие ритуально-мифологический сюжет о Танабата, сложились важные эстетические принципы любовной лирики и особые поэтические образы и приемы. Вокруг романтической основы о печальной судьбе разлученных звездных супругов, Волопаса и Ткачихи, сформировалась метафорическая система, благодаря чему появилась возможность с помощью полутонов передавать все нюансы чувств и эмоций.

Секция 4. Российский Дальний Восток: безопасность и развитие

А. Е. Савченко

Дальний Восток во второй половине XX – начале XXI вв.: сценарии развития региона и факторы их реализации

Вопреки штампу, что «история не терпит сослагательного наклонения», сравнение того, что «было», с тем, что «могло бы быть» является увлекательным и аналитически продуктивным приёмом, позволяющим выявить соотношение потенциальных возможностей и исторических условий для их реализации. Данный приём тем более актуален для истории Дальнего Востока – огромного российского региона, мощный геополитический и ресурсный потенциал которого резко контрастирует с результатами его развития. Об этом писали представители самых разных отраслей науки: географии, экономики, истории [Маергойз 1974; Чичканов 1988; Ларин 1997; Бакланов 2001]. Пониманию этого противоречия и посвящен представленный доклад.

На временном отрезке длиной примерно в 60 лет – с 1950-х по 2010-е гг., насчитывается, как минимум, 3 развилки (в 1950 – начале 1960-х гг., во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., и с середины 2000-х гг. по настоящее время), когда история Дальнего Востока имела шансы пойти по иной траектории. Все обозначенные выше «развилки» формировались набором региональных и общегосударственных факторов, число которых было постоянно, но вот их относительное значение было изменчиво во времени, что и определяло историческую уникальность каждой из развилки.

Региональные факторы. Первым и наиболее важным из таких факторов, является геополитическое положение СССР/России, как на Дальнем Востоке, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Оно изменялось сквозь все три развилки от более к менее благоприятному значению. Если в 1950-х – начале 1960-х гг. страна могла считаться здесь явным военным и технологическим лидером (не считая США), и была близка к тому, чтобы создать огромную зону «совместного процветания» с Китаем, то к третьей развилке она оказалась в тени других держав, прочно закрепившись в роли сырьевого придатка АТР.

Второй фактор – природно-ресурсный потенциал территории. Дальний Восток не только богат ресурсами, но и имеет прямой выход к огромным рынкам их сбыта. Прежде всего, к Китаю и Японии. Этот фактор стимулировал государственные, а позже и корпоративные вложения в регион (например – развитие зоны Байкало-Амурской магистрали в 1970-1980-е гг., освоения газовых месторождений Сахалина в 1990-е гг.).

Третий фактор также тесно связан с геополитикой и заключается в символическом значении Дальнего Востока. В 1960-е гг. успешное развитие региона должно было символизировать достижения социалистического строя (наиболее яркий пример – проект времён Н.С. Хрущёва – «Большой Владивосток»). В настоящее время, масштабные государственные инвестиции в эту территорию должны, среди прочего, продемонстрировать «подъём России с колен» (интересная параллель 1960-м гг. – развитие Владивостока к саммиту АТЭС 2012 г.) [Савченко 2010].

Общегосударственные факторы. Действие вышеперечисленных факторов, в зависимости от исторического момента, усиливалось или нейтрализовалось двумя общегосударственными факторами.

Во-первых, это экономические возможности страны. Для реализации общепризнанно высокого потенциала Дальнего Востока требуются соразмерные вложения. При дефиците материальных ресурсов, в периоды экономических кризисов регион превращается в «бремя» для государственного бюджета, иногда даже «противостоя» политике экономических реформ – это со всей очевидностью проявилось в 1990-е гг.*

* Так, Президент России Б.Н. Ельцин оценивая путь, пройденный страной под его руководством, указал на Дальний Восток наряду с Крайним Севером как на фактор

Во-вторых, и это едва ли не самый главный фактор всей истории российского Дальнего Востока – демографически потенциал страны, который не только ограничивал возможности заселения огромных восточных пространств, снижал «плотность» экономической активности, но и демонстрировал уязвимость в сравнении с соседним громадным Китаем. Россия, огромной людской массой «нависая» над малыми странами Восточной и Южной Европы, здесь, сама превращается в «малую» страну. Демографический фактор, а точнее, порождаемые им фобии и страхи, придал импульсивность и непоследовательность российской дальневосточной политике – желание предпринимать срочные и крупномасштабные меры, провозглашение амбициозных планов и программ развития «уравновешивалось» демографическими и экономическими возможностями для их реализации.

Наиболее оптимальное соотношение вышеперечисленных факторов сложилось на первой из выделенных нами развилок. Альтернатива состояла в следующем: двинется ли развитие региона по пути экспортоориентированной индустриализации с параллельным обустройством «витрины социализма» или же он останется военной крепостью и сырьевым придатком. Изменение геополитической обстановки не в пользу СССР (прежде всего, резкое ухудшение отношений с Китайской народной республикой), а затем и быстро нарастающий сырьевой уклон советской экономики направили развитие Дальнего Востока по второму варианту.

Вторая развилка заключала в себе похожую альтернативу и была пройдена в более благоприятных геополитических условиях завершения «холодной войны». Но все другие вышеперечисленные факторы «работали» скорее против качественного рывка в истории региона. Надежды на подъём Дальнего Востока с помощью иностранных инвестиций не имели шансов воплотиться в реальность – рядом был такой мощный инвестиционный «насос» как Китай, а то, что могло прийти в регион лишь закрепляло его сырьевой уклон и периферийный статус. Требовались нетрадиционные решения и мощная государственная поддержка территории, которая в условиях системного кризиса не могла быть оказана.

Наиболее интересной и неоднозначной выглядит развилка, которую Дальний Восток проходит в настоящий момент. Демографический ограничитель действует, пожалуй, сильнее, чем прежде. Но Россия вновь стала достаточно богатой страной, чтобы вкладывать в эту территорию большие деньги. С одной стороны – крупнейшие проекты, которые реализуются сейчас в регионе (нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан, строительство газопровода), закрепляют его экспортно-сырьевую специализацию. С другой же стороны, параллельно с ними строится Дальневосточный федеральный университет в

непоследовательности рыночных реформ, препятствовавший политике либерализации цен и макроэкономической стабилизации. – См. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. М, 1999. С. 14.

Приморье, космодром «Восточный» в Амурской области, в Хабаровском крае начато производство первого за весь постсоветский период нового крупного пассажирского самолёта (Superjet 100). Всё это вновь заставляет вспомнить о повышении символического значения региона, и развитии здесь высокотехнологичных производств.

Пока рано говорить о том, как будет пройдена современная развилка, но проведённый анализ позволяет увидеть наиболее важные факторы, которые способны предопределить дальнейшую траекторию развития Дальнего Востока.

Л. Е. Козлов

Региональная политика России на Дальнем Востоке: баланс потребностей национальной безопасности и экономического прогресса

Исторически в России деловая, политическая и культурная активность нации концентрируется вокруг государственного центра, от которого Дальний Восток отделяет самое большое, в сравнении с другими частями страны, расстояние. Наименьшая плотность рабочих кадров и производственных фондов, наибольшие расходы на внутреннюю логистику делают внешнюю торговлю и добычу природных ресурсов главными источниками местного дохода, что, в свою очередь, ведет к зависимости Дальнего Востока от внешних, неподконтрольных федеральному центру, факторов.

Вопросы внешней безопасности всегда играли большую роль в региональной политике на Дальнем Востоке. Ввиду огромных расстояний и сложных климатических условий Россия не могла освоить эту территорию в той степени, которая позволила бы управлять ей в «автоматическом режиме». Малая населенность повышала риск экспансии на пустующую территорию из-за рубежа и требовала максимально эффективно в оборонном смысле использовать то небольшое население, которое здесь все-таки проживало. Фактически центральное правительство вынуждено было смириться с тем, что обладание Дальним Востоком не приносит на текущем этапе экономической выгоды, и с необходимостью повышенных вложений в его оборонную инфраструктуру. Недружественные отношения с соседями по Тихому океану (кроме КНДР) и общая автономность экономики СССР, поддерживаемая на случай мировой войны, сводили к минимуму международные связи Дальнего Востока в советский период.

Сегодня оборонный аспект развития Дальнего Востока потерял в значении: как из-за неготовности государства к большим военным расходам, так и общей разрядки международной напряженности в АТР (хотя соотношение военных потенциалов с Китаем и США изменилось не в пользу России). Принципиальное снижение оборонного заказа побудило дальневосточные регионы искать новые источники дохода, а географические условия обусловили их переориентацию на восточноазиатских соседей и разрыв многих хозяйственных цепочек с другими

регионами России. В этой ситуации противоречия между потребностями безопасности всего государства и экономического прогресса отдельных регионов стали нарастать. В то же время исторический ревизионизм в отношении России сохранился во всех странах Северо-Восточной Азии, а опыт послереволюционной интервенции показывает, что политическое ослабление России на Дальнем Востоке, наверняка, будет использовано внешними силами в своих целях.

Базовые потребности безопасности России на Дальнем Востоке, по нашему мнению, заключаются в следующем:

- проживание определенного количества постоянного населения;
- политическая лояльность постоянного населения центру;
- определенная самостоятельность в снабжении постоянного населения товарами повседневного спроса;
- способность постоянного населения к отражению локальных актов агрессии извне;
- поддержание добрососедских отношений с сопредельными державами.

Демографический дисбаланс с восточноазиатскими нациями побуждает центр ужесточать правила и минимизировать квоты иммиграции из стран дальнего зарубежья. Это усугубляет нехватку рабочей силы, традиционно присущую Дальнему Востоку, повышает ее дороговизну, затрудняет ее мобилизацию на крупные проекты, усложняет процедуру привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа.

Крайнее упрощение структуры дальневосточной экономики повышает ее зависимость от рыночных колебаний, сокращает количество и качество рабочих мест, а также величину добавочной стоимости региональной продукции. Центр пытается преодолеть эту проблему за счет искусственного стимулирования машиностроения, которое на Дальнем Востоке в условиях свободной конкуренции является нерентабельным. По экспертным оценкам, главным условием рентабельности таких проектов будут закупки государственных и близких к федеральному правительству частных компаний, осуществляемые в принудительном порядке. При этом добывающие отрасли, которые сегодня производят основную долю региональной продукции (горная, лесная, рыбная), остаются без государственной поддержки. Повышение таможенных пошлин на сырьевой экспорт и усложнение его оформления, в теории, призвано содействовать переработке природных ресурсов в пределах России. Однако собственных сил для обновления производственных фондов и налаживания сбыта у добывающих компаний Дальнего Востока, как правило, недостаточно, поэтому такие ограничения они в лучшем для себя случае обходят более или менее легальным образом, а в худшем случае сворачивают производство.

Зависимость дальневосточной экономики от внешней торговли с узким кругом стран повышает ее зависимость от снабжения из-за рубежа и от конъюнктуры иностранных рынков. Центр старается стимулировать внутренний

спрос и внутренний товарообмен, например, повышая пошлины на импорт автомобилей, строительной и сельскохозяйственной техники, субсидируя перевозки российской техники по железной дороге, а также сдерживая строительство транспортных коммуникаций в приграничной полосе, прежде всего, на границе с Китаем. Как правило, эти меры снижают покупательную способность и занятость местного населения, поскольку возможности федерального бюджета недостаточны для полной компенсации выпадающих доходов региона, и повышают коррупцию, позволяющую обойти внешнеторговые ограничения.

Центр на практике не применяет механизм свободных экономических зон в тех районах Дальнего Востока, которые могли бы привлечь иностранных инвесторов. Существующие проекты СЭЗ предусматривают основные вложения в инфраструктуру со стороны участвующих компаний или регионов. Но дефицит рабочей силы, узость рынка сбыта, неразвитость транспорта, энергетики и телекоммуникаций на Дальнем Востоке, а также повсеместные в России коррупция и неуважение к частной собственности отталкивают инвесторов и затрудняют привлечение займов. Дополнительно тормозит деловую активность режим пограничной зоны, функционирующий с целью предотвращения шпионажа и незаконного пересечения государственной границы. Этот режим редуцирует право на передвижение и владение собственностью во многих районах, прилегающих не только к сухопутной, но и к морской границе, в том числе за полярным кругом.

В ответ на территориальные претензии Японии и социально-экономический дисбаланс с Китаем правительство России сдерживает деловые связи дальневосточных регионов с этими странами. Крупные компании Китая и Японии, имеющие большой интерес к освоению природных ресурсов Дальнего Востока, допускаются преимущественно в двусторонние проекты и обязательно на условиях решающего голоса какой-либо российской компании (как, например, в консорциуме «Сахалинская энергия»). В адрес «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-востока КНР» центр, в основном, ограничивается словесной поддержкой.

Централизованное управление ресурсами характерно для российской политики. Хотя федеральное правительство продолжает заявлять о важности интеграции России в АТР, оно осуществляет очень мало практических действий, стимулирующих трансграничное предпринимательство. Издержками региональной политики, в которой соображения безопасности превалируют над задачами экономики, являются пассивность хозяйствующих субъектов, низкая инвестиционная привлекательность, сокращение рентабельности производства, технологическая отсталость, эмиграция квалифицированных кадров в более развитые регионы, «синдром просителя» местных администраций, зависимость регионального дохода от состояния федерального бюджета, то есть фактически

от конъюнктуры мирового рынка нефти. Поиски оптимального баланса региональной политики на Дальнем Востоке, когда оборонительные мероприятия, по крайней мере, не ведут к экономическому регрессу территории, а экономические мероприятия, по крайней мере, сохраняют контроль государства над внешними угрозами, имеют для России высокую актуальность.

А. А. Зыков

Главы регионов Дальнего Востока России в системе «суверенной демократии»

В 2000-х гг. сформировалась модель взаимодействия социально-политических институтов и распределения властных полномочий между центром и региональным руководством, получившая название «управляемая или суверенная демократия». Ее определяющим аспектом стало построение «эффективной вертикали» государственного управления с доминирующей ролью центра.

Введение института полпредов президента РФ в федеральных округах, в том числе в Дальневосточном федеральном округе (ДВФО), и переход к назначению губернаторов президентом в 2004 г. отразило резко возросший уровень политического и экономического контроля центра над субъектами федерации. В условиях того, что субъекты ДВФО в большинстве своем являются дотационными (исключение составляют Республика Якутия и (с недавнего времени) Сахалинская область), они полностью зависят от финансовых трансфертов, переводимых в их адрес из федерального бюджета РФ. Руководство страны (администрация президента и правительство РФ) в этих условиях становятся, по сути, главным, если не единственным, политическим игроком на региональном поле.

Тем не менее, региональные главы имеют разный «политический вес», который определяется двумя показателями: степенью влияния и авторитета на региональном и местном уровне, а также степенью интенсивности влияния на принятие решений на различных уровнях властной иерархии (постоянное, ограниченное, отсутствие такового). Эти критерии положены в основу нашей классификации глав Дальневосточного федерального округа в 2004–2008 гг., которая включает четыре уровня (порядка) политических акторов (различающиеся по политическому опыту, в том числе наработанному в более ранние периоды времени). К акторам первого порядка, имевшим постоянное влияние на всех уровнях власти, отнесены сильные авторитарные главы ельцинского «призыва» – «тяжеловесы», успешно избиравшиеся на всенародных выборах по два-три раза в 1990-е и начале 2000-х годов. Например, бывший на тот период губернатором Хабаровского края В.И. Ишаев, или губернатор Еврейской автономной области Н.М. Волков. К этому же классу

лидеров можно условно отнести губернатора Чукотки в 2001-2008 гг. Р.А. Абрамовича, имевшего тесные отношения с высшим руководством страны.

К акторам второго порядка относят избранных в 1998–2000 гг. глав, влияние которых было сравнительно ограниченным на федеральном и региональном уровне, но сильным и постоянным – на уровне местном. К их числу в ДВФО принадлежит экс-президент Якутии В.А. Штыров.

К акторам третьего порядка, для которого характерно отсутствие влияния на федеральном уровне при наличии представительства и ограниченного влияния на региональном и местном уровнях, относят глав, избранных в 1999–2004 гг., которые по разным причинам не сумели стать сильными политическими фигурами. К таковым причисляют губернатора Приморского края С.М. Дарькина и губернатора Магаданской области Н.Н. Дудова.

Акторов четвертого порядка, не имеющих ресурсов для представительства и влияния на региональном уровне, а также обладающих весьма ограниченным влиянием на местном уровне, представляют главы регионов, утратившие свое положение в связи с утратой доверия президента: И.П. Малахов (Сахалин), Л.В. Коротков (Амурская область) и В.А. Логинов (Корякская автономная область).

Сложившаяся система «суверенной демократии» и вертикаль власти были испытаны на прочность во время думско-президентской кампании 2007–2008 гг. Реформа избирательной системы (отмена одномандатных округов депутатов Государственной Думы) еще более упрочила позиции «Единой России» и крепче привязала к ней глав, попутно ослабив их. Ведь губернаторы потеряли даже теоретическую возможность самостоятельно «избирать» своих сотрудников, клиентов и союзников через одномандатные округа. Теперь для получения квоты проходных мест в списке партии власти требуются длительные согласования.

После принятия закона «О внесении изменений в федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в федеральный закон “О политических партиях”» 2009 г., право предлагать кандидатуру губернатора предоставляется политической партии, выигравшей выборы в представительные органы того или иного субъекта РФ. Поскольку пользоваться этими правами имеет возможность пока только «Единая Россия», главы и претенденты на эти должности теперь особенно заинтересованы в сотрудничестве с партией власти на выборах всех уровней. Это придает политической системе дополнительную устойчивость, потому что решения о внесении кандидатур принимаются не политсоветами региональных отделений партии (большинство из которых находится под контролем действующих глав или лояльны им), а президиумом Генерального совета, т.е. новый «партийный» порядок обеспечивает также дополнительную централизацию.

Смена первого лица государства, по сути, не изменила содержания политической системы. В кадровой политике полностью сохранена преемственность. Решения о выдвижении кандидатур губернаторов, как правило, принимаются президентом и председателем правительства совместно.

Важный и характерный для всей России момент состоит в том, что с политической арены ушли губернаторы-старожилы, которых сменили новые назначенцы, не имеющие серьезных политических амбиций федерального уровня. В Дальневосточном федеральном округе из глав выбыли самостоятельные политические акторы – лидеры второго и первого порядка: Р.А. Абрамович, В.И. Ишаев, В.А. Штыров, Н.М. Волков. Их уход имел разные обоснования – собственное желание, повышение, плановая ротация.

Использование в ранжировании категории «актора первого порядка» поменяло значение. На настоящий момент старожилами стали акторы, ранее считавшиеся «слабыми», которым нередко пророчили отставку: С.М. Дарькин и Н.Н. Дудов, чей рейтинг автоматически вырос.

Более ровно оценивается политический потенциал Р.В. Копина (Чукотский автономный округ), О.Н. Кожемяко (Амурская область), А.В. Хорошавина (Сахалинская область) и В.И. Шпорта (Хабаровский край), имеющих поддержку в Москве. В.И. Шпорт был выбран на место В.И. Ишаева по результатам консультаций последнего с администрацией Президента РФ. А.В. Хорошавин контролирует ситуацию в регионе, в том числе благодаря поддержке со стороны «Роснефти». Чукотский автономный округ благополучно развивается под руководством нового губернатора Р.В. Копина благодаря поддержке и покровительству со стороны Р.А. Абрамовича. О.Н. Кожемяко, несмотря на внутриэлитные противоречия в области, сохраняет доминирующую позицию за счет поддержки в администрации президента, расширяет свою команду за счет земляков из Приморского края.

В рядах глав регионов потерявшими свое положение оказались Н.А. Колесов и А.А. Кузьмицкий. Экс-губернатор Амурской области Н.А. Колесов постоянно ссорился с региональной элитой и хозяевами федеральных компаний, работавших в области. В итоге он, как и его предшественник Л.В. Коротков, запутался в уголовных делах. Слабыми сторонами, в случае экс-губернатора А.А. Кузьмицкого, оказались конфликт с мэром Петропавловска-Камчатского, низкая личная популярность и сокращение федеральной поддержки. На внеочередной сессии депутаты Законодательного собрания Камчатского края утвердили кандидатуру В.И. Илюхина на должности губернатора.

Определяющим критерием оценки эффективности деятельности губернаторов является способность обеспечить реализацию федеральной политики, включая экономические и социальные программы, и обеспечение порядка на подведомственных им территориях: недопущения акций протеста и формирования оппозиции режиму. Общественные настроения регионального сообщества в условиях контролируемых и многоуровневых (в отношении

губернаторов и мэров) выборов имеют минимальное влияние. Исполнительная вертикаль близка к своему логическому завершению, система «суверенной демократии» выдержала смену главы государства и ожидает трансформации в новых условиях роста активности гражданского общества 2011-2012.

П. В. Журавлёв

Проблемы административно-территориального разграничения между Якутской АССР и Дальневосточным краем (1920-е – 1930-е гг.)

В период НЭПа и «сталинской модернизации», когда в СССР формировалась авторитарная политическая система, отношения между административными субъектами в ней строились не на договорной основе, а путём апелляции к Центру и торга за выделение тех или иных ресурсов. Торг за ресурсы выражался в разных формах, одной из которых было предъявление претензий административно-территориального характера, то есть на обладание определёнными территориями, сулившими ощутимый экономический/коммуникационный эффект. Одним из таких значимых и в то же время слабо исследованных в научной литературе является спор по поводу административных границ между Якутской АССР (ЯАССР) и Дальневосточным краем (ДВК).

ЯАССР была образована 27 апреля 1922 г., а ДВК – 4 января 1926 г. [Хронологическое собрание законов, указов Президиума ВС и постановлений Правительства РСФСР 1949, Т.1: 94; Бюллетень ДВРК 1926, №55: 142-147].

Разногласия между якутской и дальневосточной элитами по поводу принадлежности тех или иных территорий и целесообразности проведения административной границы в конкретном районе начались в 1924 г., когда был дан старт масштабным административно-территориальным преобразованиям на Востоке СССР. В январе 1924 г. работники секции районирования Госплана, разбирая вопрос о северных границах ДВК, посчитали, что они лишь «нуждаются в уточнении», за исключением Колымского края, который было предположено присоединить к ДВО. Такой шаг мотивировался, во-первых, удобностью снабжения местного населения по морю из Владивостока, а во-вторых, небольшой долей собственно якутов, проживающих здесь [РГИА ДВ, ф. Р-2422, оп. 1, д. 1126, лл. 2об. - 3].

Позиция специалистов-дальневосточников была иная. По мнению участников заседания Дальневосточного краевого экономического Сопровождения (10.01.1924), «северо-западная граница (с Якутской республикой) является вполне целесообразной и в значительных коррективах не нуждается» [РГИА ДВ, ф. Р-2422, оп. 1, д. 1073, л. 2]. Однако на расширенном Пленуме Дальплана (февраль 1924 г.) было заявлено, что граница между Якутией и собственно Дальневосточным регионом проводилась без учёта интересов местного населения и фактически совпадает с водоразделом рр. Амур и Алдан, хотя

формально она пролегает по Становому хребту. На Пленуме были сформулированы территориальные претензии дальневосточной элиты к ЯАССР. Речь шла, во-первых, о территории Алданской тайги (со стороны Амурского бассейна вплоть до Яблонового хребта) и бассейнов рр. Олёкмы и Учуга; во-вторых, о бассейне р. Колымы. В качестве доводов приводились следующие соображения: 1) названные районы экономически «привязаны» к Дальнему Востоку (либо посредством доставки необходимых грузов, либо по своей ресурсной специализации (золотодобыча, пушной промысел, рыболовство)); 2) в этнографическом отношении наблюдается абсолютное преобладание аборигенов тунгусо-палеоазиатской группы, в то время как доля якутов невысока; 3) социально-экономическое и культурное развитие коренных народов данных территорий требует включения их в одну административно-территориальную единицу; 4) ЯАССР не имеет возможности инвестировать в спорные районы как по причине отсутствия/ненадёжности коммуникаций, так и по причине слабости собственной экономической базы. На Пленуме прозвучало и предложение Приморского губплана отдать Якутии Охотское побережье от устья р. Уды до Аяна как «малоценную в лесном и горном отношении» для Приморской и Камчатской губерний. Тем самым республика получила бы столь желанный для неё выход к морю, а стоимость доставки грузов в Якутск резко подешевела [ГАХК, ф. 1151, оп. 1, д. 17, лл. 42 – 47; Лукс 1924: 117 – 118].

В дальнейшем борьба за присоединение спорных территорий велась Хабаровском в рамках предстоящей административной реформы ДВО, заключающейся в переходе от губернского-уездного к районно-окружному делению с разбивкой территории будущего края на несколько округов, среди которых числился и Алданский (Зейско-Алданский) округ. Он должен был включить районы юго-востока ЯАССР и рассматривался как один из важнейших золотопромышленных районов страны. Дальневосточники убеждали Центр в целесообразности включения территории округа в состав ДВК, одновременно шли жалобы на неправомерные действия Якутска, запретившего ввоз продовольствия с Амура и вывоз золота в ДВО [ГАХК, ф. 353, оп. 1, д. 209, лл. 31 – 33, 115 – 116].

Борьба дальневосточной элиты увенчалась частичным успехом: в проект постановления Президиума ВЦИК «Об образовании и районировании Дальневосточного края» (04.01.1926) было включено положение о передаче части территории ЯАССР («бассейн р. Олёкмы от истоков до впадения в нее реки Енюки и бассейн р. Алдана от истоков и включая устье реки Учуга и бассейн последнего») новообразованному Зейско-Алданскому округу ДВК [РГИА ДВ, ф. Р-2422, оп. 1, д. 543, л. 5]. Но не удалось устояться схеме нового деления ДВК, как Охотское уездное бюро ВКП (б) выразило протест по поводу ликвидации Охотского уезда и предложило в качестве одного из вариантов присоединить всё побережье Охотского моря, находившееся ранее в составе

уезда, к Якутии, подкрепляя свое мнение экономическими и политическими аргументами [РГИА ДВ, ф. Р-2413, оп. 4, д. 51, лл. 96 – 97].

Вскоре началась новая реформа, предусматривавшая выделение национальных административно-территориальных единиц в Сибири и на Дальнем Востоке. Согласно постановлению Президиума ВЦИК от 10.12.1930 в составе ДВК создавались три национальных округа (Охотско-Эвенский, Чукотский, Корякский) и два национальных района (Джелтулакский и Зейско-Учурский), причём, все они, кроме Корякского, объединяли территории как ДВК, так и ЯАССР. Фактически весь бассейн Колымы с притоками, верховья Индигирки, система реки Мая, верховья Алдана с притоками отошли к ДВК [РГИА ДВ, ф. Р-2413, оп. 4, д. 425, лл. 96 – 98].

Таким образом, в 1930 г. дальневосточной элите удалось добиться победы в противостоянии с Якутском. Но якутская элита не собиралась мириться со своим поражением. В феврале 1931 г. ЦИК ЯАССР обратился в ЦИК СССР с ходатайством о присоединении Джелтулакского и Зейско-Учурского районов ДВК к Якутии, мотивируя это их тесными связями с промышленностью Алданского района, водными системами рек Алдана и Лены и Амуро-Якутской магистралью. В марте он же обжаловал передачу ДВК районов рр. Учур и Тимптон [РГИА ДВ, ф. Р-2413, оп. 4, д. 430, лл. 9 – 10, 20]. В итоге 20.05.1931 Президиум ВЦИК принял постановление, отдававшее обратно Якутии территории верховьев рек Тимптона, Алдана, Сутама, Учуре, Индигирки, бассейн Гыныма, Май, Неры и нижнюю Колыму. Слабым утешением для Хабаровска стала передача ДВК Сеймчанского района из состава ЯАССР.

В дальнейшем данное противостояние сошло на нет. Причина заключалась в том, что для интенсификации золотодобычи на Колыме 16.11.1931 был создан специальный трест, вошедший в историю как Дальстрой. 28.10.1932 ему были непосредственно подчинены Ольский, Среднеканский и Северо-Эвенский районы Северо-Эвенского округа [Бацаев 2007: 37, 40]. Подконтрольная Дальстрою территория превратилась в «государство в государстве». Ни якутские, ни дальневосточные органы власти не имели полномочий вмешиваться в политику треста на Северо-Востоке. Все связанные с Дальстроем решения имели секретный характер и принимались в Центре. Более того, на Дальстроем возлагалось и проведение «ленинской национальной политики» среди аборигенов региона [Бацаев, Козлов 2002].

Таким образом, Якутия и ДВК оказались отстранёнными от вопросов реализации социально-экономической и культурной политики на большей части спорных территорий. Это и предопределило падение интереса к отстаиванию своих позиций в данном конфликте.

Р. С. Авилов

**Введение военно-окружной системы
в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России (1865)**

Военные реформы 1860–1870 гг. были одними из немногих действительно комплексных военных реформ за всю историю Российской империи. Затронув все сферы военного дела и военного быта, они до неузнаваемости изменили облик российских военно-сухопутных сил. Одной из ключевых составляющих этих преобразований была военно-окружная реформа. Она изначально входила в состав плана преобразований российской армии, доложенного императору Александру II военным министром Д.А. Милютиным во время всеподданнейшего доклада 15 января 1862 г. Процесс ее проведения, достаточно хорошо изученный для территории Европейской России, остается слабо исследованным для окраин империи, в том числе Восточной Сибири и Дальнего Востока. При этом проводимые на этих территориях преобразования обладали рядом существенных особенностей, позволяющих заметно скорректировать взгляд на военно-окружную реформу в целом.

Внедрение в Восточной Сибири системы военно-окружного управления явилось третьим этапом военно-окружной реформы в Российской империи, а не было вызвано какими-либо региональными сложностями и процессами, как считалось ранее. Отчасти именно система военного управления, сформировавшаяся в Восточной Сибири в период генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева-Амурского и ставшая широко известной в стране благодаря его решительной и эффективной внутренней и внешней политике, лежала в основе разработанного в 60-х гг. XIX в. российского варианта системы военных округов, отличавшегося от наиболее близкой к ней французской системы именно большей широтой власти и степенью самостоятельности как самого командующего войсками округа, так и органов военно-окружного управления.

Д.А. Милютин – автор и «архитектор» военно-окружной реформы – писал в 1882 г., что для создания военных округов был уже готовый образец и не в иностранных государствах, а в устройстве российских же окраинных территорий, где уже долгое время существовала местная военная власть, достаточно самостоятельная не только для обычного ведения дел в мирное время, но и для распоряжений военного времени. Она объединяла управление как региональными военно-хозяйственными органами, так и войсками. «Приходилось только регулировать то, что уже существовало, т.е. выработать такие положения, которые точнее и правильнее определили бы власть и круг действий как главного начальника округа, так и подчиненных ему специальных отделов окружного управления: интендантского, артиллерийского, инженерного, военно-медицинского, и т.д.» – отмечал Д.А. Милютин.

Разработка «Положения о военно-окружном управлении», лежащего в основе всей реформы, продолжалась с 1862 по 1864 г., причем саму реформу из-за Польского восстания 1863 г., начали постепенно проводить еще до завершения работы над ним. Положение было введено в действие 6 августа 1864 г., после чего началась его адаптация для применения к окраинным территориям империи. Примечательно, что в начале 1865 г. в Петербург прибыл генерал-

губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, с очередными проектами административно-территориального переустройства Дальнего Востока, которые на этот раз пришлось весьма кстати. Очевидно, ему было поручено доработать их в рамках концепции проводимой реформы, поскольку вскоре он представил как полные проекты и штаты устройства в Восточной Сибири военно-окружного управления, так и планы по реорганизации находящихся там местных войск. После нескольких совещаний и доработки этого проекта для его внедрения в Восточной Сибири, 6 августа 1865 г. Александр II утвердил дополнения к «Положению...», отдав указ об образовании Кавказского, Оренбургского, Западного и Восточного Сибирских военных округов.

Сформированный в результате Восточный Сибирский военный округ территориально совпадал с Восточно-Сибирским генерал-губернаторством, в состав которого входили территории Иркутской и Енисейской губерний, Якутской, Приморской, Амурской и Забайкальской областей, а также о. Сахалин. Особенностью нового округа стали его размеры. В результате вхождения в его состав огромных и слабозаселенных периферийных территорий, он оказался по площади приблизительно равен всем остальным военным округам Российской империи вместе взятым! Поэтому он отличался рядом существенных особенностей не только от военных округов центральной части империи, но и от округов периферии – Кавказского, Оренбургского и Западного Сибирского, с которыми формировался одновременно. Сыграло свою роль и то, что в разработке проекта его нормативно-правовой базы непосредственное участие принял генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, хорошо знавший эту слабозаселенную и весьма специфическую в военно-стратегическом плане территорию.

В основе системы управления новым округом лежала типовая структура военно-окружного управления, с рядом особенностей. Так в округе отсутствовал Окружной инспектор военных госпиталей, права Военно-окружного совета были значительно шире, чем в любом другом военном округе, что позволяло существенно сократить переписку с центральным аппаратом Военного министерства и повысить тем самым эффективность военно-хозяйственной деятельности в округе. Особенности Окружного штаба на момент его формирования также обуславливались спецификой округа, в котором имелись как «морские силы», так и два казачьих войска. В дальнейшем штаб удалось освободить от несвойственных для него функций, главным образом путем постепенного реформирования системы управления Забайкальским и Амурским казачьими войсками. Другой особенностью Окружного штаба была крайняя значимость и загруженность его военно-топографического отдела, который занимался изучением и картографированием практически неисследованных территорий, причем данные эти впоследствии использовались не только военными, но и гражданскими специалистами. Особенности Окружного интендантства, такие как, например, наличие особых Главных смотрителей

провиантских магазинов Амурской и Приморской областей также обуславливались необычайными масштабами созданного округа. Существенно были расширены права и возможности Окружного инженерного управления, лишённого мелочной опеки Главного инженерного управления Военного министерства, что позволяло оперативнее и, соответственно, эффективнее, решать вопросы казарменного и оборонительного строительства в условиях отсутствия должной военно-транспортной инфраструктуры, нужных строительных материалов и рабочих рук.

Необходимость управления огромными территориями, вошедшими в состав нового округа, и то, что военно-окружная система была внедрена в Восточной Сибири независимо от нового административно-территориального деления, дискуссии по которому на тот момент еще продолжались, стали причиной того, что порядок управления вошедшими в состав округа Забайкальской, Амурской и Приморской областями остался прежний – через военных губернаторов этих областей, подчинённых по военной части Командующему войсками нового округа. Некоторой модернизации подвергся лишь штат управления войск указанных областей, тогда как на остальной части империи в 60-е гг. XIX в. шел быстрый процесс освобождения военных губернаторов областей от «заведования военной частью». При этом новая структура военного управления не была лишена недостатков, наиболее крупными из которых являлись: чрезвычайно большие размеры округа и дисбаланс в размещении органов местного военно-окружного управления, располагавшихся в Иркутске, и самих войск, большая часть которых находилась в Приморской, Амурской и Забайкальской областях, т.е. на другом конце округа. Недостатки эти наиболее ярко проявились в период Маньчжурской войны 1868 г., когда начальство военного округа долгое время вообще не имело ни малейшего представления о том, что же происходит в Южно-Уссурийском крае.

В целом система местного военного управления в Восточном Сибирском военном округе отличалась высокой стабильностью и просуществовала до разделения округа на Иркутский и Приамурский (1884).

Е. В. Макитрюк

Контакты цинской администрации с аборигенами Среднего и Нижнего Амура во второй половине XIX в.

Подписание русско-китайских договоров 1858 и 1860 гг. четко определило политическую границу между двумя странами на Дальнем Востоке. Айгунский и Пекинский договоры фиксируют власть Цинского императора над дауро-маньчжурским населением левобережья Амура, которое проживает на территории так называемого «Зазейского клина». При этом не оговаривается подданство и административное подчинение тунгусо-маньчжурского населения,

кочующего в приграничье. Это породило ряд противоречий в русско-китайских отношениях на региональном уровне.

Разграничение на Амуре нарушало сложившиеся хозяйственные связи аборигенов и маньчжуро-китайского населения в регионе. Ряд этнических групп эвенков (манегры), кочевавшие с февраля по ноябрь на среднем Амуре по правому берегу Зеи от р. Пёра до Депа и по Амуру от поселка Пермыкина до р. Кумары, а в остальное время года проводившие на правом берегу пограничной реки, состояли в маньчжурском подданстве. Точно обозначить границы кочёвок манегров в середине XIX в. трудно из-за малочисленности данных. В виду кочевого уклада хозяйства, где основой передвижения являлась лошадь, манегры вынуждены были кочевать не в таёжной, как оленные эвенки, а в лесостепной зоне, заботясь об обширных луговых пространствах для выпаса лошадей.

Амурские ороконы и нижнеамурские гольды (нанайцы) выплачивали ежегодно приезжавшим маньчжурским чиновникам в начале лета по одному лянну серебра с человека, при этом каждый получал около 30 кг крупы. Также сборщики приезжали в конце лета и собирали ещё серебро и выдавали крупу. Кроме того, для меновой торговли гольды приезжали в ближайший от устья Сунгари маньчжурский город. Там уплачивался ясак, без которого нельзя было получить разрешение на право розничной торговли.

Уже в июле 1860 г. Военный губернатор Амурской области Буссе предоставил генерал-губернатору Восточной Сибири развернутое донесение о положении амурских инородцев, где указывал о повышении авторитета маньчжур среди гольдов проживавших на левобережье Амура между станицами Воскресенской и Михайло-Семеновской. Те же, кто проявлял симпатию и желал принять русское подданство, отзывали в г. Сан-Синь. По мнению русского правительства, заключенные договоры должны были оградить гольдов и орокон от маньчжурских чиновников, но в июле 1862 г. в пост Хабаровка прибыли цинские чиновники для сбора ясака. На что военный губернатор Приморской области дал отказ, мотивируя статьями договора. Таким образом, царская администрация, действовала строго исходя из статей Айгуньского и Пекинского договоров, считая аборигенное население, проживающее на левобережье Амура и на русской стороне р. Уссури в ведении военных губернаторов Амурской и Приморской областей. Маньчжурские чиновники апеллировали к статьям договоров, разрешающих свободную торговлю по берегам пограничных рек. Однако под торговлей они понимали сложившуюся традицию «поднесения в дань соболей и пожалования улиня». Для решения этой проблемы, а также ограждения гольдов от маньчжурских чиновников, было разрешено с 1862 г. покупать у проживающих на русской территории аборигенов соболей. Но, как отмечал уполномоченный в Пекине Л. Баллгозек, «китайское правительство может под видом торговцев вновь послать своих людей для сбора дани с жителей Амура ниже впадения р. Уссури».

Контакты представителей цинской администрации с амурскими аборигенами происходили при полном отсутствии налогообложения последних. После подписания договоров тунгусо-маньчжурское население было объявлено русскими подданными и прекратили уплачивать дань в пользу Китая, но не было её и в пользу России. С предложением рассмотреть вариант установления налогообложения «хотя бы минимального» в январе 1863 г. обратился и.д. генерал-губернатора Восточной Сибири, так как с «платежом дани связано понятие подданства».

Запрет на официальный проезд в русские пределы, заставил маньчжурских чиновников искать иные способы контактов с аборигенами Амура. Земские исправники неоднократно сообщали о задержании в русских пределах маньчжурских нойонов вплоть до 90-х годов XIX в.

В китайской историографии прекращение системы «поднесения в дань соболей и пожалования улиня», связано с «захватом царской Россией» обширных земель в нижнем течении Амура, к востоку от Уссури и острова Сахалин. По словам историка Ван Дэхоу, система действовала до 1873 г., что свидетельствует о сильных традициях, а также экономической обоснованности. Орочны и гольды получали от маньчжур жизненно необходимые товары и продукты, которые они не могли приобрести у русских (это спирт, крупу, табак, порох и свинец).

«Илийский кризис» 1880 г. вновь обострил русско-китайские противоречия по вопросу контактов цинских чиновников с тунгусо-маньчжурским населением левобережья Амура. Вместе с начавшейся мобилизацией сил на северо-востоке Китая в русские пределы были направлены нойоны для сбора аборигенов мужского населения «служилого состава». Подобное положение вызвало протест у амурских властей, о чем незамедлительно был поставлен в известность айгуньский мергень-джангин. А командующему Амурским казачьим полубатальоном предписывалось не допускать на вверенную территорию маньчжурских чиновников, эвенкам объяснить, что они находятся в русском подданстве и не должны слушаться никого кроме русских властей.

Таким образом, отсутствие правового оформления статуса амурских аборигенов в русско-китайских пограничных договорах 1858 и 1860 гг. обнажили противоречия по вопросу подданности кочующих в приграничье этнических групп эвенков и гольдов. Ограничение сложившихся контактов маньчжурской администрации с аборигенами левобережья Амура на протяжении, вело к постепенному снижению экономической зависимости ороchon и гольдов, а субсидирование русских фирм, помогло наладить снабжение по низким ценам товарами первой необходимости. В тоже время попытки привести их в русское подданство и закрепить на территориях не могли быть успешными без усиления русской власти в регионе. Это продемонстрировал «Илийский кризис», в результате которого были

зафиксированы факты мобилизации маньчжурами части манегров и гольдов проживавших на русском берегу Амура.

С. Н. Мищук

Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: перспективный аспект*

В колонизации Дальнего Востока России не обозначена роль иностранной рабочей силы, хотя в отдельные периоды она имела большое значение в развитии экономики региона и являлась одним из направлений развития международных миграционных процессов. Поэтому нами сделана попытка проанализировать роль трудовых мигрантов на ДВ России за весь период его освоения – начиная с 1861 г. по настоящее время.

Подчеркнем, что в настоящее время при рассмотрении вопроса привлечения трудовых мигрантов на Дальнем Востоке чаще всего оценивается динамика китайской миграции, которая порой рассматривается как «желтая угроза». Данный термин сложился уже в начале XX века в отношении японских и корейских мигрантов на Дальнем Востоке.

Китайцев-рабочих (торговцы были и ранее) в Забайкалье не было до постройки железной дороги, т.е. до 1886-1887 гг. Коренное отличие китайских рабочих артелей заключалось в том, что китайская артель не распадалась без работы, даже в течение трех месяцев, при этом русская артель без работы могла просуществовать не более двух месяцев [Левитов 1900].

Кроме строительства железной дороги, китайцы привлекались для работы в золотопромышленности и для строительных работ. Общая численность китайских рабочих в российской золотопромышленности к лету 1890 г. оценивалось в 15 тыс. человек, на строительстве Уссурийской железной дороги – до 13 тыс. человек, в Приморской области было занято порядка 1600 китайцев.

В начале XX в. китайские мигранты активно вовлекались в горную промышленность Забайкалья и постепенно расширяли свою деятельность в строительстве, ремесле и обрабатывающей промышленности Восточной Сибири и Дальнего Востока [Дацышен 2004]. Кроме того, их труд стал использоваться на лесозаготовках, на кирпичных заводах, рыбной и мукомольной промышленности. Помимо промышленности китайцы были широко задействованы в торгово-предпринимательской деятельности; в транспортном хозяйстве до 1910 г. важную роль играл китайский (а также корейский) каботаж.

* Работа подготовлена в рамках совместного проекта фундаментальных исследований 12-С-7-1007 "Факторы и механизмы акселерации социально-экономического развития регионов России".

Рабочих-японцев на Дальнем Востоке было сравнительно мало, количество корейских рабочих было сопоставимо с китайскими только до 1908 г., когда были введены особые запрещения на корейцев.

Велика была роль китайцев в развитии земледелия на Дальнем Востоке. В конце XIX века в Уссурийском крае число китайцев, занимающихся земледелием, могло достигать 20 тыс. человек [Ларин 2009]. Здесь стоит подчеркнуть, что китайцы оседали на пригодных для обработки землях незаконно. Выселение китайских крестьян проходило с 1880-х по 1907-1908 гг., когда увеличился поток переселенцев из европейских регионов России. Максимальная численность китайского населения на Дальнем Востоке была зафиксирована в 1910 г. и составила по оценочным данным порядка 200-250 тыс. человек [там же].

С началом Первой мировой войны возросли потребности в рабочей силе для строительства железных дорог, добычи угля, рубки леса, в связи с чем был снят запрет на наем иностранцев на казенные работы на Дальнем Востоке. За период с 1915 по апрель 1917 гг. в Россию было завербовано почти 160 тыс. китайских рабочих, зоной расселения которых была в большей мере европейская часть России и Урал. Китайские рабочие были заняты на каменноугольных копях Западной Сибири и Подмосковного бассейна, золотых рудниках Западной Сибири, лесных заготовках Урала, на Мурманской железной дороге.

В 20-е годы XX в. исчезла необходимость в использовании временной рабочей силы, что привело к снижению ее численности на Дальнем Востоке в сравнении с дореволюционным периодом. В период 1922-1928 гг. корейское население в регионе составляло более 100 тыс. человек, китайское – более 70 тыс. человек, японское – около 30,5 тыс. человек [Свидерская 2008].

Признавая важность труда мигрантов, российское правительство и общественность испытывали опасения относительно возрастающей зависимости отдельных отраслей хозяйства Дальнего Востока от иностранных рабочих. Опасения относились в первую очередь к китайцам, так как они численно преобладали над корейцами и японцами (в 1910 г. 38 тыс. и 4,3 тыс. человек соответственно). В экономическом соревновании с китайскими рабочими и предпринимателями русские проигрывали. Проживание китайцев в определенных сферах не поддавалось регулированию со стороны российской администрации (например, «внеземелье» китайской диаспоры, проживание китайцев на российской территории вне паспортного контроля).

В 1930-е гг., в связи с обострением советско-китайских отношений и сменой экономического и политического курса, произошло значительное сокращение численности китайских рабочих. В 1937-1939 гг. китайская община на Дальнем Востоке была почти ликвидирована. Активное использование здесь труда китайцев возобновилось в конце 1980-х гг. [Дацышен]. Многие из оставшихся в Советской России китайцев пострадали от репрессий сталинского периода. По данным всесоюзной переписи населения 1959 г. в Сибири и на Дальнем Востоке

проживало не более 26 тыс. китайцев. Начиная с 1960-х гг. данных о китайцах нет, статистика их не учитывала.

Исходя из целевых установок развития Дальнего Востока России, отметим, что в целом иммиграция оказала положительное влияние на хозяйственное освоение региона, однако, почти не влияла на рост демографического потенциала региона. Исключением являлась корейская миграция, которая способствовала формированию постоянного населения на Дальнем Востоке. Китайская миграция внесла значительный вклад в развитие экономического потенциала региона.

По мнению В.П. Зиновьева [2002], в настоящее время происходят аналогичные процессы, с тем отличием, что если раньше отношения Россия-Китай рассматривались как отношения сильной-слабой страны, то сейчас расстановка сил изменилась. В связи с развитием двусторонних российско-китайских отношений, в том числе и в миграционной сфере, с 1990-х гг. вновь возникли дискуссии о влиянии и роли Китая на российский Дальний Восток. Здесь, на наш взгляд, вполне разумным является мнение В.Л. Ларина о том, что, несмотря на сходство черт прошлого и настоящего, «...ошибочно механически переносить в настоящее представления и оценки из прошлого, или наоборот, мерить прошлое сегодняшними мерками».

В настоящее время международная миграция играет важную роль для развития Дальнего Востока России, при этом можно утверждать, что экономическая, геополитическая значимость привлечения иммигрантов остается высокой и требует постоянного мониторинга и изучения, как с точки зрения исторического опыта, так и с позиций современных условий и факторов.

А. В. Громова

Анализ социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних на юге Приморья

Социальное обслуживание населения представляет собой важный элемент системы социальной защиты населения. Ее основной компонент - социальные учреждения, предоставляющие широкий спектр социальных услуг несовершеннолетним, оказавшимся в сложных жизненных ситуациях. В Приморском крае в социальной помощи и поддержке нуждаются 9186 несовершеннолетних из 4724 неблагополучных семей. В Приморье существует 20 учреждений социального обслуживания семьи и детей, деятельность которых в большей степени направлена на оказание помощи детям, находящимся в трудной жизненной ситуации. В г. Владивостоке по данным на 2011 г., из 655 детей, состоящих на учете в ОРСД (отделе по работе с семьей и детьми), три существующих на сегодняшний день СРЦ могут принять только 254 человека. Это объясняет необходимость создания нового центра с учетом достоинств и недостатков существующих.

Социально-реабилитационные центры – относительно новые типы учреждений в России, которые начали появляться в нашей стране около 14 лет назад. Основное предназначение СРЦ – психолого-педагогическая реабилитация детей из неблагополучных семей, включающая также работу с такими семьями.

В г. Владивостоке в настоящее время функционирует СРЦ "Парус Надежды", территория которого обладает прекрасными условиями для реабилитации детей. Он расположен на побережье Амурского залива в лесопарковой зоне, что способствует оздоровлению. СРЦ оборудован детскими площадками и необходимыми помещениями, но, к сожалению, у учреждения нет дневного стационара, дети сами не могут добираться до центра по причине его отдаленности, к тому же центр рассчитан на ограниченное количество мест и не все дети, нуждающиеся в реабилитации, имеют возможность получить ее в этом центре. Анализ существующих в Приморье СРЦ и их функционально-планировочных решений выявил несколько значительных недостатков:

1. Социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних и приюты устраивают в существующих зданиях, а, следовательно, в них сложно организовать правильную взаимосвязь помещений. При организации СРЦ и приютов в приспособленных зданиях практически нет возможности устроить быт и проживание детей-сирот по семейному принципу, который в последнее время приобретает популярность. Отмечается нефункциональная взаимосвязь помещений различного назначения:

- нерациональная организация спальных помещений (дети разных возрастов находятся вместе, спальни рассчитаны на 10-15 человек, что не способствует психологическому отдыху детей);

- нет функциональной взаимосвязи учебных классов и кабинетов педагогов, специалистов по работе с детьми;

- совмещение спален и игровых комнат для детей дошкольного возраста.

2. Существующие СРЦ имеют планировку коридорного типа, отсюда наличие тёмных протяженных рекреаций. Это ухудшает ориентацию в здании и неблагоприятно влияет на психику ребёнка.

3. Здания и помещения СРЦ недостаточной площади, что не позволяет принимать необходимое количество детей одновременно.

4. Отсутствие необходимых помещений различного характера.

5. Отсутствие спортивных площадок.

Особое место в реабилитации несовершеннолетних должно уделяться оздоровительному направлению. Существенное значение для полноценного оздоровления детей имеет правильная организация их двигательного режима. Эффективным физическим оздоровлением является использование таких видов спорта как лыжи, игра в хоккей, катание на коньках, летом – плавание, баскетбол, футбол. Для этого необходимо оборудование СРЦ спортивными площадками, стадионами и летними игровыми площадками.

Все вышеизложенные недостатки Владивостокских СРЦ исходят из несоответствия "Рекомендациям по проектированию социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних", в которых прописаны нормы по обеспеченности СРЦ необходимыми помещениями и оборудованием. Социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних и приюты устраивают в существующих зданиях. В связи с реконструкцией зданий и приспособлением их под новую функцию, они не в полной мере отвечают требованиям, предъявляемым к СРЦ.

Жизненные и бытовые процессы в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних устраиваются по устаревшему стереотипу «коллективного воспитания». Согласно государственной программе, детские сиротские учреждения должны быть организованы таким образом, чтобы условия проживания в них детей максимально приближались к семейным. Поэтому будет логичным учесть это обстоятельство при разработке новых архитектурно-планировочных типов СРЦ.

Работники социальных учреждений в один голос подтверждают необходимость реформирования системы учреждений реабилитации несовершеннолетних и их семей. Психологи и социологи требуют новых форм и принципов организации реабилитационной деятельности.

На базе опроса социальных работников выявилось несколько необходимых нововведений в процесс реабилитации:

а) *Включение в процесс реабилитации специалистов разных профилей.* В развитии сети социально-реабилитационных учреждений "комплексность" и "многофункциональность" - залог успеха. Целесообразно было бы помимо трудовой реабилитации (мастерские и т.п.) проводить и культурно-просветительскую реабилитацию. СРЦ должен включать кружки дополнительного образования (художественного и научного). Важно пересмотреть функционально-планировочные схемы СРЦ по принципу "комплексной реабилитации". Данное обстоятельство диктует определенные требования к функциональному зонированию и архитектурным решениям подобных центров. Необходимо организовать максимальную взаимосвязь помещений для работы специалистов различных направлений. Такое решение позволяет, во-первых, поддерживать и совершенствовать профессиональный уровень специалистов, осуществляющих конкретную специализированную реабилитационную помощь. Во-вторых, работа нескольких специалистов одного профиля с детьми в одном помещении способствует максимальному исключению тактических и методических ошибок. В-третьих, одновременная работа нескольких реабилитантов со схожими проблемами в одном помещении дает значительный групповой психотерапевтический эффект.

б) *Включение родителей в процесс реабилитации.* Включить в состав СРЦ отделения по работе с семьей, "родительских гостиных" - важного направления в реабилитационной работе.

в) *Включить детей из благополучных семей в процесс реабилитации.* Еще одно новшество, которое следовало бы внедрить в реабилитационную работу - это интеграция детей, находящихся в социально опасном положении, в круг детей из благополучных семей, тем самым решается проблема их социализации. Для этого необходимо еще одно условие работы социально-реабилитационного центра: привлечение всех желающих детей и подростков в кружки и на дополнительные занятия, в спортивные секции и т.п. Практика совместного обучения и досуга детей разного социального положения дает положительные результаты за границей. На международной конференции во Владивостоке в 2009 г. специалисты из Нидерландов, Мальты и Швеции рекомендовали именно такой способ реабилитации. Это еще одно направление, которое позволит СРЦ стать не только реабилитационным, но и полноценным центром дополнительного образования и досуга для всех детей.

Эффективные социальные службы ощутимо снижают уровень социального неблагополучия в самых разных его проявлениях, содействуя тем самым социальному и экономическому развитию страны. Таким образом, улучшению ситуации в области функционирования СРЦ поможет:

1. Контроль над соблюдением существующих норм и требований к проектированию СРЦ.

2. Определение требований к дополнительным зонам и помещениям, служащим обеспечению удобного функционирования по принципу "комплексной реабилитации" за счет привлечения различных специалистов узкого профиля, включения в процесс реабилитации родителей и детей.

3. Составление новых компоновочных схем, моделей организации жизнедеятельности воспитанников СРЦ, схем функциональной взаимосвязи помещений и схемы зонирования отдельных блоков социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних.

И. В. Крюков

Деятельность добровольно-спортивных организаций и их вклад в военную подготовку гражданского населения дальнего Востока РСФСР в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

В СССР физкультурное движение получило свое развитие в 1930-е гг. Данное движение носило массовый характер, в него были вовлечены все социальные и возрастные группы. Спортивной работой с населением занимались Добровольно-спортивные общества (ДСО).

В годы Великой Отечественной войны Добровольно-спортивные общества страны участвовали в подготовке боевых резервов для фронта. Уже 25 июня 1941 г. Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта при Совнаркоме СССР издал приказ «О работе физкультурных организаций по военной подготовке населения». Особое внимание в приказе обращалось на

массовое вовлечение в физкультурные организации молодежи, подготовку из числа физкультурников различных военных специалистов.

Общее руководство военным обучением было возложено на Главное управление всеобщего военного обучения Народного Комиссариата обороны. 23 сентября 1941 г. Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при СНК СССР издал приказ «О работе физкультурных организаций в связи с введением всеобщего военного обучения», обязав их выделить наиболее квалифицированных специалистов в распоряжение органов Всеовбуча, Осоавиахима, Советского общества красного креста и красного полумесяца, Российского общества красного креста для организации и проведения занятий по военно-спортивной подготовке населения. На комитеты по делам физической культуры и спорта на местах и ДСО возлагались задачи по организации военизированных игр, оказанию помощи учебным заведениям. В спортивных обществах обучение включало в себя изучение различных видов техники, вооружения, стрельбы из боевого оружия и т.д. Это было обусловлено требованиями фронта, нуждающегося в обученных боевых резервах.

К началу войны на Дальнем Востоке действовали такие спортивные общества как «Динамо», «Спартак», «Локомотив», «Крылья Советов», «Молния», «Водник», «Прибой», «Дом Красной Армии» и др. Военно-физкультурная работа на Дальнем Востоке не прекращалась в течение всей войны, несмотря на то, что значительная часть тренерско-инструкторского состава была призвана в действующую армию. Масштабы этой работы видны из следующих данных. За период с 22 июня по 15 декабря 1941 г. Хабаровская физкультурная организация провела более 500 массовых спортивных мероприятий, в которых приняло участие более 64 тыс. человек. 9 октября 1942 г. в Благовещенске состоялись спортивные соревнования по боксу, борьбе, штыковому бою, среди населения и физкультурников. В 1944 г. в Нижне-Амурской области были проведены различные спортивные мероприятия с участием в них около 42,5 тыс. человек. В 1945 г. в Хабаровском крае были проведены соревнования по баскетболу, в них приняли участие комсомольцы и трудящиеся старших возрастов. В большом количестве физкультурные организации Хабаровского края стали готовить из допризывной молодежи для действующей армии шоферов и мотоциклистов. Хабаровский краевой автотоклуб за первые 6 месяцев войны подготовил более 300 шоферов I-III классов, 123 шофера-любителя и 450 мотоциклистов.

Воспитанники спортивных обществ участвовали в спортивных и профсоюзно-комсомольских кроссах, военизированных походах, которые ежегодно проводились в стране. В кроссе, проводившемся летом 1943 г. в Хабаровском крае приняло участие свыше 136 тыс. человек, а в весенне-летнем комсомольско-профсоюзном кроссе в Амурской области приняло участие более 14 тыс. молодых людей. В 1945 г. в Магадане физкультурно-спортивными объединениями были проведены комсомольско-профсоюзные летние кроссы, а

также соревнования по военному троеборью, в котором участвовали армейские спортсмены.

В связи с климатическими и географическими особенностями региона спортивные общества большое внимание уделяли проведению лыжных соревнований. В годы войны в Хабаровском крае возник новый вид спорта – мотогонки с буксировкой лыжника.

В условиях военного времени физкультурно-спортивные общества усилили свое внимание к подготовке значкистов по физкультурным комплексам «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) и «Будь готов к труду и обороне» (БГТО). В Приморском крае за 1941-1944 гг. сдали нормы ГТО I ступени 17 тыс. человек, БГТО – 8 тыс. человек. В Хабаровском крае за 1941 – 1945 гг. сдали нормы ГТО I ст. более 85 тыс. человек и ГТО II ст. около 3 тыс. человек. За эти же годы в спортивных обществах было подготовлено 2,5 тыс. общественных инструкторов. Многие значкисты ГТО и физкультурники Дальнего Востока были призваны в армию или добровольно ушли на фронт, где хорошо показали себя в боях. Героями Советского Союза стали лучшие физкультурники - воспитанники спортивных обществ Хабаровского края: лыжник Е. Дикопольцев, чемпион Амурской области по легкой атлетике Г. Губкин, легкоатлет из Николаевска-на-Амуре Г. Попов и др.

Большое место в военно-физкультурном воспитании отводилось работе с допризывной молодежью. В связи с этим СНК СССР 24 октября 1942 г. принял постановление «О начальной и допризывной военной подготовке учащихся 5-10 классов и средних учебных заведений». А с 1 сентября 1943 г. постановлением СНК СССР была введена начальная военная подготовка в учебных заведениях трудовых резервов. За первый год действия данного постановления в Хабаровском крае в школах прошли обучение военному и физкультурному делу всего 177 тыс. учащихся. Кроме того, 9,5 тыс. учащихся ремесленных училищ, школ ФЗО и институтов прошли военную подготовку по программе всевобуча. Учащиеся, также как и взрослое население страны, обучались по нормам БГТО, ГТО I и II ступени.

В ходе Великой Отечественной войны ДСО смогли подготовить большое количество физкультурников и военных специалистов, параллельно укрепляя свою материально-техническую базу. В Хабаровском и Приморском краях к 1945 г. насчитывалось 28 спортивных площадок, 31 спортивный зал, 27 водных и спортивных стадиона, 32 спортивных добровольных общества и т.д.

К числу недостатков в работе ДСО в годы Великой Отечественной войны относились: отсутствие базы, изношенность спортивного инвентаря, нехватка инструкторов и тренеров и др.

Физкультурные организации Дальнего Востока в период военного времени внесли весомый вклад в подготовку населения для пополнения действующей армии. Воины-спортсмены, а также граждане, прошедшие подготовку в

добровольно-спортивных обществах Дальнего Востока, достойно защищали Родину на фронтах Великой Отечественной войны.

Т. А. Орнацкая

**Деятельность Советского государства по обеспечению безопасности
Дальнего Востока с помощью иррегулярных сил (1931-1945 гг.):
к постановке проблемы**

Одним из решающих факторов победы над японским фашизмом в ходе Второй мировой войны явилось наличие разведывательных данных об уровне подготовки противника, местах дислокации войск, организации поставок оружия и т.п. Свой вклад во всеобщее дело разгрома врага внесли и органы государственной безопасности СССР, которые решали важнейшие задачи в ходе войны, в том числе и в тылу Квантунской армии.

Еще в феврале 1925 г. решением Политбюро ЦК РКП (б) признавалось целесообразным организовать на нашей территории строго законспирированные небольшие боевые группы с необходимым вооружением, которые планировалось использовать для дезорганизации вражеского тыла и партизанской войны в случае занятия нашей территории противником [Шинин 2006: 145]. В последующем, эта работа была свернута, поскольку возобладавшая доктрина не признавала возможности ведения войны на территории СССР. Еще в апреле 1927 г. Политбюро приняло решение не допускать формирование партизанских отрядов на территории СССР. Однако в июне того же года Председатель Реввоенсовета К.Е. Ворошилов направил в Политбюро записку, в которой отметил, что обостряющееся международное положение заставило поднять вопрос о создании диверсионных организаций на территории наших противников.

С началом советско-китайского конфликта в 1929 г. дальневосточным органам ОГПУ была дана директива – формировать специальные отряды из китайцев и корейцев, вооружать их, снабжать амуницией и провиантом несоветского производства. Отряды и группы комплектовались стрелковым оружием российского и иностранного производства, а также взрывчатыми материалами. В состав всех формирований включались радисты, прошедшие подготовку в специальных школах в Хабаровске или Иркутске.

Окупировав в 1932 г. Маньчжурию, японцы начали не только захватывать одну за другой южные провинции Китая, но и готовились к нападению на СССР. Созданная на севере Китая Квантунская армия постоянно проводила разведку боем. Поэтому противостояние японской разведке на Дальнем Востоке оказывали территориальные органы государственной безопасности Приморского и Хабаровского краев.

До второй половины 1930-х гг. организация партизанской борьбы против агрессоров была прерогативой высших и местных партийных и советских

органов. В определенной степени эта функция возлагалась на военное командование и органы государственной безопасности. Начиная с 1932 г. стали создаваться школы подготовки кадров для партизанской и диверсионной деятельности. Школы являлись совершенно секретными объектами и подлежали зашифровке не только от населения, но и от сотрудников органов государственной безопасности, не имевших к их деятельности непосредственного отношения.

Во второй половине 1930-х годов организацией и проведением активных мероприятий в Дальневосточном регионе в основном занимались пограничные органы при содействии разведывательных подразделений территориальных органов госбезопасности. Выполнение особых заданий по ограничению деятельности японской разведки осуществлялось только с санкции начальника пограничных войск НКВД СССР, по представлению начальника пограничных войск округа, согласованному с начальником УНКВД Дальневосточного края.

Несмотря на подписанный весной 1941 г. советско-японский пакт о нейтралитете сроком на пять лет, Японское правительство не оставляло планов нападения на Советский Союз. В июле 1941 г. японский Генеральный штаб разработал план «Кантокуэн», была усилена разведывательная и террористическая деятельность на территории советского Дальнего Востока. После войны стали известны многие документы о подготовке Квантунской армии к войне с СССР и планы «освоения» советской территории. Так, например, в «Плане управления территориями в сфере сотрудничества Великой Восточной Азии», разработанном военным министерством и министерством колоний Японии к началу 1942 г., указывалось, что Приморье должно быть присоединено к Японии, районы, прилегающие к Маньчжурской империи, должны быть включены в сферу влияния этой страны, а Транссибирская железная дорога должна быть отдана под полный контроль Японии и Германии, причем пунктом разграничения между ними был Омск [Медведев 2000].

С началом Великой Отечественной войны на органы государственной безопасности были возложены задачи по выявлению военно-стратегических планов врага, организации борьбы с его спецслужбами, ограждению частей Красной Армии, партизанских формирований, оборонных объектов от проникновения шпионов, диверсантов и террористов, организации разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы. Органы государственной безопасности в тыловых районах обязаны были во взаимодействии с органами внутренних дел ограждать от противника военные, промышленные и транспортные объекты, электростанции, узлы и линии связи, оказывать содействие в работе оборонных предприятий.

Сотрудники органов госбезопасности помогали партийным и советским органам в формировании партизанских отрядов и групп, их обучении и оснащении, организации связи, в подготовке кадров, закладке скрытых баз с

запасами материальных средств в районах намечаемых действий, в создании конспиративной сети подполья в населенных пунктах и т.д.

В отличие от регулярных войск партизанские формирования не имели постоянных баз снабжения, обеспечивавших систематический приток необходимых материальных средств. Создание партизанских отрядов имело свои особенности – они создавались местными партийными и советскими органами, формирование шло параллельно с обучением личного состава в специальных партизанских школах из военнослужащих и чекистов; существовали группы специального назначения, направленные по линии командования Советской Армии и органов государственной безопасности; в тылу противника создавались партизанские формирования подпольными партийными организациями [Андиранов 1984].

Перед дальневосточными сотрудниками государственной безопасности была поставлена задача по ведению дезинформирования противника о работе объектов оборонной промышленности и железнодорожного транспорта, о воинских перевозках, обстановке в тылу и т.д. [Коровин 2001].

Изучение деятельности органов госбезопасности в тылу японских фашистских войск стало возможным на качественно новом уровне лишь с 1990-х гг., когда исследователи получили доступ к необходимым архивным материалам. Значительное расширение источниковой базы за последнее десятилетие сделало актуальной задачу проведения фундаментального комплексного исследования деятельности чекистских органов в тылу Квантунской армии. Новая ситуация позволяет объективно и научно обосновать деятельность органов госбезопасности СССР на территории Маньчжоу-Го.

С этим связана и необходимость обозначить проблему иррегулярных войск как феномена, раскрыть их роль в борьбе с врагом. В отечественной историографии заявленная проблема до последнего времени оставалась малоизученной. Среди причин, во-первых, можно назвать господство определенных идеологических установок в историографии советского периода, где о роли чекистов в борьбе с фашистским блоком не принято было говорить. Это не позволяло исследователям полноценно изучать участие работников НКВД-НКГБ в организации иррегулярных войск и объективно освещать всю полноту проблем, связанных с деятельностью органов госбезопасности СССР. Официальная идеология не могла допустить, что партизанское движение, как одна из форм непостоянных соединений организовывалось кем-то другим, а не коммунистической партией. Во-вторых, это засекреченность источников по изучаемой проблеме. В-третьих, специфика работы органов безопасности, руководство и сотрудники которых не были заинтересованы в раскрытии форм и методов деятельности, проводимой на территории, контролируемой противником.

**Рабочая молодежь промышленности Сибири и Дальнего Востока
в 1941–1945 гг.: оценка динамики количественных изменений**

В годы Великой Отечественной войны Сибирь и Дальний Восток стали одними из крупнейших тыловых регионов, внесших значительный вклад в укрепление и развитие оборонно-экономического потенциала СССР. Важнейшей составляющей этого потенциала являлась промышленность, переведенная на выпуск продукции для фронта. Основную роль в нем играли подростки и молодые люди в возрасте до 25 лет, впервые пришедшие на производство. Интенсивный приток юношей и девушек на заводы и фабрики оказал существенное влияние на изменение количественного состава рабочих военной индустрии сибирского и дальневосточного тыла. В связи с этим особый интерес представляет выявление динамики общей численности рабочей молодежи промышленных предприятий, размещавшихся в азиатской части РСФСР в 1941–1945 гг.

Выявление количественных изменений в составе молодых рабочих в годы войны является очень сложной научно-исследовательской задачей. Трудности в ее реализации обусловлены бессистемностью и фрагментарностью статистических данных архивных документов, дающих представление преимущественно о количественном составе юношей и девушек, занятых на отдельных заводах, в лучшем случае – в промышленности отдельных регионов или городов. Такое состояние источниковой базы затрудняет объективный анализ динамики общей численности рабочей молодежи сибирской и дальневосточной индустрии в 1941–1945 гг. В данной ситуации остается прибегнуть к весьма приблизительной ее оценке на основе имеющихся в литературе сведений о количестве всех рабочих и доли молодежи до 25 лет в их составе.

За годы войны в количественном составе трудящихся, занятых в промышленности Сибири и Дальнего Востока, произошли значительные изменения. С 1940 по 1943 гг. общая численность рабочих и служащих на предприятиях восточных районов РСФСР выросла с 882,8 до 1173,2 тыс. человек, в том числе Западной Сибири – с 405,1 до 693,0 тыс., в Восточной Сибири – с 252,7 до 262,2 тыс. человек. В это время на Дальнем Востоке она сократилась с 225,0 до 218,0 тыс. человек [Рабочий класс Сибири... 1984: 90; Ткачева 2008: 71]. К 1945 г. количество работников в индустрии азиатской части России выросло до 1219,2 тыс. человек, в частности Западной Сибири – до 703,2 тыс., Восточной Сибири – 286,1 тыс., на Дальнем Востоке – до 229,9 тыс. человек. Следует отметить, что в предвоенные годы более чем три четверти всего промышленно-производственного персонала составляли рабочие. В годы войны их удельный вес в структуре трудящихся в целом, очевидно, не изменился. Опираясь на эти данные, попытаемся оценить динамику численности рабочей молодежи сибирской и дальневосточной промышленности в 1941–1945 гг.

Для того чтобы дать примерную оценку количественной динамике юных тружеников необходимо учитывать изменения в количественном составе всех промышленных рабочих, а также в их молодежной прослойке. В 1940 г. число трудящихся (кроме ИТР и служащих) на предприятиях Сибири и Дальнего Востока составляло около 700 тыс. человек. Молодежь в возрасте до 25 лет составляла примерно треть всех индустриальных рабочих*. Следовательно, накануне войны на заводах и фабриках данных регионов трудилось около 230 тыс. юношей и девушек. В промышленности Западной Сибири было занято примерно 300–325 тыс. рабочих, в том числе подростков и молодых людей – 100–110 тыс. человек, Восточной Сибири – 190–200 и 65–70 тыс., Дальнего Востока – 170–180 и 55–60 тыс. человек соответственно.

В первые два с половиной военных года в промышленном производстве азиатской части РСФСР произошел заметный рост численности трудящихся. К 1943 г. в целом по Сибири и Дальнему Востоку она достигала от 880 до 940 тыс. человек. Наиболее интенсивный количественный прирост контингентов рабочих был характерен для Западной Сибири (до 520–555 тыс.), где отток занятых в индустриальной экономике мужчин в действующую армию был перекрыт эвакуацией населения в города края. Количество тружеников военной индустрии Восточной Сибири (200–210 тыс.) осталось примерно на уровне 1940 г., что обуславливалось более слабым притоком мигрантов в данный регион, не позволявшим компенсировать мобилизацию людского потенциала в РККА. Одновременно произошло незначительное сокращение числа работников на предприятиях Дальнего Востока (до 160–170 тыс. человек), вызванное обострением дефицита трудовых ресурсов при отсутствии существенной миграционной подпитки извне. Бурные демографические процессы, протекавшие на востоке страны, способствовали обновлению состава рабочего класса, в частности его омоложению. В 1943 г. доля юношей и девушек в промышленности Сибири и Дальнего Востока в среднем составляла 60% [Докучаев 1973: 328]. С учетом данного показателя к этому времени количество молодых рабочих в ней увеличилось приблизительно до 530–560 тыс. человек, в том числе на заводах Западной Сибири – до 310–330 тыс., Восточной Сибири – до 120–125 тыс., Дальнего Востока – до 95–105 тыс. В целом в первые два с половиной года войны численность этих отрядов рабочей молодежи по сравнению с уровнем 1940 г. существенно выросла.

В последние полтора года войны количественный состав тружеников сибирской и дальневосточной промышленности оставался относительно стабильным. К 1945 г. их численность достигла 915–975 тыс. человек, в том числе в Западной Сибири – 530–560 тыс., Восточной Сибири – 215–230 тыс. и на Дальнем Востоке – 170–185 тыс. человек. В Сибирском регионе (особенно в его западной части) отсутствие заметных изменений в количестве рабочих обуславливалось реэвакуацией населения в освобожденные районы СССР, которая уравнивалась притоком трудоспособных

* В 1940 г. доля молодежи в возрасте до 25 лет среди сибирских рабочих составляла от 31,6% в Кузбассе до 36,8% в Иркутской области.

мигрантов в крупные города края. Отток занятого населения из восточных районов страны являлся одним из основных факторов сужения прослойки молодежи в составе рабочего класса. К началу 1945 г. ее доля на предприятиях, действовавших в азиатской части РСФСР, сократилась до 38,2%, в том числе в Западной Сибири – до 39,6%, Восточной Сибири – 37,1%, на Дальнем Востоке – до 33,2%*. С учетом этих показателей к концу войны общая численность рабочей молодежи, занятой в промышленности Сибирского и Дальневосточного регионов, уменьшилась примерно до 370–390 тыс. человек. В это время в военной индустрии Западной Сибири было занято 210–225 тыс. юношей и девушек, Восточной Сибири – около 90 тыс., Дальнего Востока – 70–75 тыс. Следовательно, к 1945 г. численность этих отрядов юных тружеников тыла по сравнению с 1943 г. заметно сократилась.

Таким образом, проведенное исследование позволяет дать приблизительную оценку динамике количественных изменений в составе рабочей молодежи промышленности Сибири и Дальнего Востока в военных условиях. Во втором полугодии 1941 – 1943 гг. в восточных районах РСФСР общая численность молодых рабочих выросла более чем в два раза (по сравнению с 1940 г.), в 1944 – первом полугодии 1945 гг. – сократилась в 1,4 раза (по сравнению с 1943 г.). Этот вывод в перспективе может быть скорректирован в результате введения в научный оборот статистических данных, позволяющих по-новому оценить численную динамику юных тружеников на предприятиях сибирского и дальневосточного тыла.

А. А. Савчук

Роль данных венерических диспансеров в изучении проституции во Владивостоке в первой половине 1920-х гг.

Основанный как портовый город, Владивосток в самом начале своего существования столкнулся с рядом проблем, связанных с формированием городского населения: диспропорция мужского и женского населения, большой поток матросов разных национальностей, проходивших через порт, наличие азиатских мигрантов, преимущественно мужского пола. Все эти факторы привели к формированию рынка проституции, который во Владивостоке был довольно разнообразным: традиционные публичные дома с европейскими женщинами, японские и китайские «чайные домики» с гейшами и танцовщицами, регламентированные и тайные проститутки-одиночки. В свою очередь, рынок проституции способствовал распространению венерических заболеваний среди населения города. Лечебная помощь оказывалась только регламентированным проституткам больницей врачебно-полицейского комитета, куда они направлялись для стационарного лечения, остальные граждане были вынуждены лечиться у частнопрактикующих врачей или

* Рассчитано по: Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. С. 392–393.

пользоваться услугами отечественных или китайских знахарей. Первая мировая война вызвала отток коренного населения города на фронт, а усилившаяся деятельность порта – прилив нового рабочего элемента из центра, попавшего здесь в чрезвычайно благоприятные условия для заражения венерическими болезнями.

В первой половине 1920-х гг. ситуация усугубилась. Проституция из регламентируемой стала подпольной, часто женщины prostituировали ради приработка к основному жалованию. После отмены регламентации учет проституции стал возможен только благодаря косвенным показателям. Основным источником для выяснения численности проституток стали сведения о числе дел, возбужденных против содержателей притонов. Ещё одним путем выявления числа проституток стали сведения из венерических диспансеров, где больные сифилисом и прочими венерическими болезнями должны были указывать на источник заражения. Ненадежность этого источника в том, что далеко не все мужчины признавали, что имели дело с проституткой, а иногда пользовались услугами тайных проституток, позиционировавшихся впоследствии как «случайные знакомые». При общем уменьшении доли профессиональных проституток, участвовавших в заражении, можно наблюдать рост численности знакомых и незнакомых женщин, часть из которых (причем применительно к категории незнакомые женщины — большая часть) вполне могла прибегать к проституции как к подсобному промыслу.

Большинство женщин не обращалось к врачу для профилактического осмотра, поэтому болезни выявлялись на поздних стадиях, когда проститутки уже успевали заразить своих клиентов, а те – своих жен. Последние, в свою очередь, могли передать заболевание своим детям во время беременности или при грудном вскармливании, что вело к появлению врожденных заболеваний сифилисом у детей.

Наибольшее число заболеваний в кожно-венерологических здравниках составляли кожные болезни. Так, в 1924 г. в двух амбулаториях Владивостока пациенты с кожными заболеваниями составляли 65% от общего числа заболевших. К кожным заболеваниям относятся экзема, псориаз, дерматиты, грибки рук и стоп и ряд других болезней. Это бытовые заболевания, передающиеся через предметы быта в условиях общей антисанитарии в жилых помещениях и в общественных местах, например, банях.

Второе место занимали венерологические заболевания, к которым в первой половине 1920-х гг. относили сифилис (люэс) и гонорею. Именно эти заболевания наравне с кожными фигурируют в отчетах кожно-венерологической амбулатории Матросской слободки, Пушкинского Рабочего кожно-венерологического здравника и Приморского губернского кожно-венерологического здравника в первой половине 1920-х гг. Наиболее распространенным заболеванием была гонорея (триппер, перелой). Гонорея относится к венерическим заболеваниям и передается половым путем, реже –

через предметы обихода (белье, мочалки, полотенца). Как правило, гонорея сопутствует другой инфекции, например, сифилису. Заражение сифилисом может произойти тремя путями: половым путем, бытовым путем (через использование общих бритв или зубных щеток или через посуду, если заболевание вошло уже в третью стадию и у больного появились открытые язвы) или являться наследственным. Кроме проституции распространению сифилиса способствовали неблагоприятные бытовые условия: скученность, антисанитария, отсутствие элементарной гигиены и практически полная медицинская безграмотность населения. Ситуация осложнялась тем, что лекарства от сифилиса не производились в России, а покупались за границей. Как и на весь ввозимый товар, на них была введена пошлина, которая затрудняла обеспечение населения лекарствами. В отчетах венерологических здравников предлагалось отменить пошлину на ввозимые лекарства, так как экономическая польза от лечения покрывает все вынужденные расходы. «Луэтик (сифилитик – А.С.) тем скорее будет трудоспособным, и тем реже впоследствии будет лечиться, чем интенсивнее проведет лечение в начале, и близоруко было бы видеть здесь дороговизну, которой, в сущности, нет», - отмечалось в отчете кожно-венерологической амбулатории Матросской слободки и Пушкинского Рабочего кожно-венерологического здравника.

По данным Приморского губернского кожно-венерологического здравника за 1924 г. было зарегистрировано 1064 больных сифилисом, из них 736 мужчин (69,1%), 280 женщин (24,6%) и 48 детей (4,5%). По способу заражения больные распределялись следующим образом: половое заражение – 658 человек (61,8%), бытовое – 60 человек (5,6%), путь заражения неизвестен – 346 (32,6%) и врожденный сифилис – 48 человек. Неизвестный путь заражения, как правило, указывал на половое заражение, которое заболевшие по ряду причин предпочитали отрицать.

Источниками заболеваний у мужчин были признаны случайные связи с тайными проститутками, принимавшими клиентов в притонах и борделях (например, в районе Миллионки), гостиницах, меблированных комнатах, столовых, притонах, у себя на квартирах и просто под открытым небом. Именно они давали большинство свежих заболеваний сифилисом: например, в 1924 г. из 104 случаев полового заражения 61 мужчина сознался в заражении от проститутки в пьяном виде.

По Приморскому губернскому кожно-венерологическому здравнику число заболевших в 1920 – 1924 гг. выглядело следующим образом: 1920 г. – 2709 человек, 1921 г. – 3615 человек, 1922 г. – 4451 человек, 1923 г. – 3721 человек, 1924 г. – 3721 человек. Значительный рост числа заболевших в 1922 г. связан, по видимому, с концентрацией во Владивостоке сначала японских солдат и белоэмигрантов, а потом – частей Красной Армии, наложившейся на неблагоприятную санитарно-гигиеническую обстановку в городе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что данные венерологических диспансеров во Владивостоке первой половины 1920-х гг. могут быть использованы не только как сведения о числе заболевших и тех заболеваниях, от которых лечилось население города, но и являться косвенными данными о развитии проституции в городе.

М. К. Щукина

Исследование гендерного насилия в г. Владивостоке

Ежедневно миллионы людей по всему миру становятся жертвами насилия, которое остается одной из наиболее серьезных проблем современности.

Насилие определяют как применение физической силы или других средств дающих физическое превосходство, с целью причинения боли, нанесения травм, повреждений или смерти человека или общности людей. Насилие весьма многообразно по своим формам: физическое, психическое, сексуальное, экономическое – это лишь немногие из его проявлений. В данном исследовании рассмотрено сексуальное и физическое насилие, исследование проводилось в г. Владивостоке.

Чаще всего насилие определяют как нанесение физического или иного ущерба, принуждение человека или общности людей к чему-либо. В такой ситуации одна сторона – агрессор, а другая – жертва. В свою очередь, гендерное насилие – это насилие одного человека по отношению к другому на основании полового признака. Чаще всего объектом гендерного насилия становятся женщины.

Несмотря на широкую разработанность темы, проблема гендерного насилия остается весьма актуальной, причиной тому могут быть несколько обстоятельств, которые необходимо учитывать, рассматривая данный вопрос.

Хорошая разработанность темы еще не говорит об улучшении осведомленности населения по этому вопросу и не гарантирует каких-либо реальных изменений в жизни людей, ставших жертвами насилия.

Так результаты анкетирования среди жителей г. Владивостока, проведенного в 2011 году, показали, что 95% опрошенных женщин не знали, что угрозы, оскорбления, унижения, нанесения телесных повреждений со стороны своих партнеров относятся к действиям насильственного характера и как результат, многие не осознавали, что на протяжении длительного периода времени жили в ситуации насилия. Большинство мужчин, принявших участие в анкетировании, не отнесли к насилию в отношении женщин: толчки, плевки, шлепки, пощечины, бросание предметами, нанесение ударов руками и ногами – всё это, по мнению большинства респондентов, к насилию отнести нельзя. В то время как любая брань и любые агрессивные физические действия со стороны женщины большинство мужчин отнесли к насилию. Женщины ж, за редким исключением, насилием считали причинение только тяжкого вреда здоровью.

На вопрос: «Что вы подразумеваете под «причинением тяжкого вреда?» женщины отвечали неопределенно, часто уклончиво. Ссадины, порезы, ушибы и синяки большинство респондентов не посчитали насилием.

Еще одно обстоятельство, которое необходимо учитывать при исследовании гендерного насилия – это регион, в котором проводится исследование. Так, по результатам анкетирования и интервьюирования, проведенного среди жителей г. Владивостока и Приморского края, можно сделать вывод, что для Дальневосточного региона особое значение имеет изучение такого проявления насилия, как торговля людьми.

Торговля людьми это осуществляемая в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью с целью получения одним человеком контроля над другим человеком для дальнейшей его эксплуатации.

Установлено, что в России несколько десятков тысяч человек ежегодно становятся жертвами торговли людьми, большая часть которых – женщины. Используют «рабов» для разных целей, мужчины чаще всего выполняют тяжелую физическую работу, а женщины становятся секс-рабынями. И те и другие могут стать донорами органов, перевозчиками наркотиков, использование человека в данном случае ограничивается лишь фантазией работодовца.

Чаще всего торговцы людьми вывозят «живой товар» за рубеж, предлагая девушкам работу гувернантки, официантки, модели, а также предлагая обучение на языковых курсах и возможность удачно выйти замуж за иностранца. Так, во многом из-за незнания и доверчивости, многие женщины оказываются в ситуации насилия и эксплуатации за рубежом. Приморский край также стал налаженным каналом транспортировки людей за границу. Так, девушек из Приморского края чаще всего транспортируют в Китай, Японию, Южную Корею и не только, о подобных случаях писали многие печатные издания г. Владивостока.

Проблема торговли людьми приобрела огромный масштаб во всем мире. Однако интервьюирование, проведенное в г. Владивостоке, показало незаинтересованность представителей правоохранительных органов в разрешении данного вопроса, что не исключает того факта, что торговля людьми в Приморском крае уже давно имеет свои налаженные каналы транспортировки людей за границу с целью их дальнейшей эксплуатации. Основными маршрутами вывоза людей, в первую очередь – женщин – являются европейский (в страны Европы), ближневосточный (в страны Ближнего Востока и Израиль), южно-азиатский (в Японию и Китай). Закрытость темы обусловлена глубокой криминализированностью торговли людьми. Она поддерживается криминальными организациями, играющими определяющую роль в данном бизнесе. Как сектор теневой экономики, торговля людьми приносит

колоссальные доходы ее владельцам. Рассмотрение торговли людьми как явления, поддерживаемого преступными группами, позволяет понять скрытые механизмы его поддержания и объясняет причины его замалчивания.

Несмотря на все трудности в изучении вопроса, во всем мире ведется борьба с насилием. Опыт, полученный Россией в результате взаимодействия с другими странами, позволяет значительно продвинуться в этой борьбе. Сегодня в России возникают центры психологической помощи, медико-психологической реабилитации, социальные приюты, «телефоны доверия» и «горячие линии» для оказания помощи жертвам насилия.

В. В. Старогородцева

Научно-теоретическое осмысление вопросов пограничной безопасности в Дальневосточном Федеральном округе: история и перспективы

XXI век – это время коренных изменений в мире, период переоценки ценностей и расстановки приоритетов. На данном этапе мы имеем не только кардинально другой (по отношению к XX в.) государственный строй, изменилась в целом расстановка сил в мире, появились новые вызовы и угрозы безопасности России и отдельным ее регионам. Особенно, это касается Дальнего Востока – единственного региона, являющегося полностью приграничным. Следовательно, особую актуальность здесь приобретает вопрос охраны государственной границы.

«Одним из условий обеспечения национальной безопасности является надежная защита и охрана государственной границы Российской Федерации» - одна из главных задач Пограничной службы Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Сегодня необходима выработка новых подходов к теории организации деятельности службы с целью повышения ее эффективности. Без научно-теоретического обобщения складывающихся тенденций, качественных изменений не произойдет. Решение этих задач во многом зависит как от учета исторического опыта становления и развития Пограничной службы, так и от изучения того, каким образом, наряду с этим, происходил процесс накопления и совершенствования знаний в этой области.

Изучение историографии вопроса, в данном контексте, играет немаловажную роль. Потребность в подобных историографических исследованиях появилась в ответ на следствия этих изменений: на хлынувший поток различного рода публикаций, порой не имеющего ничего общего с реальным положением дел; на постоянно учащающиеся попытки переписать историю под новые политические условия. Кроме того, в истории деятельности сегодняшней пограничной службы, есть и свои «белые пятна», которые необходимо изучить и дать им объективную оценку. Все эти задачи и призвано решить историографическое исследование.

Если рассматривать проблему научно-теоретического обобщения истории пограничной деятельности в Приморье, то следует отметить, что эти вопросы находили и находят определенное освещение в разного рода литературе и публикациях. Они несут в себе довольно большой объем знаний по истории развития и становления пограничной деятельности в Приморье. Как бы мы сегодня не относились к своему советскому прошлому и партийным деятелям того времени, в ключе вышеизложенного, довольно логичным будет здесь привести слова В.И.Ленина, который отмечал необходимость: «...подводить итоги, делать выводы, почерпнуть из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра...». Однако историографические исследования по пограничной проблематике практически отсутствуют. Единственным, на наш взгляд, действительно историографическим исследованием является монография Чабана П.И., которая, несмотря на некоторый идеологический уклон, действительно дает представление о процессе накопления и совершенствования знаний в области истории пограничных войск периода 1941 – 1981 гг. Среди прочего в своем труде автор неоднократно обращает внимание на проблему отсутствия историографических работ в области пограничной истории и, как следствие, на негативное влияние этого явления на пограничную историческую науку в целом. Подобная тенденция сохранилась до сегодняшнего дня. Если же говорить об историографических исследованиях применительно к нашей теме, то их и вовсе нет.

Когда мы обращаемся к истории пограничной деятельности в Приморье, у большинства в памяти всплывают такие ее страницы как освоение края и привлечение казаков на охрану границы, иностранная интервенция, конфликт на КВЖД 1929 г., бои у озера Хасан в 1938 г., война с Японией в 1945 г., конфликт на о. Даманский в 1969 г. Но сводить историю зарождения и развития пограничной охраны только к этим событиям было бы не совсем верно, и более детальное изучение вопроса именно в историографическом разрезе это показывает.

Основная задача здесь состоит не в том, чтобы донести лишь правду, а в том, чтобы показать, каковой она являлась для авторов, рассмотренных нами исторических трудов, как менялись приоритеты и взгляды на рассматриваемую проблему с течением времени. Историография, таким образом, выступает своего рода памятью истории.

Историческое знание, как весьма сложный процесс, находится в постоянном движении и изменении. Поэтому смена идей и концепции, методов и подходов к изучению неизбежна. Историографический процесс тем более предполагает накопление и преемственность знаний. Достигнутый результат – лишь основа для более тщательного изучения того или иного явления, возможно на базе новых подходов в методологии.

Историография пограничной деятельности в Приморье берет свой отсчет в XIX в. и неразрывно связана с вопросом освоения Дальневосточного края и

установления здесь государственных границ Российской империи. Именно к этому периоду следует отнести не только создание специальных институтов, осуществляющих пограничную деятельность в этом регионе, но и зарождение историографии, как первой попытки зафиксировать и осмыслить происходящие события в пограничной сфере. Последовавшие затем революция и гражданская война принесли с собой новый этап в развитии историографии (советский). Не смотря на присущий ему догматический подход в освещении основных проблем истории деятельности пограничников Приморья, именно в это время сложилась методология научного исследования, была определена основная тематика.

К началу нового (российского) этапа, отсчет которого ведется с 1991 г., историография пограничной деятельности в Приморье подошла с новыми научными подходами теоретического осмысления своей проблематики. Именно в 1990-е гг., когда идеологический контроль власти был снят, всплывают многие ранее умалчиваемые факты, открываются архивные документы и выходит множество различных исследований. Вопрос лишь в том, насколько изложенная в них информация соответствует действительности.

Не смотря на существующий огромный пласт работ по нашей теме, столь необходимое сегодня историографическое исследование отсутствует. Подобная ситуация лишь усугубляет нарастающий разрыв между увеличивающимся потоком публикаций и практически полным отсутствием их критической оценки (за исключением изредка появляющихся рецензий на отдельные работы). Основной минус существующих рецензий – явный крен в сторону подчеркивания лишь положительных сторон рассматриваемых трудов. По сути, критическая статья не выполняет свою основную задачу – дать объективную оценку работы, с указанием не только плюсов, но и минусов. Выходящие в свет труды, не опираясь на предшествующий опыт, зачастую посвящены одним и тем же темам, а целый ряд вопросов остается до сих пор не изученным, что, в свою очередь, негативным образом влияет на правильное восприятие истории.

В историографии пограничной деятельности в Приморье одним из малоизученных вопросов остается вопрос деятельности пограничных комиссаров в сложный период освоения и закрепления дальневосточных земель за Российской империей. Наряду с этим довольно много говорится о казаках, участвовавших в охране государственной границы. Таким образом, это приводит к искажению истории и утверждению того факта, что главная роль в освоении Дальнего Востока, его закреплении за Россией, а затем и в охране государственных рубежей, принадлежит именно казакам, тогда как, роль целого института пограничных комиссаров упускается. И таких примеров немало.

В процессе военной реформы, при повсеместном сокращении соответствующих структур, особенно важным является учет исторического опыта, который может максимально уберечь от грубых промахов и ошибок.

Новый геополитический вектор развития, направленный на Азиатско-Тихоокеанский регион, делает Дальний Восток в целом, и Приморье, в

частности, особенно значимым в военном, политическом и экономическом отношениях. Подобная ситуация несет в себе не только положительный импульс для развития края, но и комплекс определенных угроз. Это, в свою очередь, приводит нас к пониманию важности научно-теоретического осмысления пограничной деятельности в Приморье, как основы национальной безопасности страны в Дальневосточном регионе.

А. С. Заколотная

Начальный этап переселения крестьян: причины, основные составляющие процесса. Историко-культурологический аспект

Изучение переселения на Дальний Восток России началось со второй половины XIX в. Однако до настоящего времени не изученными остаются события, непосредственно предшествовавшие переселению.

Основные причины переселения крестьян – экономические. Малоземелье и связанная с ним бедность толкали на поиски новой лучшей жизни. Отрицательно сказывались на экономическом положении крестьян и другие негативные факторы, такие как односторонний состав угодий, отсутствие или недостаток естественных покосов, выгонов, леса, плохое качество почвы, ее бесплодие, размывание удобной площади надела оврагами, занесение ее песками, недостаток водоснабжения, неудобное расположение угодий, иногда отсутствие поблизости земель, способных служить для крестьян арендным фондом, и как следствие высокие цены за аренду земли [Кауфман 1898: 17-18].

Сложившаяся во второй половине XIX в. ситуация подготовила благодатную почву для распространения слухов о «вольных местах». Под «вольными местами» крестьяне понимали все свободные земли: частновладельческие, взятые в аренду, но, главным образом, кабинетные. С течением времени «вольные места» все дальше и дальше отодвигались от Европейской России к границам империи. Крестьяне стали искать свободные земли за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке. Слухи, распространенные среди сельского населения, описывали эти земли весьма заманчиво. Сельское население представляло Сибирь и Дальний Восток страной, изобилующей ценным зверем, рыбой, садами, с беспредельными сенокосами, с плодородным черноземом, где всем переселенцам дают большие деньги, готовые хозяйства, усадьбы, скот, инвентарь.

Подобные слухи распускались среди населения заинтересованными людьми. А. Чарушин отнес к данной категории лиц странников сборщиков на церковь, деревенских адвокатов и «писак». Первые (странники и сборщики на церковь) знали, что за хорошие сведения их лучше накормят и больше дадут подаяния, вторые (деревенские адвокаты, «писаки») надеялись, что «мужики валом повалят прошения писать» [Чарушин 1911: 7]. Различные слухи о привольной жизни в новых местах распространяли «недобросовестные» люди, для того,

чтобы воспользоваться уходом крестьян и дешево купить имущество, которое они распродавали перед отъездом [Соловьев 1897: 23].

Распространению преувеличенных слухов о Дальнем Востоке способствовали и письма от родственников и знакомых, присылаемые с новых мест, в которых они в ярких красках описывали свою жизнь в новом крае, рассказывали про обилие земли, великолепные урожаи и т.д. Однако не всегда эти описания соответствовали действительности. Подобным образом ранее уехавшие люди стремились облегчить свое положение, они надеялись, что новые переселенцы смогут помочь им устроиться на новом месте.

Правительство пыталось сформировать у крестьянского населения более правильные представления о дальневосточном регионе. Издавались брошюры, справочные книжки для переселенцев, в которых описывалась природно-климатические условия заселяемых местностей, ожидавшие новоселов трудности. Однако подобные меры порой давали обратный результат. Описания местностей, приведенные в официальных брошюрах, не совпадали с почерпнутыми из писем родных и односельчан. Крестьяне склонны были видеть в этом заговор «господ».

Задумав переселяться, крестьяне, избегающие уходить самовольно, обращаются к начальству с просьбой о разрешении им переселения. Если разрешение последует, то выбирали ходоков. При выборе общественных ходоков крестьяне руководствовались следующими критериями: они должны быть грамотными, толковыми, рассудительными и добросовестными людьми и непременно принадлежали к числу лиц, которые сами желают переселиться. Избегали выбирать очень бедных, не надеясь на их беспристрастие при выборе земель. Обязанности семейных ходоков несли главным образом старшие члены семьи. Ходокам давали деньги на путевые расходы и еду в дороге. Бывали случаи, когда ходоки присваивали себе всю полученную сумму, находил место только для своей семьи, которую тайно выписывал к себе. Выбрав место, ходоки или возвращались домой, или оставались на участке, чтобы засеять на зиму хлеб, заготовить материал для построек и т.п.

В селах, где намеревалось переселиться значительное число семей, обычно, собирався общий сход, на котором вернувшиеся ходоки делились своими дорожными впечатлениями, сообщали данные об участке, показывали принесенные с собою сорта хлебов, образцы трав и почвы. Достаточно распространенной была ситуация, когда ходоки сообщали противоречивые сведения: одни хвалили жизнь на новом месте, другие – нет. Стоит отметить, что сведения, которые сообщали ходоки, не всегда были достоверными. Нередко в них содержалась ошибочная информация. Это происходило вовсе не потому, что ходоки стремились обмануть своих односельчан, приукрасив или наоборот преуменьшив достоинства нового края. Ходоки рассказывали о том, что им удалось узнать. Но увидеть и узнать им удавалось далеко не все, что нужно, т.к. они приезжали в край ненадолго.

Кроме ходоков, существовала еще одна категория лиц, которая оказывала помощь желающим переселиться крестьянам, - ходатели. Ходатели посылались в губернаторскую канцелярию или даже в Санкт-Петербург для получения сведений о поданном крестьянами прошении на переселение.

Не все члены крестьянской семьи благожелательно относились к решению переселиться. Старшее поколение часто отрицательно относилось к этой возможности и радовалось, когда ходоки приносили негативные сведения о новых местах. Молодежь наоборот положительно смотрело на переселение. Именно поэтому в семьях нередко случались конфликты.

Перед отправкой крестьяне обычно обсуждали, когда им удобнее будет выехать. Чаще всего выбирали весеннее время, осенью или зимой решалось ехать совсем небольшое количество крестьян. Если времени было достаточно, то с продажей имущества не торопились. Однако чаще времени не хватало, и крестьяне вынуждены были продавать свои вещи по бросовым ценам. Распродав все лишнее, крестьяне на вырученные деньги старались приобрести побольше одежды, особенно теплой, и обуви. Крестьянам, если они собирались путешествовать пешком, нужно было также купить 2-3 лошади, в зависимости от размера семьи, и телегу. Приблизительно за неделю до отъезда крестьяне ходили прощаться с родственниками, приглашали их проводить.

Проводы – самое значимое событие для переселенцев, их родственников и односельчан. Если уезжало много семей, то на проводы собиралось почти все жители села. Если в селении была церковь, то в ней служилась обедня. После окончания молебна все расходились по домам на последний обед. Существовал особый порядок проведения этого последнего обеда крестьян в родном селе. После обеда собравшиеся крестились и выезжали со двора. На станции, на которую кроме самих переселенцев обычно также приходили близкие родственники и соседи, опять повторялась сцена прощания. На этом прощание заканчивалось, и крестьяне отправлялись в долгий путь.

Таким образом, начальный этап переселения – это долгий, многоаспектный процесс. Тяжелое экономическое положение крестьянство способствовало распространению в среде сельского населения слухов и мифов о далеких «вольных землях». Источниками информации о местах переселения были рассказы различных лиц, чаще всего в той или иной степени материально заинтересованных в переезде крестьян на новое место. Более достоверные сведения крестьяне получали от ходоков. Сам процесс отъезда из села состоял из ряда последовательных действий, являвшихся частью крестьянской культуры.

И. А. Гончарук

Книжное дело в Стратегии развития Дальнего Востока России

Наряду со Стратегией социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. была сформулирована «Стратегия эффективного развития книгоиздания как фактор развития общества» – доклад, подготовленный Российской книжной палатой к научно-практическому семинару под эгидой Аналитического управления Президента РФ и Российской академии наук «Проблемы перехода России к устойчивому развитию» (29.11. – 01.12.1995). В основе Стратегии – укрепление позиций Дальнего Востока России в Азиатско-Тихоокеанском регионе путем взаимодействия со странами АТР в сфере книжного дела, в первую очередь с такими мощными державами, как Китай, Япония, США, Корея.

Исторический опыт свидетельствует, что состояние книжного дела было определяющей доминантой развития общества на протяжении многих столетий с момента изобретения книгопечатания, послужившего мощным толчком для коренных перемен в жизни человечества: в области науки, культуры, просвещения. По тому, насколько эффективно и масштабно функционирует в той или иной стране книгоиздательский сектор, можно с достаточной степенью уверенности судить об общеэкономической и социально-политической обстановке в этой стране. Книжное дело выступает как один из наиболее действенных и гибких инструментов развертывания международных связей.

В XXI в. Китай становится второй сверхдержавой (после США), и отношения между Россией и Китаем являются важной составляющей процесса интеграции Дальневосточного федерального округа в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сотрудничество в сфере книжного дела является одной из составных частей российско-китайского культурного взаимодействия.

Ведущей организацией в Китае, регулирующей вопросы покупки авторских прав и издания переводной литературы, является Китайское агентство по авторским правам (КААП), созданное в 1988 г. и объединяющее 27 издательских компаний. При посредничестве Агентства было переведено с русского языка и издано около 3000 наименований книг; ежегодно при поддержке КААП в Китае заключается около 100 контрактов на приобретение авторских прав на издание и распространение произведений российских авторов. Агентство поддерживает партнерские отношения с российскими издательскими фирмами «АСТ», «Вече», «Вагриус» и располагает контрактами с 50 менее крупными издательскими компаниями.

Принятый в 2005 г. Пресс-канцелярией Госсовета КНР и Главным управлением по делам прессы и печати КНР «План популяризации китайских изданий за рубежом» предполагает спонсирование иностранных издательств, осуществляющих перевод китайских изданий в соответствии с «Перечнем рекомендованных к переводу изданий». Этот документ может стимулировать российских издателей к переводу и изданию на русском языке литературы о китайской медицине, изобразительном и прикладном искусстве, опыте современного Китая в области проведения реформ.

Отношения между Китаем и США – ось мирового развития в XXI в., и России как партнеру КНР во многих областях, в том числе и в сфере книжного дела, необходимо искать общий язык и с Соединенными Штатами Америки. На сегодняшний день США – единственная евро-тихоокеанская страна в мире, и у России есть все шансы стать второй евро-тихоокеанской державой путем интеграции Дальневосточного федерального округа в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сегодня в США нет ни одного писателя, которого можно было бы сравнить по уровню с Л.Н. Толстым, однако в стране работают тысячи писателей, которые зарабатывают миллионы долларов ежегодно, потому что умеют грамотно продать свой труд, так как литература – такой же товар, как и любой другой.

Проблемой номер один в книжном деле становится сбыт, поэтому возрастает роль литературного агента – специалиста, который мог бы помочь продать автору плоды своего интеллектуального труда. В России институт литературных представителей начал зачат зарождаться совсем недавно и сейчас находится в стадии своего становления. В настоящее время в России действуют лишь несколько филиалов международных литературных агентств, которые занимаются продажей российским издательствам прав на перевод и издание на русском языке произведений иностранных авторов. На сегодняшний день проблема литературных агентств – сильная зависимость от состояния книжного рынка и маленькие авторские гонорары. В отличие от англо-американского рынка в отечественном книгоиздании до сих пор нет литературного агента как обязательного посредника между автором и издателем, а институт литературных агентов только начинает укреплять свои позиции.

Отсутствие налаженной системы авторских прав является главным тормозом на пути устойчивого развития экономики Дальнего Востока России и всей страны в целом. Россия – один из злостных нарушителей авторских прав: по уровню пиратства наша страна уступает лишь Вьетнаму и Китаю, поэтому американские бизнесмены отказываются инвестировать в российских дистрибьюторов, так как не верят, что российское законодательство защитит их интеллектуальную собственность.

В Японии, несмотря на то, что там проживает на постоянной основе до 10 тысяч россиян, существует только один магазин русскоязычной книги «Наука» – предприятие книготорговой фирмы с одноименным названием, имеющее филиалы практически во всех крупных городах Японии – в Саппоро, Нагое, Киото, Осаке, Фукуоке. Со времен окончания Второй мировой войны и по сегодняшний день «Наука» не прекращает свою деятельность, переживая время от времени то всплеск интереса в России, как это было, например, в эпоху космических успехов СССР, во время и после перестройки, то его заметное ослабление, сопровождающееся внутренним японским экономическим кризисом, как это происходит сейчас.

Репертуар японской книги в России, представленной в советское время художественными произведениями, с 1993 г. претерпел значительные изменения. На сегодняшний день японская литература представлена достаточно широко – от мифов и сказок до актуальных произведений. Большими тиражами издаются японские сказки, а также классическая и современная поэзия, драматургия. С 1993 по 2000 гг. было издано не менее 200 переводных произведений японских авторов; существует около десятка серий, специализирующихся на выпуске переводов японской литературы: «Гипперион», «Кристалл», «Азбука» и др.

Новые тенденции в политической и экономической жизни России в 1990-е обусловили изменения в распространении произведений зарубежных авторов на территории нашей страны. За пять лет (1993 – 1998 гг.) суммарный тираж переводной литературы сократился более чем в пять с половиной раз. При этом количество наименований продолжало расти и к 2004 г. увеличилось почти в два раза. Доля же переводной литературы в общем объеме отечественной издательской продукции на протяжении почти десятилетия (1993 – 2000 гг.) оставалась неизменной – около 12%.

Японская интеллигенция сыграла немалую роль в отношениях между Россией и Кореей в сфере книжного дела. Именно на японском языке корейские интеллигенты впервые прочли Толстого, Чехова, Достоевского; с японского делались также первые переводы на корейский язык русских классиков, популярных в 60-х гг. Благодаря их произведениям корейская интеллигенция получила возможность изучать русский язык – все образование строилось вокруг умения читать, а не говорить по-русски.

В настоящее время популярность русской литературы в Корее снизилась. И это – отражение общего процесса, затронувшего не только Корею, но и большинство стран мира: население, в том числе и образованное, читает намного меньше, чем несколько десятилетий назад. Поэтому приоритетной целью международного сотрудничества является содействие подъему мировой книжной культуры, в том числе национального книжного дела.

Мировая книжная культура выступает как единая составляющая национальных книжных культур. Книжное дело российского Дальнего Востока является не только достоянием нашей страны, но и составной частью мирового книжного процесса. Становление открытого и равноправного сотрудничества Дальнего Востока России со странами АТР представляет собой важное условие для расширения межгосударственного общения, взаимообогащения духовными ценностями и опытом беспрепятственного обмена интеллектуальными и научно-техническими достижениями.

Влияние «Саммита АТЭС-2012» на объем международных контактов, социально-экономических связей и рекреационную конкурентоспособность Приморского края

В 2011 г. произошла заметная активизация международных контактов Приморского края в связи с вступлением в завершающую стадию подготовительных мероприятий Саммита АТЭС-2012 во Владивостоке.

Этот процесс напрямую связан с ростом региональной инвестиционной привлекательности. Внешнеторговый оборот Приморского края в 2011 г. увеличился по сравнению с 2010 г. на 11% и составил 7353,2 млн. долл. США, при этом, экспорт вырос на 20% до 1839,7 млн. долл. США, импорт – на 8% до 5 513,5 млн. долл. США. Внешнеторговый оборот Приморского края практически сравнялся с докризисным 2008 г. Стабильный рост по основным направлениям внешней экономической деятельности свидетельствует об интересе иностранных инвесторов к Приморью.

Однако следует отметить, что экспорт сохранил свою сырьевую направленность, наибольший удельный вес пришёлся на рыбу и морепродукты – 37%, древесину, изделия из неё – 19%, металлы и изделия из них – 6%. Наибольшие объёмы импортных поставок пришлись на машины, оборудование и транспортные средства – 33%, текстиль, текстильные изделия, обувь.

О глубокой интеграции края в торговые взаимоотношения тихоокеанского региона говорит тот факт, что основными странами-контрагентами остались страны АТР: Китай, на долю которого пришлось 55% внешнеторгового оборота края, Республика Корея – 19%, Япония – 9%, и США – 2%.

В 2011 г. была продолжена работа по формированию углубленных и сбалансированных отношений Приморского края со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Свидетельство тому – участие Губернатора края в составе официальных российских делегаций в зарубежных визитах Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина, первого вице-премьера И.И. Шувалова, а также работа делегации Приморского края на мероприятиях саммита АТЭС-2011 в Гонолулу, США. Количество иностранных делегаций разного уровня, посетивших Приморский край в 2011 г., увеличилось в несколько раз. Были организованы и проведены значимые международные мероприятия, охватывающие весь спектр контактов с зарубежными партнерами от экономики и науки до культуры и спорта. Например, 15-я Юбилейная Дальневосточная международная туристская выставка «Дальтур», заседание рабочей группы Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности, V Тихоокеанский экономический конгресс, IV Международный конгресс рыбаков, Чемпионат мира по тхэквондо пхумсе, Международный экологический форум «Природа без границ».

Отдельно следует отметить ежегодный Международный Кинофестиваль стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Пасифик Меридиан». К Азиатско-Тихоокеанскому региону относятся все страны, берега которых омывают воды Тихого океана, а так же, страны Юго-Восточной Азии вплоть до Индии. Фестиваль стал культурной площадкой, которая дает возможность всем участникам поделиться своим творчеством, опытом, идеями и творческими планами.

Культурные и социальные интеграционные процессы находят свое отражение и на уровне политическом. Так губернатор края, возглавив приморскую делегацию, принял участие в работе 16-го Саммита по международному обмену и сотрудничеству региональных администраций стран СВА, который состоялся в сентябре в провинции Цзилинь, КНР. По итогам Саммита губернаторами пяти регионов России, Китая, Республики Корея, Японии и Монголии подписана итоговая декларация, в которой нашли отражение основные принципы межрегионального взаимодействия.

Укрепились связи Приморского края с зарубежными партнерами на региональном уровне. В 2011 г. исполнилось 20 лет установлению дружеских связей Приморья с японскими префектурами Тоттори и Симанэ. Юбилейные даты были отмечены большим перечнем деловых встреч и культурных событий, которые озаменовали прочность 20-летних отношений и подчеркнули дальнейшие перспективы контактов края с Японией.

Указанный объем политических и экономических связей не мог не сказаться на интенсивности турпотока. В 2011 г. туристские компании Приморья оказали услуг на сумму 334,5 млн. руб. (рост к уровню 2010 г. на 12,1%), перечислено налогов на сумму 43,5 млн. руб. (рост к уровню 2010 г. на 12,1%), в том числе в консолидированный бюджет края 33,5 млн. руб. (рост к уровню 2010 г. на 20 %). Количество иностранных туристов въехавших в Приморский край в туристских целях увеличилось по сравнению с 2010 г. на 21,6 % и составило 82414 человек, количество жителей Приморского края, выехавших с туристскими целями, увеличилось на 32,8% и составило 651371 человек.

Достигнутые позитивные результаты стали возможными благодаря реализации на территории Приморского края федеральной целевой программы «Развитие города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе» и подпрограммы «Развитие города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе». За счет колоссальных финансовых вливаний во Владивостоке удалось с нулевого цикла отстроить современную инфраструктуру мирового уровня, которая благоприятно скажется на международных отношениях, социально-культурных связях и объеме въездного туризма. Среди достопримечательностей, востребованных туристической отраслью являются: мостовой переход через бухту Золотой Рог, мостовой переход через пролив Босфор Восточный, низководный мост Де-Фриз –

Седанка, кампус Дальневосточного федерального университета, театр оперы и балета. Мировая практика показывает, что возведение подобных визитных карточек положительно сказывается на турпотоке. Параллельно идет строительство инфраструктуры, призванной обеспечить полноценный отдых, свободное передвижение и комфортное проживание туристов. Это: развитие рекреационной зоны на острове Русский, строительство современных автомагистралей, двух пятизвездочных отелей, игровой зоны «Приморье», третьего водовода с насосными станциями, современной крытой ледовой арены и стадиона, рекультивация полигона твердых бытовых отходов, реконструкция и строительство очистных сооружений и так далее.

Проанализировав изложенные выше факты, можно сделать следующий вывод. Приморье является стратегически важным регионом России в идентификации страны как сильного международного фактора в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Владивосток стал позиционировать себя как будущий научный, экономический и культурный центр АТР. Это стало возможным благодаря политической воле федеральных властей и беспрецедентному уровню финансовых вливаний в экономику края.

Сведения об авторах

Авдеева В.А., корректор Издательского дома ДВФУ, Владивосток
Авилов Р.С., аспирант ДВФУ, Владивосток
Акуленко В.С., ассистент ДВФУ, Владивосток
Алексеева Э.В., Ижевск
Алленов В.А., аспирант ДВФУ, Владивосток
Ахметов В.В., аспирант ИАиЭ СО РАН, Новосибирск
Беляев Д.Д., кандидат исторических наук, доцент РГГУ, Москва
Болдырев В.Е., аспирант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Борисенко О. А., кандидат философских наук, специалист ЗабГУ, Чита
Васильева Л.Е., младший научный сотрудник ТОИ ДВО РАН, Владивосток
Века Е.А., аспирант ДВФУ, Владивосток
Веремейчик А.С., старший лаборант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Гамерман Е.В., доцент БФ МосАП, Благовещенск
Гасилин В.В., сотрудник Института экологии растений и животных УРО РАН, Екатеринбург
Гвоздев Р.В., старший лаборант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Гончарук И.А., редактор Издательского дома ДВФУ, Владивосток
Горбенко П.Л., ассистент ДВФУ, Владивосток
Горбунов С.В., сотрудник Тымовского краеведческого музея, Тымовск
Громова А.В., ведущий специалист ДВФУ, Владивосток
Гуань Минчжу, магистрант ДВФУ, Владивосток
Давлетшин А.И., кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВКА РГГУ, Москва
Дмитриева М.О., аспирант ДВФУ, Владивосток
Жиронкин Д.С., ассистент ДВФУ, Владивосток
Журавлёв П.В., аспирант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Заколотная А.С., младший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Зуенко И.Ю., ассистент ДВФУ, Владивосток
Зыков А.А., заведующий лабораторией ВГУЭС, Владивосток
Иванов С.А., младший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Кашникова В.И., аспирант ДВФУ, Артем
Козлов Л. Е., доцент ВГУЭС, Владивосток
Комлева Е.В., аспирант Института философии и политологии, Технический университет, г. Дортмунд (Германия)
Краюшкина Т.В., доктор филологических наук, старший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Крюков И.В., заведующий экспозиционно-выставочным отделом современной истории ГНУК «ХКМ им. Н.И. Гродекова», Хабаровск
Латушко Ю.В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток
Ли Шуан, магистрант ДВФУ, Владивосток
Макитрюк Е.В., аспирант БГПУ, Благовещенск
Мишукова О.В., студентка ДВФУ, Владивосток

Мищук С.Н., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИКАРП ДВО РАН, Биробиджан

Мочалов А.В., заместитель начальника учебного военного центра ДВФУ, Владивосток

Муталибов З.А., начальник цикла электроэнергетики учебного военного центра ДВФУ, Владивосток

Олейников И.В., кандидат исторических наук, старший преподаватель ИГУ, Иркутск

Орнацкая Т.А., кандидат исторических наук, преподаватель ХПИ ФСБ РФ, Хабаровск

Острирова Е.С., преподаватель РГГУ, Москва

Пискарева Я.Е., кандидат исторических наук, научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток

Попов А.Н., кандидат исторических наук, профессор ДВФУ, Владивосток

Пустовойт Е.В., кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток

Пятачкова А.С., оператор электронно-вычислительных и вычислительных машин НИУ ВШЭ, Москва

Раков В.А., доктор биологических наук, главный научный сотрудник ТОИ ДВО РАН, Владивосток

Реутов Д.А., студент ВГУЭС, Владивосток

Романов Р.Е., кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИИ СО РАН, Новосибирск

Савченко А.Е., кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток

Савчук А.А., аспирантка ДВФУ, Владивосток

Соснов М.Е., аспирант ДВФУ, Владивосток

Старогородцева В.В., адъюнкт Пограничной академии ФСБ РФ, Владивосток

Сухарев Д.В., студент ЗабГУ, Чита

Тимохин А.М., начальник отдела энергетики учебного военного центра ДВФУ, Владивосток

Ульянченко А.Л., аспирант ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток

Федорец Ю. В., кандидат биологических наук, научный сотрудник ТОИ ДВО РАН, Владивосток

Федюк Р.С., преподаватель ДВФУ, Владивосток

Цзя Хуэйминь, магистрант ДВФУ, Владивосток

Черепова А.А., студентка ДВФУ, Владивосток

Шарова О.А., младший научный сотрудник ТОИ ДВО РАН, Владивосток

Щукина М.К., ассистент ДВФУ, Владивосток

Научное издание

ТИХООКЕАНСКОЕ ВРЕМЯ РОССИИ И МИРА

Культура, история, политика

ХIII всероссийская научная конференция молодых ученых
(с международным участием)

Владивосток, 18–22 апреля 2012 г.

Программа и тезисы

Редактор, корректор, компьютерная верстка *Ю.В. Латушко*.
Дизайн обложки *С.А. Иванов*

Подписано в печать 28.03.2012.
Гарнитура «Таймс». Формат 60х84/16.
Уч.-изд. л. 10,01. Усл. печ. л. 8,74.
Тираж 120 экз. Заказ

Издательский дом Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27, к. 345

Отпечатано на полиграфическом оборудовании
Отдела информационных технологий
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ИИАЭ ДВО РАН
690950, Владивосток, Пушкинская, 89
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru